

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»

И. В. Мелик-Гайказян, М. В. Мелик-Гайказян

**АТТРАКТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ:
методологические принципы
управления символизмом целей**

Монография

Серия: «Системы и модели: границы интерпретаций»

Томск 2012

ВВЕДЕНИЕ

М 47 Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В.

Аттрактивный менеджмент : методологические принципы управления символизмом целей : монография. – Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. – 160 с. (Серия «Системы и модели: границы интерпретаций»)

ISBN 978-5-89428-645-7

В монографии на основе информационно-синергетического подхода обнаружены и в форме моделей представлены взаимосвязи результатов фундаментальных исследований нелинейной динамики сложных систем, теорий управления и семиотики. Оригинальные модели выражают соответствие стадий информационного процесса этапам самоорганизации сложных открытых систем, а их изоморфизм для систем любой природы обеспечивают методологическую корректность экстраполяции выводов нелинейной динамики для социокультурных систем. Результат каждой стадии является формой знака, что делает возможным выявление трансформации символики в процессах управления. Концепция аттрактивного менеджмента представляет управление не столько как процесс достижения поставленной цели, сколько как управление семиотическими форматами цели. Аттрактором динамики управляемых и управляющих (Р. Дарендорф) и задачами менеджмента в обществе знаний, а также раскрывает властные потенциалы символики в процессах социокультурных трансформаций.

Для широкого круга специалистов в области современных теорий менеджмента, нелинейной динамики, философии управления и социальной философии, а также для аспирантов и студентов, интересующихся проблемами управления и методологическими возможностями их решений.

Рецензент: зав. кафедрой экономической теории ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, А. В. Сидорович.

Редакционная коллегия: Р. Г. Апресян, Г. И. Зверева, В. Г. Кузнецов, В. А. Лекторский, В. М. Розин, Б. Г. Юдин.

**Главный редактор
и автор проекта**

**«Системы и модели:
границы интерпретаций»:** И. В. Мелик-Гайказян.

Публикуется при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 10-06-00313-а «Аттрактивный менеджмент: методологические принципы управления динамикой сложных систем»)

ISBN 978-5-89428-645-7

© Издательство ТГПУ, 2012
© И. В. Мелик-Гайказян, М. В. Мелик-Гайказян, 2012

Существует остроумная интерпретация перевода с греческого языка слова «метафора»¹. Метафора буквально переводится на русский язык словом «тележка», перевозящая свой «груз» из одного контекста в другой. Этот «груз» становится смыслом, понимаемым только за пределами той семантики, которое покидает «тележка», поскольку обогащается значениями, живущими в границах ее «пункта назначения». Предлагаемая читателю книга целиком посвящена методологии аналогичного трансфера «груза» понятий из области исследований символизма в область социальной философии, из области теории управления в область семиотики, из области синергетики в область менеджмента.

Поскольку все мы теперь только романы, повести и рассказы читаем с первой страницы до последней, да и то не всегда, содержание данной книги изложено так, что ее можно начать читать с любого места или прочесть только ее один фрагмент. Но не только в этом находит объяснение повторяемые в разных ее разделах акценты и аргументы. Сложившиеся стереотипы и предубеждения в понимании феноменов самоорганизации, информации, управления и динамики знаков требуют в изложении трактовок их формальных и концептуальных пересечений некой круговой композиции.

Структуру книги раскрывает следующие убеждения авторов. Во-первых, задачей менеджмента является оптимизация в достижении поставленной цели, но способ этой оптимизации состоит не столько в поиске кратчайшего пути до «пункта назначения», сколько в организации такой привлекательности этого «пункта», что он станет аттрактором, притягивающим все сценарии его достижения. Объяснению оригинальности такой постановки задачи посвящена Глава 1. В ее параграфах раскрыто первое приближение к применению в решениях задач менеджмента тех результатов синергетики, которые касаются объективных целей сложных систем – аттракторов. «Притягивающий хаос» или аттракторы существуют в пространстве состояний самоорганизующихся систем, а воплощением этого пространства становится коммуника-

¹ Это замечание сделал и часто повторяет известный философ и поэт – Вадим Львович Рабинович.

тивная организация систем, управляемая семиотическими средствами. Иными словами, искусство менеджмента состоит в символизации своих целей, а для овладения этим искусством необходимо точно знать границы применимости стилей управления на конкретных этапах нелинейной динамики управляемых систем.

Во-вторых, механизмами социальной динамики и ее управления являются информационные процессы, состоящие из строгой последовательности стадий, а результат каждой из стадий становится условием «старта» для очередного этапа. Модели информационных процессов (Глава 2) раскрывают вариативность и нелинейность в формировании символики властных взаимодействий всех субъектов управления. Только в информационно-синергетическом подходе, основанном на философии процесса А.Н. Уайтхеда, открывается перспектива измерений эффективности управления целями и понимания условий создания той согласованности в трансляциях форм символики, которая создает символ как аттракцию. Эта согласованность – когерентность – детерминирует «переворот в символизме» и становится мощным ресурсом управления. Итак, «груз» «тележки» – это множественность форм символики, а путь перевоплощений этих форм в символ – раскрывают модели информационных процессов.

В-третьих, возрастающий темп предложения новых «пунктов назначений» способен вызвать манипуляцию памятью, что становится не замечаемым «побочным продуктом» инновационного менеджмента (Глава 3). Если мы забудем подробности пройденного «пути», то горизонты будущего ограничатся стенами «тележки» и нас ждет однообразие езды по бесконечному кругу.

Лаконичность, наглядность и обаяние трактовки метафоры позволяет нам адресовать книгу читателям, которые либо поглощены исследованиями в области менеджмента, либо еще ничего не знают о теориях менеджмента. Первая группа читателей легко поймет сказанное о специфике «груза» и устройстве «тележки», а вторую группу читателей может увлечь перспектива изучения современных технологий менеджмента, под властью символики которых все мы живем.

ГЛАВА 1

ЭФФЕКТ «ДВУЛИКОГО ЯНУСА» И ПАРАДОКСЫ МЕЧТЫ

Известный образ древнеримского бога – двуликого Януса – воплощал единство «входов и выходов», начала и завершения любых действий, прошлого и будущего. В символике той эпохи присутствие Януса было постоянным – он изображался на самой мелкой монете, его имя дало название первому месяцу года, храмы ему представляли своеобразный коридор между двумя дверями, которые стояли открытыми в военное время и закрывались в редкие периоды мирной жизни. Управление состоит в последовательности шагов по подобному коридору. Однако действительность, в которой происходит любое управление, преподносит нам сюрпризы, отвечая на воздействия менеджмента непредсказуемыми реакциями. Мир идей движем «единством и борьбой противоположностей», а выражение этого неизбывного закона нашло себя в образе Януса, возглавляющего иерархию высших сил в древнеримских мифах. За десять веков своего главенства Янус «получил» еще два лика. Став четырехликим, что воплощало четыре стороны света, он соединил в себе взаимосвязь времени и пространства действий. Механизмы этих взаимосвязей скрыты от очевидности. Благодаря нелинейной динамике теперь мы знаем, что путь от начала до завершения любых действий не обладает прямолинейностью коридора, и его ветвления имеют множество «входов и выходов».

В современном пространстве управленческих решений особую роль стал играть образ мечты¹. Слово «мечта» становится в

¹ Йенсон Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес. СПб., 2004.

последнее время, пожалуй, самым часто употребляемым в рекламных объявлениях. Так, недавно, только в одном вагоне нам довелось прочесть следующие объявления. Ювелирный магазин называл свой товар «кристалл мечты»; авиационная компания предлагала работу в качестве «вакансии мечты»; а одна из лотерей утверждала, что «сбывает мечты». В последнем объявлении слово «сбывает» читатель мог воспринять как синоним *осуществления* его мечты, а мог воспринять как честное указание, что его мечты являются предметом *сбыта*. Авторы рекламных объявлений эксплуатируют слово «мечта», так как его использование избавляет от адресного обращения к конкретной группе потребителей, поскольку каждый потребитель воспримет в этом слове апелляцию к его личным устремлениям. Иными словами, можно не создавать отдельную рекламу для женщин, мужчин, детей, молодежи, деловых людей и домохозяек, а достаточно все образы желаемой цели выразить одним словом. Вместе с тем феномен мечты востребован в современном обществе в силу своей амбивалентности, подобной сущности двуликого Януса. Мечта может быть мощным стимулом для неуклонного совершения поступков, увеличивающих вероятность ее осуществления, а может быть мощным средством утешения для тех, кто замещает подобное движение к цели различными упованиями. Таким образом, мечта одновременно становится адаптационным и компенсаторным средством жизни в настоящее время. Это указывает на одновременность обращения мечты к будущему (в страстном стремлении достичь желаемого состояния) и прошлому (в утешении от неудачи в достижении желаемого), что эксплуатируется в восприятии образа мечты в сиюминутности настоящего. Вместе с тем исследовательские результаты в области нелинейной динамики открывают всю мощь потенциалов асимптотических целей, то есть – мечты.

§ 1.1. Идея концепции аттрактивного менеджмента

В первом приближении теории управления находят способы своеобразного перехода из исходной ситуации в ту ситуацию, достижение которой является целью². Проблемой является и ре-

² Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В. Аттрактивный менеджмент: методологические проблемы теории управления и философское обоснование понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 11. С. 36–40.

levantность оценки начальных условий, и определение эффективного способа достижения цели, и обоснование выбора целевой ситуации. Последняя составляющая проблемы, по нашему убеждению, становится самой сложной. В основе перечисленных проблем мы усматриваем целый комплекс теоретико-методологических задач, не имеющих однозначного решения. Этот комплекс образуется вокруг философских интерпретаций причинности и методологических обоснований выбора релевантных средств исследования сложных систем. Вместе с тем, постнеклассические представления об *аттракторах* (от латинского «*attrahere*» – притягивать) дает право ввести в теории управления новое понимание *цели*, что открывает методологические возможности для внедрения в эти теории результатов фундаментальных наук.

Объектом современных теорий управления стало поведение предприятий и организаций, являющихся структурными элементами сложных социально-экономических систем. Состав факторов, определяющих сценарии этого поведения, и характер их взаимозависимостей образуют предметные области различных направлений теорий управления. Сами сценарии поведения являются результатом организации того, что в теориях управления называют бизнес-процессами. Обращение к существу явлений, обозначаемых понятиями «сценарии поведения» и «бизнес-процессы», по нашему убеждению, позволяет вскрыть истоки проблемной ситуации в теоретических основах управления, поскольку «белым пятном» теории является понимание природы процессов и их роли в механизмах динамики сложных систем³. Мы видим объяснение самого факта сложившейся проблемной ситуации, в том, что в отличие от экономической теории в науках об управлении в должной мере отсутствует восприятие методологического потенциала нелинейной динамики. Подробный анализ становления принципов неравновесной нелинейной термодинамики и их проникновения в экономическую теорию был уже проведен нами для разработки методологии моделирования поведения сложных систем⁴. В данном параграфе мы ограничимся лишь

³ Нив Генри Р. Пространство доктора Деминга: принципы построения устойчивого бизнеса. М., 2005. С. 99–180.

⁴ Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001. С. 22–85, 172–213.

схематичным сопоставлением этапов развития нелинейной динамики и экономической теории (рис. 1.1). На рисунке представлены три этапа становления термодинамики, совпадающие с тремя этапами развития экономической теории.

Это совпадение не является случайным, поскольку коррелируется со сменой научных картин мира: классической, неклассической и постнеклассической. Последняя из перечисленных

Рис. 1.1. Сопоставление этапов термодинамики и экономической теории

научных картин мира на методологическом уровне обоснована В.С. Степиным, в частности доказавшим, что научные картины мира являются источником разработки исследовательских программ во всех науках. Приведенное нами сопоставление акцентирует необходимость внедрения постнеклассической методологии в теорию и практику современного менеджмента, поскольку для выработки управленческих решений, как мы уже говорили, необходима адекватная оценка исходной ситуации.

Данная оценка проводится, в первую очередь, как оценка экономического состояния, а современные методы диагностики этого состояния в своей основе уже претерпели кардинальные изменения благодаря вовлечению результатов фундаментального знания. Для развития экономической науки принципиальное значение имели достижения законов нелинейной динамики состояний системы (рис. 1). В теориях управления, как нами уже отмечалось, в центр внимания попадают не столько изменения состояний, сколько процессы, вследствие организации которых происходит динамика состояния системы. Второму этапу на рис. 1 соответствует кибернетика как наука об управлении в саморегулирующихся системах. Системы, ставшие объектом третьего этапа, принадлежат к принципиально другому классу систем. Эти системы стали объектом изучения в междисциплинарном направлении, за которым закрепилось в отечественной литературе название синергетика, а в международной практике – нелинейная динамика.

Исследование сложных открытых систем позволило оформить на основании открытия роли аттракторов в их динамике такое мощное направление, как динамическую теорию информации, в рамках которого были преодолены трудности кибернетики, касающиеся объяснения природы двух процессов: генерации и рецепции информации.

В динамической теории информации выживание в условиях жесткой конкуренции связывается с целью и моментом принятия решений. Причем цель определяет ценность, а время (момент) определяет эффективность предпринимаемых управленческих решений. Излишне обосновывать актуальность подобных методологических средств для теорий управления в постиндустриаль-

ном обществе. Казалось бы, обращение только знаковым книгам⁵, излагающим принципы нового поколения менеджмента, который складывается под диктатом трансформации ролей культурной эпохи, ценностей информационного общества и событий в социокультурной динамике, опровергает наше утверждение о необходимости методологического восприятия в теориях управления положений постнеклассики. Однако принципы нового поколения менеджмента – принципы прецедента. Иными словами, эти принципы выработывались на основе прецедента удачного разрешения конкретной кризисной ситуации. В отдельных случаях удачное решение обладало эффектом поризма, то есть получаемое решение частной задачи становилось способом преодоления проблемы, охватывающей по своему содержанию более широкий круг явлений, чем тот, к которому относилась исходная задача. В истории науки известны случаи, например, становление классической термодинамики, при которых феноменологическое постижение предшествовало созданию теорий. Вместе с тем, в современной науке сложилось отношение к математическому моделированию как к интеллектуальному ядру и критерию обоснованности теоретических оснований. Создание математических моделей возможно на фундаменте концептуальных моделей, для разработки которых становятся востребованными рецептурные функции методологии. Итак, методология подключается, как правило, для разрешения противоречия между природой исследуемого объекта и релевантностью методов постижению специфики этого объекта. Системы, выступающие объектами теорий управления, по своей природе являются открытыми, сложными, нелинейными и неравновесными. Элементы этих систем способны к самоорганизации, чувствительны к случайностям, способны самопроизвольно переключать сценарии поведения. При этом «управление теряет ха-

⁵ Нив Генри Р. Пространство доктора Деминга: принципы построения устойчивого бизнеса, 2005; Петерс Э. Порядок и хаос на рынках капитала. М., 2000. Лайкер Дж. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира, 2005; Оно Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства. М., 2006; Йенсон Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес. СПб., 2004. Нордстрем К., Риддестралем Й. Бизнес в стиле фанк. СПб., 2001; Шмит Б., Роджерс Д., Вроцос К. Бизнес в стиле шоу. Маркетинг в культуре впечатлений. М., 2005. Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М., 2003; Беннис У.Дж., Томас Р.Дж. Как становятся лидерами: менеджмент нового поколения. М., 2006.

актер слепого вмешательства методом проб и ошибок, опасных действий против собственных тенденций систем, и строится на основе знания того, что вообще возможно осуществить в данной среде»⁶. Таким образом, на методологическом уровне должны быть выработаны способы, во-первых, отслеживать тенденции динамики управляемой системы, и, во-вторых, выяснять возможности параметров среды, в которой «живет» система.

Если с первой задачей новое поколение теорий управлений справляется «методом проб и ошибок», то вторая задача с трудом находит решение на философско-методологическом уровне. Дело в том, что ответить на вопрос: «Что вообще возможно осуществить в данной среде?» – значит ответить на вопрос: «Какие цели достижимы в данной действительности?» Более того, если, предположим, мы нашли ответ на эти вопросы, то возникнет следующий: «Что есть причина наших действий – начальные условия или поставленная цель?» В зависимости от ответа на этот вопрос философские представления о причинности подразделяются на детерминистические и телеологические (от греческого слова «телеос» – «цель»). Сложилась традиция относить телеологические воззрения к идеалистическим представлениям, допускающим существование «внешней целесообразности» как проявление действия некоторых надприродных сил, поскольку у природы нет и не может быть «внутренней цели», «стремления», направляющей ее развитие. Становление постнеклассической научной картины мира изменило категоричность возражений против телеологических представлений. Изменился «угол зрения» на динамику окружающей нас реальности. Суть можно выразить кратко. Есть класс систем, которые переживают хаотические состояния, причем *сами* в них «попадают», *сами* из них «выходят» и *сами* «выбирают» пути своей эволюции. В этом коренится пессимизм и оптимизм нового взгляда. Пессимизм заключается в том, что «сложноорганизованным социоприродным системам нельзя навязывать пути их развития»⁷, а *сами* они далеко не всегда выбирают лучшее⁸. Оптимизм – малыми усилиями можно достигнуть желаемого, что все, или, по край-

⁶ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизация сложных систем. М., 1994. С. 236.

⁷ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетей, 2002. С. 17.

⁸ Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М.: Наука, 1990.

ней мере, очень многое возможно осуществить. Подчеркнем, что достижение поставленной цели малыми усилиями есть основная задача теорий управления. Для решения на теоретическом уровне нужно осознать всю фантастичность и «суровость механизмов самоорганизации», которые интенсивно постигает постнеклассическая наука. В научное рассмотрение были включены процессы, не описываемые детерминистическими законами, то есть законами, которые искали и находили классическое естествознание и позитивная философия. Познавательная ситуация изменилась с открытием одного из фундаментальных фактов теории самоорганизации – странных аттракторов. Асимптотически устойчивые решения, окруженные областями притяжения, в литературе именуется *аттракторами*. В классических представлениях это понятие было синонимом устойчивости и воспроизводимости – выхода в конечном итоге на «то же самое» при любых начальных условиях⁹. В синергетическом описании были выявлены определенные условия, при которых полностью детерминированные динамические системы «попадали» в область хаотического поведения (в область «близкого, но не того же самого»). В результате начальные условия, сколь угодно близкие, но не совпадающие, порождают различные эволюции, различные траектории. В фазовом пространстве есть участки «притягивающие» эти траектории, по которым происходят случайные блуждания. Таким образом, в синергетическом формализме находит выражение некое будущее самоорганизующейся системы в образе «привлекающего хаоса». В контексте данной статьи важно подчеркнуть одно различие в представлениях об аттракторах: «странные аттракторы», фазовый портрет которых представляет некоторую ограниченную область решений, и «структуры-аттракторы» как реальные структуры в открытых нелинейных средах, на которые выходят процессы эволюции в этих средах¹⁰. Иными словами, речь идет о том, что будущее состояние системы может быть либо каким угодно (трактовка аттракторов И.Р. Пригожина как «привлекающего хаоса»), либо будущее состояние системы может иметь строго определенное число *разных* вариантов, причем спектр этого «разного» определен свойствами самой нелинейной среды (трактовка аттракторов С.П. Курдюмовым как

⁹ Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. М.: Прогресс, 1994. С. 80.

¹⁰ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Законы эволюции и самоорганизация сложных систем*. М., 1994. С. 364.

структур-аттракторов). В принципе есть возможность примерить обе позиции, если принять, что обе трактовки целевых причин разделены временным горизонтом¹¹. Аттрактор-«привлекающий хаос» это асимптотически удаленная цель системы, а структуры-аттракторы это прогностические цели системы. Для использования постнеклассических идей в менеджменте важно осознание того, что объективно существуют цели динамики системы, и, что эти цели имеют определенную иерархию во времени. В работах школы И.Р. Пригожина говорится об аттракторах с фрактальными размерностями (странных аттракторах), позволяющих переносить результаты исследования их свойств «из пространства форм на пространство поведения объектов во времени»¹². С другой стороны, школа С.П. Курдюмова исследовала структуры-аттракторы, реальные устойчивые состояния нелинейной среды, свойствами которой обладает и общество.

Понятие «цель» очевидно, если речь идет об осознанном целеполагании. Если же проблема определения ценности информации связана с самоорганизующимися системами, в которых этого четкого осознания вообще не может быть (неживые системы) или большинством не осознается (реальные социокультурные системы), то цель можно понимать как выход на аттрактор, обеспечивающий дальнейшее устойчивое развитие. При этом вопрос о том, сколько и каких путей развития возможно, и, что составляет понятие «аттрактор», решается, как мы видели, по-разному в зависимости от временного горизонта. Ясно лишь, «что скрытый в нелинейной среде дискретный спектр структур-аттракторов предстает как нечто идеальное, как спектр целей эволюции»¹³. Это определяет новую телеологию. Появился даже новый термин – «телеомонизм» – представления о целевой причине без привлечения гипотез о надприродных силах.

В свете всего вышесказанного, особую актуальность приобретает философия процесса А.Н. Уайтхеда, в которой были выделены два типа процессов: детерминистическим (переход) и телеологическим (сращение). Эти виды процессов обретут конкретность в

¹¹ Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М.: Научный мир, 2005.

¹² Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. М.: Прогресс, 1994. С. 80.

¹³ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Законы эволюции и самоорганизация сложных систем*. М., 1994. С. 133.

моделях, о которых мы специально будем говорить в Главе 2. Пока же приведем утверждение, демонстрирующее принципиальную разницу в организации детерминистических и телеологических процессов: «Одна и та же причина при сходных обстоятельствах порождает одно и то же следствие. Или: «если одним и тем же способом приготовить две *подобные* системы, то поведение их будет *одним и тем же*»¹⁴. Но в работах, обосновывающих новый менеджмент, сильны исследовательские установки детерминизма.

Итак, во-первых, построение концептуальных моделей, разграничивающих процессы перехода и сращения, необходимо для обнаружения тех пределов, в которых применимы выводы современных теорий управления. Во-вторых, в разных версиях современного менеджмента организация бизнес-процессов сводится либо к способам преодоления кризисных ситуаций, либо к трансформации стиля управления, либо к изменениям предназначения компании, то есть того, что получает в этих теориях название философии фирмы. Эта группировка теорий современного менеджмента соответствует двум способам измерения пространства режимов динамики сложных систем. *Первый* связан с последовательностью конструктивных целей самоорганизации, которые сменяются в следующем порядке: конъюнктурные (преодоления кризисных ситуаций), прогностические (трансформации стиля управления), асимптотические (изменение предназначения компании). Динамика целей раскрывается в рамках телеологического процесса, что позволяет развести во времени действие цели как структур-аттракторов и действие цели как «притягивающего хаоса». *Второй* способ измерения пространства режимов связан с целями трансляции информации: преодоление кризисных ситуаций (трансляция семантики); трансформации стиля управления (трансляция синтактики); изменение предназначения компании (трансляция прагматики). Перечисленные виды трансляций – семантика, синтактика, прагматика – соответствуют разделам семиотики, являющейся наукой о знаках. В первом приближении, семантике принадлежат знаки, подобные дорожным знакам, синтактике – правила дорожного движения, прагматике – решения, принимаемые водителями и пешеходами в различных ситуациях, а все эти знаки вместе составляют символику, которая организует пространство, соединяющее всю сеть коммуникаций и всех

¹⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М.: Прогресс, 1994. С. 81.

«участников дорожного движения». Изменения, вносимые в организацию этого пространства, распределяются по тем же каналам. Можно по-новому расставить дорожные знаки или построить другие дороги, усовершенствовать правила дорожного движения, воспитывать «участников дорожного движения». Но если «пробки» не исчезнут или нарушителей не станет меньше, то необходимым станет решение, учитывающее всё множество целей всех субъектов дорожного движения. В настоящее время существуют примеры разнообразных решений, приведших к исчезновению пресловутых «пробок» и повысивших безопасность движения. Все эти примеры объединяет то, что был найден новый способ управления символикой. Приведенный пример дает возможность увидеть взаимосвязь устройства коммуникаций, форматы каналов трансляций, видов знаков, целей управления и динамики организационной структуры систем.

Основанием концепции аттрактивного менеджмента стала трактовка знаков как результатов различных этапов трансляций, понятых в качестве информационных процессов, которые, в свою очередь, являются механизмами самоорганизации систем – самоорганизации, движимой к спектру объективных целей. Таким образом, управление аттракциями способно вызывать самоорганизацию системы. Завершим параграф остроумным выражением Э.Ласло: «Эволюция – всегда возможность и никогда не есть судьба»¹⁵.

§ 1.2. Коллективная мечта в иерархии целей

Рассмотрим иерархию целей, возникающую в нелинейной динамике сложных систем, для нахождения способа упорядочения современных теорий менеджмента¹⁶. В жизни организаций есть фазы, на которых возникают кризисные ситуации. Виды кризисов являются функцией двух параметров: времени жизни организации и достигаемого за это время размера организации. Преодоление каждого вида кризиса требует структурной реорганизации и смены стиля менеджмента. Долгое время непреодолимым считался так называемый кризис синергии. Эта фаза соответствует со-

¹⁵ Цитируется по книге: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомииры. СПб.: Алтейя, 2002. С. 131.

¹⁶ Мелик-Гайказян М.В. Иерархия целей в концепции аттрактивного менеджмента // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 5. С. 59–65.

стоянию организации, при котором утрачивается административная и юридическая целостность компании, что требует управления не жестко определенными подразделениями, а проблемно ориентированными группами. Следовательно, становится необходимым нахождение способа управления, вызывающего самонастройку всех структурных элементов системы. Спасением для крупных и долго живущих организаций стала концепция самообучающихся организаций, предложенная П. Сенге. Можно счесть красивым ходом, обоснованным П. Сенге, рассматривать коллективную мечту в роли спасительного круга. Свое обоснование он начинает с не менее изящного примера, связанного с фрагментом из классического фильма С. Кубрика «Спартак». После того, как римскими легионами было разбито войско Спартака, командующий легионами Марк Красс обращается к уцелевшим мятежникам: «Вы были рабами. Вы будете рабами и впредь. Но по милости римского народа я могу избавить вас от законного наказания, от повешения на кресте. Для этого вы должны выдать мне Спартака, которого никто из нас не знает в лицо»¹⁷. После долгого молчания Спартак, в исполнении актера К. Дугласа, встает и говорит: «Я – Спартак». Поднимается сидящий рядом с ним человек и повторяет: «Я – Спартак». Встают один за другим воины и повторяют эти же слова, тем самым, выбирая смерть. В войске Спартака никогда не было согласия. Эти рабы хранили верность не Спартаку, а общей мечте, которую в них он зажег, – стремлению к свободе. Этим примером П. Сенге иллюстрирует свое убеждение в том, что в обществе нет сил, сравнимых по своей мощности с силой коллективной мечты. Мечта, захватившая устремления большого числа людей, способна заставить следовать ей без иных способов принуждения или стимулирования. Таким образом, коллективная мечта сама становится мощным стимулом, направляющим разные действия разных людей к одной цели. Это воздействие коллективной мечты вызывает эффект самоорганизации и тем самым преодолевает кризис синергии, что открывает новый этап жизнеспособности в больших и долго существующих компаниях.

Исследования нелинейной динамики сложных систем различной природы позволяют сделать вывод, что коллективная мечта ста-

¹⁷ Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М., 2003. С. 207.

новится аттрактором в пространстве социокультурных систем¹⁸. Под аттракторами в нелинейной динамике понимают те возможные будущие, в одно из которых «попадет» система через определенное время. Еще раз напомним, что у этой новой телеологии есть четкие границы применимости. Она допустима только на этапах сильной неустойчивости в динамике систем и принадлежит формализму фазового пространства. Вместе с тем в этих границах применимости можно найти возможности для определения аттрактивных состояний в динамике социокультурных систем. Постановка этой задачи обусловлена тем, что переход в аттрактивное состояние для системы естественно, то есть не требует привлечения дополнительных ресурсов. На этом основании была выдвинута концепция аттрактивного менеджмента как стратегия управления будущим, притягивающим настоящее. В нашей постановке задача состоит не в том, чтобы находить оптимальные переходы к желаемому будущему, на что, например, направлена управленческая технология форсайт, а в том, чтобы научиться организовывать это желаемое будущее, создавая в настоящем аттрактор будущего, который и «притянет» настоящее. Это принципиально новая постановка задачи потребовала и оригинальных способов ее решения. Для объяснения сути таких способов дадим свою интерпретацию примера, которым П. Сенге иллюстрировал потенциалы коллективной мечты.

Во-первых, в фильме С. Кубрика «Спартак» давалась интерпретация фактических обстоятельств античной истории с позиции ценностных ориентаций западной культуры XX века. Причем эти ценностные ориентации имеют выражение, принадлежащее феномену американской мечты. В прочтении С. Кубрика история прошлого акцентировала ценность личной свободы и право личности на эту свободу в такой форме, в которой индивидуальные цели очень разных людей фокусировались в общую для них идею свободы. Эта объединяющая их идея-мечта заставляла быть людей самоотверженными. В принципе, ценность индивидуальной свободы можно было зримо представить в фильме и о фактах современной истории. Обращение к истории, происходившей в первом веке нашей эры, демонстрировало неизбежное присутствие идеи свободы и необходимости борьбы за нее на протяжении почти двадцати веков. Если вспомнить, что сам фильм был в тот период, который находился

¹⁸ Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.

между принятием в США Закона о гражданских правах, уравнивавших белое и цветное население в избирательных правах (1957 год) и окончательным уравниванием в гражданских правах всего населения (1964 год), то можно представить всю актуальность предложенной интерпретации истории восстания рабов в римской истории. Эта интерпретация была далека от исторического факта, но была важна для формирования общественного мнения, не приемлющего рабства в любом виде. Итак, для создания коллективной мечты, определяющей образ будущего, использована интерпретация прошлого, в котором акцентирована ключевая ценность культуры – право человека на индивидуальную свободу. Обращение к столь далекому прошлому призвано было подчеркнуть необходимость прохождения долгого пути к обретению этой свободы и пониманию форм выражения индивидуальной свободы: от отрицания рабства до свободы человека в выборе политических, интеллектуальных и религиозных предпочтений. Таким образом, мы имеем основания для следующего вывода. Идея, питающая коллективную мечту, должна выражать семантические основания и принадлежать асимптотической устремленности конкретной социокультурной системы, то есть – принадлежать вполне определенной конъюнктуре.

Во-вторых, искусство режиссера создает яркое визуальное воплощение ситуации, в которой сплавляются поступки побежденных рабов, образ самопожертвования во имя свободы и вербальное выражение того, против чего направлен этот – в фильме это слова Красса. Этот сплав действия, образа и смысла создает символическое выражение коллективной мечты о свободе. Достижение этого эффекта отнюдь не случайно. В науке о знаках – в семиотике – данный эффект объясняется соединением прагматического, синтаксического и семантического выражений знака. Одновременность этих выражений создает то, что А.Н. Уайтхед называл «переворотом в символизме», придавая этому «перевороту» значение искусства управления¹⁹. Информационный механизм совершения «переворотов в символизме»²⁰ раскрывает их семиотическую природу.

В-третьих, эффект достигнутый фрагментом фильма предметно демонстрирует образ поступков и мыслей, которыми необ-

¹⁹ Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999. С. 45.

²⁰ Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В.Мелик-Гайказян. М., 2005. С. 77–95, 215–223.

ходимо руководствоваться для достижения асимптотически удаленной цели. В принципе, в этом и есть назначение семиотического воздействия. Данное воздействие есть наглядный вид того стереотипа, которым нужно руководствоваться при личных интерпретациях предлагаемой знаковой ситуации. Структура семиотического воздействия обладает достаточной сложностью, а эта сложность диктуется, в первую очередь, свойствами знака. К ним относятся специфические «тройки» свойств, раскрывающие условия существования знака в построениях Ч.С. Пирса, Ч.У. Морриса и Г. Фреге. Кроме того, есть своеобразная тройственность и в восприятии коллективной мечты, и в самом ее создании. При исследовании роли мечты в социокультурной динамике²¹ было установлено, что идея «прекрасного будущего» создается в последовательности мечта, проект, план. Так, для войска Спартака освобождение от рабства было мечтой, для реализации которой в их современности не было никаких социальных возможностей. Для зрителей фильма «Спартак» идея социального устройства, в котором все были бы одинаково свободны, становилась уже проектом, а реальность его осуществления выражал обсуждаемый в то время Закон о гражданских правах. Пресловутый кодекс политкорректности в последующие пятьдесят лет стал реализацией плана по устранению уже вербального выражения любой дискриминации. Итоги президентских выборов в США в 2009 году продемонстрировали успешность того проекта, который еще пятьдесят лет назад казался утопией. Вместе с тем в жизни можно наблюдать обратную перспективу восприятия любого решения, обладающего безусловной новизной. Система изначально воспринимает тот выбор, который удовлетворяет конъюнктурным или сиюминутным целям. Затем воспринимаются решения, которые приближают достижение прогностических целей (далекие, но одновременно с этим достижимые в период «жизни» всех элементов системы), и только потом получают распространение решения, которые обеспечивают достижение асимптотических целей, то есть целей, связанных с максимально удаленным будущим. Иными словами, люди, составляющие войско Спартака, восприняли мечту о свободе, «сбывшуюся» через двадцать веков. Ее семантика объединила этих людей в противостоянии современной им расстановке сил и

²¹ Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В.Мелик-Гайказян. М., 2005. С. 162–214.

направляла их действия, как мы сказали бы сегодня, в контексте политической конъюнктуры. Успех фильма «Спартак» в 60-е годы XX века был продиктован его соответствием прогностическим ожиданиям в обществе. Классическим этот фильм сделали две вещи – прагматическая составляющая, отвечающая асимптотическим целям западной культуры, и вольная интерпретация древнеримской истории. Парадокс коллективной мечты в том, что сплавляющей силой она становится тогда и только тогда, когда предлагает ясный символ будущего, восприятие которого заставляет либо забыть прошлое, либо заново символизировать его. Иными словами, при выборе аттрактора необходимо учитывать, что его семантика заставит систему «забыть» свое прошлое, а «переворот в символизме» – это всегда начало новой реальности. Данное обстоятельство свидетельствует, что семиотическими средствами можно создать символ-аттрактор, который вызовет самоорганизацию социокультурной системы, но расплатой за успех будет коллективная амнезия. Будет неизбежно, что и подтверждает рассмотрение истории всех крупных реформ и поворотных периодов в социокультурной динамике. Поэтому управление, направленное на организацию аттракций, должно включать в свои процедуры и восполнение брэнности памяти. Более подробное описание этого положения будет представлено в Главе 3.

Отмеченная иерархия целей – план, проект, мечта – соответствует видам аттракторов. Различные типы систем обладают и отличными друг от друга аттрактивными состояниями: простые аттракторы, структуры-аттракторы, странные аттракторы или «привлекающий хаос» etc. В процессе своей динамики система способна изменять свою сложность, поэтому, в первом приближении, эти аттракции выражают целевую ситуацию на каждом из этапов самоорганизации.

Понятие простого аттрактора в классических представлениях являлось синонимом устойчивости и воспроизводимости – выхода в конечном счете на «то же самое» при любых начальных условиях. Это справедливо для простых систем в устойчивые периоды. В исследованиях эволюции сложных систем, переживающих периоды сильной неустойчивости, были выявлены определенные условия, при которых полностью детерминированные динамические системы «попадали» в область хаотического поведения – в область «близкого, но не того же самого». В результате начальные

условия, сколь угодно близкие, но не совпадающие, порождают различные эволюции, различные траектории. В фазовом пространстве есть участки, «притягивающие» эти траектории, по которым происходят случайные блуждания. Таким образом, в синергетическом формализме находит выражение некое будущее самоорганизующейся системы в образе «привлекающего хаоса». Важно подчеркнуть одно различие в представлениях об аттракторах: «странные аттракторы», фазовый портрет которых представляет некоторую ограниченную область решений, и «структуры-аттракторы» как реальные структуры в открытых нелинейных средах, на которые выходят процессы эволюции в этих средах. Иными словами, речь идет о том, что либо будущее состояние системы может быть каким угодно (трактовка аттракторов И. Р. Пригожиным как «привлекающего хаоса»), либо будущее состояние системы может иметь строго определенное число *разных* вариантов, причем спектр этого «разного» определен свойствами самой нелинейной среды (трактовка аттракторов С. П. Курдюмовым как структур-аттракторов). Итак, в динамике систем может происходить смена целей, аналогичных видам аттракторов. Но остается вопрос о том, чем будет выражено фазовое пространство в социокультурных системах?

Все современные теории менеджмента предлагают различные управленческие способы достижения целевой ситуации, которая понимается, в свою очередь, по-разному. Идея концепции аттрактивного менеджмента состоит в том, что эффективным может *стать управление самой целевой ситуацией*, для чего нужна разработка способов точного определения спектра возможных целей для конкретных классов социально-экономических систем на конкретных этапах их нелинейной динамики. Актуальность такой постановки задачи продиктована феноменом новых технологий, обуславливающим в настоящее время тенденции научно-технического развития и требующих новых стилей управления.

Коренные перевороты в производственной сфере всегда требовали своего стиля менеджмента. Сумма новых технологических средств актуализировала идею менеджмента, выраженную в том, что получило название «управление знаниями». Данный вид управления вбирает в себя организацию и непрерывного образования, и образования взрослых, и дополнительного образования.

Перечисленные виды образовательной деятельности имеют содержательные пересечения. В основе этого пересечения лежит то обстоятельство, что образовательные структуры организуются для подготовки специалистов в новых и очень быстро складывающихся областях. Особенно ярко это проявилось в связи информационными технологиями, темп и динамика ареала которых создали новую социальную действительность. Информационные технологии стали базовыми для высоких технологий (Hi-Tech)²² после быстрого распространения микроэлектроники и резкого удешевления аппаратных средств в 1970-80-х гг., обеспечившего возможность проникновения вычислительной техники практически во все сферы общественной жизни. В качестве наглядного примера масштабов использования информационных технологий в повседневной жизни людей можно привести кругооборот информации в коммуникационных сетях. При покупке товара его штрих-код автоматически считывается кассами. Полученная информация используется не только для печати чека, но и для заказа товара со склада. Система электронного перевода средств автоматически снимает необходимую сумму с банковского счета покупателя. В банке эти данные используются в различных вариантах систем безопасности. Одновременно с этим данные о продаже товара используются магазинами для разработки новых торговых стратегий, а производителями товаров данные о потребительских предпочтениях применяются для маркетинга товаров и услуг. В технологиях продвижения товаров создаются и определенные бренды, поэтому чаще всего покупается не товар, а разработанный образ, востребованный покупателем (не одежда, а элегантность; не техническое средство, а престиж и т. д.). Объединение в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. локальных сетей в глобальную сеть обеспечило доступность больших массивов информации, в принципиальной степени расширило возможности коммуникаций людей, создало электронные средства массовой информации. Все это вместе привело к созданию новых институтов в экономике, политике, культуре и образовании. Социальная значимость успеха от применения информационных технологий стала результатом целенаправленных усилий. Эти усилия были выражены в докладах японских аналитиков бизнес-процессов, обозна-

²² Жукова Е. А., Мелик-Гайказян И.В. Философские проблемы технологий и феномен Hi-Tech // Философия математики и технических наук. М., 2006. С. 557–587.

чивших цели так называемого информационного общества, а само продвижение и восприятие идей информационного общества является ярким примером действенности цели-мечты. А это ставит следующие вопросы – в какой мере мы можем управлять будущим, и что будет выступать в качестве пространства этого управления? Заметим, что формулировка этого вопроса является нетривиальной.

Приведенные выше примеры указывают на то, что пространством управления становится коммуникативное пространство. Необходимо подчеркнуть, что, по нашему убеждению, это пространство многомерно. Оно формируется, во-первых, тем, что мы называем «ареалом коммуникационных средств»; во-вторых, тенденцией развития новых способов коммуникаций или тенденцией трансляции информации; в-третьих, направленностью динамики форм знаков. Эта многомерность не является адекватной свойствам географического пространства. Сущности всех «осей» измерения указывают на то, что коммуникативное пространство может стать подобием фазового пространства. При этом принципиальным становится выявление того, что будет содержанием фазовых переходов. Под фазовым переходом понимается процесс самоорганизации, например «хаос-порядок». При изменении внешних параметров системы переходят из одной фазы в другую. Новая фаза возникает либо в виде областей, граничащих со старой фазой (переход первого рода), либо сразу по всему объему, заменяя старую фазу (переход второго рода). Проблемами являются: а) определение набора внешних параметров, б) выявление из них ведущего параметра (параметра порядка), в) выбор релевантных моделей описания фазовых переходов. Решению этих проблем будет уделено особое внимание в Главе 2. Здесь же мы можем высказать осторожное предположение, что подобие фазовых переходов обнаруживает смену состояний коммуникативного пространства, где расщепляются траектории трансляции знака и оптимизируются способы проектирования управленческих решений. Оптимизация связана с выявлением аттракций коммуникативного пространства, то есть нахождением структур-аттракторов в фазовом пространстве²³. Все теоретические обоснования странных аттракторов и структур-аттракторов открывают потенциальность управления фазовым пространством,

²³ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002.

в котором эти феномены существуют. Перевод потенциальности управления в менеджерскую стратегию обретает актуальность в концепции аттрактивного менеджмента.

Вышесказанное есть обоснование релевантности постнекласической методологии для решения теоретических проблем «менеджмента нового поколения». Методологическую проблему «менеджмента нового поколения» составляет решение вопроса о роли субъекта управления, о том, в какой степени «выход на аттрактор» зависит от решений субъекта. Основой принятия решения становится как субъективное понимание цели, так и прагматика интерпретации наличного бытия. В современных условиях эти решения принимаются под воздействием знаковых форм действительности. Таким образом, интеллектуальным ядром менеджмента должны быть способы моделирования динамики форм знака в контексте коммуникативных процессов.

Во всем спектре направлений современного менеджмента разрабатываются: оригинальные способы управления. При этом весь этот спектр непротиворечиво упорядочивается по двум основаниям – по преследуемым целям (конъюнктурной, прогностической, асимптотической), соответствие которым мы нашли в видах аттракторов, и превалирующим в них способах организации коммуникативной структуры, соответствие которым мы нашли в составляющих семиотического измерения этих структур. Найденное соответствие «распределяет» представительные теории современного менеджмента по их акценту на оригинальные способы преодоления кризисных ситуаций²⁴, трансформации стилей управления²⁵, изменение целей и принципов управления²⁶.

²⁴ См. например: Нив Генри Р. Пространство доктора Деминга: принципы построения устойчивого бизнеса, 2005; Петерс Э. Порядок и хаос на рынках капитала. М., 2000; Беннис У.Дж., Томас Р.Дж. Как становятся лидерами: менеджмент нового поколения. М., 2006.

²⁵ См. например: Нордстрем К., Риддестралем Й. Бизнес в стиле фанк. СПб., 2001; Шмит Б., Роджерс Д., Вроцос К. Бизнес в стиле шоу. Маркетинг в культуре впечатлений. М., 2005. Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М., 2003.

²⁶ См. например: Лайкер Дж. Дао Тойота: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира, 2005; Оно Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства. М., 2006; Йенсон Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес. СПб., 2004.

Установленная корреспонденция позволяет сопоставить границы применимости перечисленных менеджерских стратегий для достижения каждой из целей, в той иерархии, которая ведет к организации «переворота в символизме» или к созданию символики коллективной мечты. Таким образом, корреспонденции между менеджерскими стратегиями и видами аттракций в коммуникативном пространстве позволяют упорядочить современные теории менеджмента с позиции иерархии целей нелинейной динамики сложных открытых систем.

§ 1.3. Диагностика целей и культурные детерминации переустройств: модификация, модернизация, трансформация, деформация

Констатация качества современной эпохи как времени перемен, причем – перемен кардинальных, объединяла большинство публикаций результатов гуманитарных исследований уже в последней трети XX века. Перемены фиксировались по всем параметрам социокультурных систем. Производственная сфера получила новую характеристику – постиндустриальное общество, экономическая – информационное общество, управленческая сфера – общество знаний. Вслед за этими социально-экономическими преобразованиями в политической сфере стали доминировать процессы глобализации, а в культурной сфере – постмодернистский контекст породил то, что стали называть обществом зрелищ. Ответственность за кардинальность преобразований возложена на новые коммуникационные средства²⁷ и новые технологии [2].

Вместе с тем привлекают внимание два аспекта. *Первый* из них состоит в том, что новые коммуникационные технологии являются, по сути своей, средствами. Эти средства обладают безусловными новыми качествами. Однако остаются только средствами. История знает примеры, когда технические средства, обладающие принципиально новыми качествами, становились источником кардинальных социокультурных перемен. Вопрос заключается в том, становились ли они единственным источником этих трансформаций или просто первыми попадали в поле зрения в силу своей явной новизны? Данный вопрос тесно связан

²⁷ Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Вопросы философии. 2006. № 2.

со вторым аспектом, который необходимо акцентировать. *Второй* аспект выявляет пример тех форм последствий глобальных видоизменений, которые выражены в культуре, где пожелание жить в эпоху перемен тысячетлетиями считалось проклятием. Это так называемая дальневосточная культура, охватывающая пространства современных нам Китая, обеих Корей и Японии. Не вызывает сомнений принадлежность данной социокультурной системы к постиндустриальному обществу, участвующему в процессах глобализации и являющему собой пример эффективного использования менеджмента знаний. Более того, разработка и внедрение системных компонент информационного общества были осуществлены Японией²⁸. При этом не вызывает сомнений сохранение в данной культуре яркой самобытности во всей своей отчетливости. Иными словами, на фоне социально-экономических перемен и вовлечении в повседневность новых технологических средств явно сохранена культурная идентичность. Соединение двух отмеченных аспектов рассмотрения происходящих перемен позволяет обратить внимание на компоненту социума, степень изменения которой свидетельствует о характере переустройства мира людей. Перечисленные вначале параграфа параметры этого мира – экономических, производственных, политических, социальных – претерпели изменения и в дальневосточном его локусе. Дискуссионным является степень изменения культурной компоненты. Эклектичность постмодерна и формирование общества зрелищ стали культурной инновацией для всего множества социокультурных систем за одним исключением – за исключением дальневосточной культуры. Рискнем предположить, что идейная эклектика является неотъемлемой частью этой культуры. Это предположение подтверждает, например, мирное сосуществование конфуцианства, даосизма и дзен-буддизма на протяжении последних пятнадцать веков. Визуальный характер выражения культурных форм позволяет определить изначальный зрелищный характер этой культуры. Но вот восприятие одних и тех же культурных форм всегда было разным. Более того – это восприятие было рецепцией, совершаемой индивидуумом, при всей исходной коллективности этой культуры. Это означает, что каждая культурная форма предлагалась к восприятию с определенной долей смысло-

²⁸ Алексеева И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества. <http://www.iis.ru/events/19981130/alexeeva.ru.html>

вой вариативностью, а, следовательно, извлечение смысла становилось делом индивидуума. В результате каждому зрителю и читателю отводилась роль создателя прекрасного, а сам процесс восприятия делал каждого человека художником и поэтом. Такой характер восприятия является ядром технологий жизни в данной культуре и технологией сохранения традиций в данной социокультурной системе.

Итак, есть некоторая странность: весь мир испытывает кардинальные перемены, а тот социокультурный локус этого мира, который был причастен к «запуску» идей этих перемен и к разработке принципиально новых средств, вызвавших социально-экономические преобразования, сохранил свою культурную идентичность. Кроме того, в дальневосточном пространстве были восприняты практически все технологии западного общества, но восприняты так, что культурная традиция не претерпела резких разрывов, а темп социально-экономической динамики имеет явное превосходство над всем остальным пространством.

Два отмеченных аспекта рассмотрения социокультурной динамики и парадоксальный пример дальневосточной культуры изложены в качестве пролога к рассуждениям о способе оценки того, что фиксируется словом «изменение» при описании современного мира людей. При этом два поставленных вопроса – «становятся ли технические средства единственным источником кардинальных трансформаций или просто первыми попадают в поле зрения в силу явной новизны этих средств?»; «какова роль культурной компоненты в диаметрально разной реакции на глобальные вызовы?» – стимулируют излагаемые ниже рассуждения. В свете сказанного, важным является выяснение принципиальных различий между происходящими «изменениями» и предложение способа для их фиксации.

Внесенное в название раздела слово «переустройство», как и слово «изменение» или «развитие», обладает чрезмерной смысловой аморфностью. Самоочевидность изменений демонстрирует каждому из нас зеркало, а существование «переустройств» подтверждает каждому из нас обращение к собственной памяти о периодах нашей жизни, в течение которой, опять же каждый из нас, неизбежно «развивался». Все перечисленное является функцией времени, и пока время не сменится вечностью эти «переустройства», «изменения» и «развитие» будут сопровождать наше существо-

ование. Таким образом, есть необходимость фиксировать виды «изменений» в их соотношении с течением времени.

Однако то, что было названо «течение времени» требует оговорок, которые в свое время были сделаны²⁹. Здесь же отметим только, что необратимость времени сомнений не вызывает лишь в антропологическом восприятии. В фундаментальном же знании вопрос о необратимости остается в науке открытым и является, по замечанию И.Р. Пригожина, «предметом веры ученого». До сих пор играет роль убеждение А. Эйнштейна: различие между прошлым, настоящим и будущим – не более, чем иллюзия, хотя и весьма навязчивая. Забегая вперед, скажем, что навязчивость этой иллюзии укоренена в основаниях западной культуры. В научном плане же проблема состоит в том, что если на макроуровне необратимость времени подтверждается эволюцией термодинамических изолированных равновесных и открытых неравновесных систем, то микроскопическая теория необратимости еще не имеет четких подтверждений. Эта дилемма проще может быть выражена метафорой Торнтон Уайлдера: время – «неподвижный бескрайний ландшафт, а движется взгляд, его созерцающий»³⁰. Эта метафора Т. Уайлдера стимулирует снова и снова выяснять различия трактовок времени в мозаике культурных ландшафтов³¹.

Вместе с тем, отмеченную дилемму не стоит просто сбрасывать со счетов, но поскольку нас интересуют виды «изменений» в социокультурных системах, то придерживаться антропологического способа измерений мы считаем возможным. При этом есть еще одно обстоятельство. В разных социокультурных системах существуют сложившиеся различия в восприятии прошлого, настоящего и будущего. В зависимости от ценностного предпочтения прошлого (например, Китай) или будущего (яркий пример является собой США) будут различными восприятия любых новшеств, что и выразит себя в формах знака. Так, в Китае инновационные технологии не затрагивают семантического ядра культуры, а в США выработка инноваций составляет смысловое содержание

²⁹ Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998. С. 141–170.

³⁰ Уайлдер Т. День восьмой. М., 1982. С. 695.

³¹ Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005. С. 208–214; Матвеева О.Ю., Мелик-Гайказян И.В. Мечта в России: ответ для старой загадки // Россия как цивилизация. Новосибирск, 2008. С. 77–87.

культуры. В принципе, это и фиксируется в тех семиотических формах, в которых выражают себя социокультурные переустройства. Вопрос заключается в следующем: это отношение к инновациям есть загадка культуры или есть следствие чего-то иного, что объясняет данное отношение? Ответ на этот вопрос был получен при анализе социологических исследований культурных различий в восприятии времени³². Дело в том, что культуры различаются своими ментальными основаниями. Набор этих оснований одинаков для всех культур и включает в себя понимание знания, прекрасного, труда, любви, права, пространства и времени. То, как в конкретности выражает себя понимание перечисленных сущностей, вполне возможно складывается на этапе генезиса конкретной культуры с известной долей случайности, но в своей совокупности детерминирует при дальнейшей динамике свойственную этой культуре манеру понимать все происходящее.

В дальневосточной культуре значимо прошлое и настоящее, а их взаимосвязь такова, что выдвигает требования для каждого человека сиюминутно наиболее полно ощущать всю радость настоящего, постоянно помня о прошлом. Поэтому невозможно прервать преемственность прошлого и настоящего, поскольку нельзя будет ощущать радость существования. Поэтому же знание понимается как знание традиции, знание мудрости прошлого. Поэтому же прекрасное понимается как выражение величия природы и законов бытия – *Дао*. Поэтому же любовь становится культом естественности, а право – способом сохранить иерархию тех, кто в разной мере чтит предков, в разной мере знаком с мудростью, в разной мере чувствует прекрасное и следует естественности. Поэтому же, например, равенство ни в прошлом, ни в настоящее время не было ценностью в этой социокультурной системе, поскольку с того, кому удалось больше для себя открыть, больший и спрос. Будущее же важно, но в него не стоит пытаться заглянуть. Завтрашний день наступит вне зависимости от нас (и даже без нас), а вот прошлое мы можем утратить, если перестанем ежедневно и ежечасно удерживать нить, связующую времена. Вся эта взаимо-

³² Kluckhohn F. Strodtbeck F.L. Variation in Value Orientations. New York: Row Peterson, and comp., 1961; Trompenaars F. Hampden-Turner Ch. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. 2nd ed. London, 1997; Cottle T. Time Concept (Circle Test) // Trompenaars F. Hampden-Turner Ch. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. 2nd ed. London, 1997, p. 125–126.

зависимость ментальных оснований фиксирует себя в культурных кодах, а они, в свою очередь, вызывают к жизни семиотические формы. Поэтому инновации в дальневосточной культуре «живут» в будущем времени, а образ этого будущего ничего не меняет в настоящем и прошлом, то есть, как было сказано выше, не затрагивают семантического ядра культуры. Таким образом, отношение к инновациям является следствием восприятия времени, заложенного в ментальных основаниях культуры, в которых укорены способности реакций на глобальные вызовы. Кроме того, надо помнить, что в дальневосточной культуре каждая инновация проникала во все сферы жизни человека, и только после того, как она проросла по всем этим сферам, инновация начинала иметь значение. Например, чай одновременно есть и средство для медитаций, и для лечения, и для отдыха, и для работы и так далее. Иными словами, *дальневосточная культура технологична в своем существе*. Поэтому столь естественное для этой культуры пронизывающее все сферы жизни существование информационных технологий, не стало источником того, что в западной культуре воспринимается как средство, разбившее привычную жизнь.

Дальневосточная культура со второй половины XVIII века впитывала и впитывает в настоящее время веяния с запада, но при этом восприятии каждая идея тщательно встраивалась в прагматику и синтактику, оставляя неприкосновенным ядро семантической самобытности. Мы указали на XVIII век в качестве того времени, когда миссионерами от ордена иезуитов были привнесены, а Китаем восприняты, основы математического анализа, созданными в традиции западного рационализма. Исходная синтетическая ментальность Китая, пожалуй, не смогла бы самостоятельно генерировать аналитическую рациональность, столь естественную для интеллектуальной традиции Европы. Конечно же, новая для Китая математика воспринималась не всеми людьми, а лишь интеллектуальной элитой, исповедующими конфуцианство, доминантой которого является сохранение связи с прошлым. Это и обеспечило тщательное встраивание новых идей в контекст культурной традиции. Подобная адаптация происходила и в дальнейшем. Например, открытие электромагнитного поля и радиоактивного излучения было приведено в соответствие с одним из ментальных оснований дальневосточной культурой – *Ци*, не вполне точно переведенной на европейские языки, как *энергия*. Однако один из первых приме-

ров способа восприятия внешнего интеллектуального воздействия принадлежит еще периоду, названному К. Ясперсом «осевым временем», то есть периоду, завершившемуся в III веке до нашей эры. Этот несколько веков длившийся процесс восприятия буддизма и приведший к формированию того, что в Китае называют чань-буддизмом, а в Японии – дзен-буддизмом. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что всё, попавшее в «котел» самобытности дальневосточной культуры, «переваривается» в нем так, что становится не чуждым, а родным этой культуре.

Итак, подведем промежуточный итог сказанному. Дальневосточная культура ориентирована на то, чтобы научить человека в каждый момент своего существования ощущать всю полноту жизни, а условием этого является отсутствие резких перемен, что, в свою очередь, требует постоянства обращений к прошлому. Эта ориентация или эта цель выражает себя в том, что ценностью является взаимосвязь настоящего и прошлого, а взаимосвязь настоящего и будущего ценности лишена. Выполнение этого условия требует выработки такого способа встраивания любой новой идеи в культурную традицию, которая оставляет эту традицию семантически неизменной. Создание данного способа имеет две особенности: во-первых, инновация должна стать технологией повседневной жизни, и, во-вторых, любая инновация пропускается в жизнь через фильтрацию, которую осуществляет интеллектуальная элита. Проще говоря, восприятие новшества должно быть нравственно подготовлено, а любое новшество в своей прагматике должно быть доведено до уровня массового тиражирования – до уровня *технологичности*.

Для конкретизации того, что мы понимаем под *технологичностью* дальневосточной культуры, приведем пример диаметрально противоположной тенденции западной культуры. Эта тенденция начала складываться еще в античности, когда многое создавалось для предметного использования и не применялось в каких-либо других сферах. Например, вертящиеся двери были придуманы только для того, чтобы пропускать зверя на арену цирка и исключить его «самовольное» возвращение. Подобным примерам нет числа, когда многое изобреталось в качестве игрушки и, самое главное, игрушкой часто оставалось. Иными словами, *технологичность* дальневосточной традиции противоположна тому, что назовем *предметностью* западной культуры.

Оппозиционным является и отношение к природе, естественное состояние которой в западной традиции требует постоянных антропологических вмешательств. И если в дальневосточной культуре природа и есть воплощение высшего нравственного начала, то в западной традиции на высшем нравственном уровне санкционировано властвование человека над природой. Возникновение монотеизма в западной культуре привело к линейному пониманию времени, устремленному в будущее. Последовательным продолжением этого стало понимание знания как пути познания нового и способа приращения нового; любви как способа возвышения над низменными инстинктами; права как способа закрепления равенства людей перед Богом и законом. Все эти устремления привело к безусловной ценности будущего, которое понимается как постоянное улучшение настоящего. Прошлое важно лишь постольку, поскольку является воплощением памяти о достижениях, которые нужно умножать, и ошибках, которые нельзя повторять. Таким образом, движение от прошлого к будущему понимается как прогресс, а его условием есть привнесение нового, которое тем ценнее, чем в большей степени наращивает темп этого прогресса. Подобная ориентация на новизну изменяла и состав элиты. С XII века к элите стали причисляться те, кого называли высоколобыми, что фиксировало ценность образования. В дальнейшем социальный прогресс измерялся по доступности образования, а просвещение рассматривалось в качестве способа исправления нравов. Двадцатое столетие уже отождествило социальный и научно-технический прогресс. Одним из последствий этого отождествления стала вытеснение разделения людей на «высоколобых» и «профанов» новым образом человека, который получил имя «nobrow», что буквально обозначает «безбровый»³³, а «линия бровей» как раз и создавала границу, разделяющих образованных людей от необразованных людей. Примером этой тенденции является Болонский процесс, который направлен на социализацию молодежи. В связи с этой тенденцией заметим две вещи. *Во-первых*, это есть продолжение просвещенческой утопии, в основе которой лежит убеждение, что знание исправляет нравы. Иными словами, если немного поучить молодежь из среды мигрантов, пребывающих в европейские страны, то эти молодые лю-

³³ Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга, маркетинг культуры. М.: Изд-во «Ад Маргинем», 2005.

ди не станут поджигать машины и громить витрины, а займутся чем-нибудь полезным. Слова «немного поучить» сказаны нами не случайно, поскольку задача Болонского процесса в такой унификации получения образования, которая не увеличивает долю «высоколобых», а повышает качество «профанов». Данное повышение качества создает промежуточный слой – «nobrow». Причем доля этого слоя должна в значительной степени превышать и долю «высоколобых», и долю «профанов». В итоге «безбровыми» должно стать большинство людей. *Во-вторых*, способом социализации в этой культуре и способом адаптации к этой культуре является приобщение к знанию, а именно приобщение к знанию дает силы достигать жизненных целей. А целью всегда была свобода человека от диктата обстоятельств, причем обстоятельств любого рода: политических, социальных, природных etc. Человек должен уметь подняться над обстоятельствами, но – и это ключевой момент – стать выше обстоятельств, не нарушая принятых правил. Но правила можно изменить. И каждый раз, когда между властвующими нормами и стремлением к свободе возникал неразрешимый конфликт, законы, препятствующие свободе, подлежали пересмотру. Доказательным примером этому служит то, что высший закон – божественный – был трижды изменен в истории западной культуры. Вместе с тем, все средневековые наука была тождественна теологии. Однако реформация не отменила действия многих законов, открытых богословами. Это емко выражено в формуле Ф. Бэкона – сила человека в знании, а не в вере. И хотя современникам Ф. Бэкона жизнь доказывала, что силой является власть, его формула не была опровергнута, поскольку обращена была не к настоящему, а к будущему. К тому будущему, власть над которым призван давать научно-технический прогресс.

Сказанное позволяет фиксировать взаимообусловленность ценностей новизны, будущего и знания. Данная взаимообусловленность объясняет отсутствие страха перед переменами. Более того, страх и явное сопротивление вызовут попытки исключить перемены. Следует подчеркнуть, что безусловное признание ценности новизны, будущего и знания, а также взаимообусловленность перечисленных ценностей является следствием особого восприятия времени как необратимой направленности от прошлого к будущему. Необратимость порождает не только четкое осознание того, что шкала времени имеет начало, в роли которого выступает

либо сотворение мира Богом, либо Большой взрыв, и тем, что имеет свое либо эсхатологическое, либо космологическое завершение. На этой шкале отмечают события – Рождество Христово или смена летоисчисления – необратимо отделившие эпохи властвования тех идей, от следования которым в этой культуре отказались. Отказались, сохранив их в памяти. Отказались ради будущего. Отказались, поскольку ценностью является неизбежность смены славного прошлого не менее славным настоящим, а это настоящее есть переход к прекрасному будущему. Условием перехода от прошлого к будущему в западной культуре всегда было приложение усилий в настоящем. Эти усилия понимались как труд, причем труд интеллектуальный. Примером может быть то, что труд писателя был почетнее труда скульптура, а хирургия занимала низшую ступень в иерархии врачей. Иными словами, создание того, для чего нужны были руки, ценилось гораздо меньше того, что творилось интеллектуально, а труд, для которого не требовалось знаний, расценивался в качестве низкого занятия. Таким образом, ментальные основания западной культуры детерминируют взаимосвязь восприятия времени, как необратимости появления нового, связываемого с будущим, и к знанию, открывающему это новое.

У европейской культуры есть, в терминологии А.Дж. Тойнби, «дочерняя» культура, которая в концентрированном виде представлена в северо-американском пространстве. В принципе, их объединение и называют западной культурой. Горизонт времени или восприятие прошлого, настоящего, будущего имеет свою особенность в этом социокультурном локусе. Почувствовать эту особенность дает пример, приведенный академиком В.И. Арнольдом в частной беседе. Преподаватель американского университета спрашивает свою студентку, вернувшуюся из Франции, понравился ли ей Собор Парижской Богоматери, и получает ответ, что Собор не понравился, поскольку он очень старый. Казалось бы это частное мнение. Однако в нем раскрывается восприятие ценности прошлого или, вернее, очень характерное в этой культуре отсутствие у прошлого ценности, а обращение к прошлому оправдано только прагматическими целями. Протестантские корни данной культуры заменяют молитву каждодневным трудом, а мериллом этого труда-молитвы, осуществляемого в настоящем, является успешность человека в будущем. Формулой воплощения такого горизонта времени в отношении к ежедневному труду может

служить название книги братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

Анализ, констатируемых в социологических исследованиях отличий восприятия прошлого, настоящего, будущего в разных странах, в сопоставлении с ментальными основаниями культур этих стран выявляет схожесть горизонтов времени в Германии и США³⁴. В связи с этим подчеркнем три момента. Во-первых, эти страны приняли (или создали) нормативность морали конфессиональных версий протестантизма. Во-вторых, все страны являются «локомотивами» научно-технического прогресса. В-третьих, история и современность этих стран демонстрируют их чрезвычайную экстравертность, то есть сосредоточение усилий для распространения своего влияния на весь мир и отсутствия сомнений в своем праве быть образцом для подражания. Все приведенные выше рассуждения позволяют сделать вывод о том, что эти объединяющие особенности являются следствием специфики восприятия времени, детерминирующей принятие колоссальной ценности будущего.

Таким образом,

а) в западной культуре настоящее подчинено образу будущего, а в дальневосточной культуре настоящее подчинено образу прошлого;

б) в западной культуре настоящее понимается как начало будущего, что актуализирует связь настоящего и будущего, а в дальневосточной культуре настоящее понимается как продолжение прошлого, что актуализирует связь прошлого и настоящего;

в) в западной культуре будущее является основной заботой настоящего, а в дальневосточной культуре будущее не входит в число забот человека, поскольку его наступление вне власти человека.

Данные различия в ментальном горизонте времени выражают себя и в тех особенностях, которые характеризуют в этих культурах предназначение знания. В дальневосточной культуре знание служит для поддержания связи с прошлым и для извлечения смысла настоящего на основе опыта прошлого. Такая трактовка знания является залогом устойчивости, при которой любое нов-

³⁴ Матвеева О.Ю., Мелик-Гайказян И.В. Мечта в России: ответ для старой загадки // Россия как цивилизация. Новосибирск, 2008. С. 77–87; Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2006. № 11.

шество должно быть соотнесено с традицией, что исключает кардинальность перемен и выражено в том, что я выше назвала *технологичностью* этой культуры. Противоположным этому является понимание предназначения знания в западной культуре, основной задачей которого есть открытие нового для его реализации в будущем, что опять же становится залогом устойчивости, поскольку точно и достоверно дает прогноз для конструирования этого будущего. Явный приоритет будущего, которое должно быть лучше настоящего, а потому требует направленных усилий (то есть – само не придет), выражает себя в приветствии *любых* новшеств. Это постоянное стремление создавать *любые* новшества, когда новшество ценно само по себе (даже если его использование никак не встраивается в реальность настоящего), выше мы назвали *предметностью* западной культуры. В обеих культурах создание знания доверено интеллектуальным элитам, состоящим из специально подготовленных людей. Эта специальная подготовка в дальневосточной культуре регулируется нормами конфуцианства, а в западной культуре – этосом науки.

Рассмотрение полюсов мира культуры – западного и дальневосточного – позволяет провести границу в восприятии переустройств. Принятие новации проходит своеобразную экспертизу внутри каждой из культур, целью которой в дальневосточной традиции обеспечить неизменность темпа динамики социокультурной системы, а в западной традиции – возрастание этого темпа. То, что мы назвали «своеобразной экспертизой», есть современный аналог понятия «защитный пояс обычаев», принадлежащего А.Дж. Тойнби. Этот «пояс» был способом защиты от надломов культуры, возможных при внесении новшества из внешнего окружения, то есть от последствий *внешней модернизации*, или от новых идей, генерируемых внутри культуры, то есть от последствий *внутренней модернизации*.

В дальневосточной культуре назначение экспертизы в том, чтобы обеспечить защиту от резких перемен, потенциально вызываемых любым нововведением. В западной культуре назначение экспертизы связано с прогнозируемостью перемен вне какого-либо предубеждения в факте их наступления. Проведенные апелляции к особенностям ментальных оснований этих культур позволяют сделать вывод о столь глубоком укоренении такого отношения к новациям и такого усвоения новых идей, что любое пе-

реустройство, осуществляемое в рассматриваемых культурных контекстах, будет *внутренней модернизацией*.

Итак, первое подразделение всего множества переустройств, связанных с внесением новаций, можно провести по характеру горизонта времени. В итоге мы получим переустройства без резких перемен или плавную динамику, и переустройства, допускающие резкие переходы в состояниях систем. В принципе, это известное деление на эволюционные и революционные типы движений социокультурных систем. Однако употребление термина «динамика» вместо аморфных слов «изменение» и «развитие» требует объяснение смены состояний, связанных с начальными условиями и направлением действующих сил. Эту связь мы пытались продемонстрировать, отводя восприятию времени в ментальных основаниях культуры значение начальных условий, а приоритетности настоящего, прошлого или будущего – значение направленности усилий. Второе подразделение переустройств стоит произвести по источнику новаций. Если она принадлежит самой культуре, то это будет внутренняя модернизация, а если новация заимствуется, то это – внешняя модернизация. И это представляет собой достаточно известную типологизацию. Преодоление банальности подразделения на эволюционный или революционный тип динамики и подразделения типов модернизаций на внешнюю или внутреннюю заключается в предлагаемом варианте соединений этих подразделений. Основой предлагаемого способа является модель эффективности информации. Достаточно уже давно удалось выразить эффективность информации в аналитической форме, соединив в формуле ценность информации, определяемую через вероятности достижения цели, и количество информации³⁵. Смысл аналитического выражения эффективности информации сводится к тому, что одинаковое количество информации может приводить к различным результатам в зависимости от целей, с которым оно используется. В контексте тематики данного раздела трактовка эффективности информации может быть переформулирована следующим образом: идентичные новации, воспринятые и направленные на достижения разных целей, способны вызывать отличные друг от друга эффекты. Казалось бы, это утверждение просто отвечает здравому смыслу и не нуждается в каких-

³⁵ Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998. С. 24–26.

либо теоретических обоснованиях. Однако трудно отрицать, что здраво рассуждающие люди дают разную интерпретацию того, что использование одних и тех же промышленных технологий выводит Китай на уровень мирового экспортера целого спектра товаров, а нашу страну делает импортером этих товаров; что использование одинаковых социальных технологий сделало северные страны Европы лидерами в мире по уровню жизни, а наше отечество в эпоху СССР привело к краху; что многие идеи, выдвинутые отечественными учеными и инженерами, нашли поддержку за пределами родного пространства. Рассуждения сводятся к выяснению ответа на вопрос: «Кто виноват?». Ответ – «виновато» восприятие времени, укорененное в ментальных основаниях отечественной культуры. Этот вариант ответа невозможно счесть банальным. Более того, он нуждается в обосновании и разъяснении. Для этого придется сделать ряд пояснений.

Во-первых, в рассмотренных выше вариантах восприятия времени присутствует пример: а) взаимосвязи прошлого с настоящим и разрыв с будущим – дальневосточная культура; б) взаимосвязи прошлого, настоящего, будущего и их практически равной ценности – европейский локус западной культуры; в) взаимосвязи прошлого, настоящего, будущего при явном приоритете ценности будущего – США и Германия, принадлежащие западной культуре. Но есть еще один вариант восприятия времени и принадлежит он России³⁶. Выглядит это восприятие следующим образом: будущее и прошлое практически в равной степени являются ценными; настоящее ценится мало; и, самое главное, между прошлым, настоящим и будущим существуют разрывы. Это значит, что Россия живет одновременно в трех временах, между которыми отсутствует связующее действие. Мы гордимся прошлым, оценивая его как великое. Мы убеждены в величии ожидающего нас будущего. И в этой гордости, и в этом убеждении мало замечаем недостатки наших действий в настоящем. И если нам кто-либо с уверенностью и обоснованиями сообщит, что через двадцать лет мы будем жить хорошо, то мы будем ждать наступления обещанного «хорошо», а не работать каждодневно для обеспечения наступления этого «хорошо». Более того, если будущее детерминировано, то в таком горизонте культуры возможно постоянное ва-

³⁶ Матвеева О.Ю., Мелик-Гайказян И.В. Мечта в России: ответ для старой загадки // Россия как цивилизация. Новосибирск, 2008. С. 77–87.

рьирование и переписывание прошлого. В нашей истории тому найдется множество фактических подтверждений. Малая ценность настоящего по сравнению с прошлым и будущим приводит и к той ситуации, при которой «защитный пояс обычая» атрофирует страх перед резкими переменами, а разрывы между прошлым и настоящим, между настоящим и будущим делают нас чрезвычайно восприимчивыми к мифам и утопиям, не заменяя плен иллюзий планомерным совершением поступков.

Во-вторых, все множество переустройств представим как результаты отдельных видов информационных процессов. Основаниями для этого служит следующее: а) создание нового или создание идеи нового является процессом, аналогичным процессу генерации информации; б) восприятие нового аналогично процессу рецепции информации; в) выработка способа реализации нового аналогично процессу создания оператора, то есть информационному процессу отбора алгоритмов и программ для совершения целенаправленных действий.

В-третьих, восприятие новации в социокультурной системе, выраженное в форме внешней или внутренней модернизации, может сопровождаться адаптацией этой новации ко всем структурным элементам культуры (выше я назвала это *технологичностью*), а может и не сопровождаться этими хлопотами (выше я назвала это *предметностью*). Эти два способа усвоения новаций социокультурной системой сказываются на стадии реализации новшества и являются следствием предпочтений равномерного или ускоренного характеров движения.

В-четвертых, характер реализации новаций выявляет еще одно подразделение социокультурных систем. Та или иная социокультурная система может выбрать свой уникальный путь или выбрать путь, который будет считать приемлемым для всего множества социокультурных систем. Характер этого выбора мы считаем следствием выбора цели использования новации: новация используется с конъюнктурными целями настоящего или с асимптотическими целями будущего. В свою очередь, этот выбор зависит от существования разрыва между настоящим и будущим, поскольку если данный разрыв отсутствует, конъюнктурные цели настоящего будут естественным образом подчинены асимптотическим целям будущего.

Таким образом, принципиальным получается подразделение социокультурных систем по их отношению к переустройствам в связи с оппозицией *равномерного-ускоренного* движения этих систем и с оппозицией *уникальности-всеобщности* характера движения. Приведенные пары оппозиций становятся опорой для предлагаемого варианта упорядочения всего множества переустройств. Этот вариант является некоторой аналогией модели «этический квадрат», разработанной Р.Г. Апресяном³⁷, которая служит чрезвычайно эвристичным способом упорядочения идей морали.

Сразу поясним, что оппозициям, предлагаемым нами в качестве своеобразных координат, в которых произведено подразделение переустройств, даны рабочие названия в таблице 1. То есть эти оппозициям – *равномерное-ускоренное движение* и *уникальность-всеобщность пути* – вполне возможно найти другие имена.

Таблица 1.1

Виды переустройств в зависимости от типа динамики

	Равномерное движение	Ускоренное движение
Уникальность пути	Китай, Япония модификация / реорганизация Разрыв с будущим и взаимосвязь прошлого и настоящего	Россия реорганизация / деформация Разрыв прошлого, настоящего и будущего, с преобладающей ценностью будущего над настоящим
Всеобщность пути	Великобритания, Франция модернизация Взаимосвязь и равная ценность прошлого, настоящего и будущего	Германия и США трансформация Взаимосвязь прошлого, будущего и настоящего, с резким преобладанием ценности будущего над настоящим

В слове «переустройство» в отличие от слова «изменения», которые могут происходить только из-за течения времени, фиксируется направленность действий, а эта направленность указывает на осознаваемые в разной степени цели тех или того, кому или чему эти цели принадлежат. Эта разная степень осознания зависит от существования разрывов в связи времен и от меры предпочтения или прошлого, или настоящего, или будущего – то есть от характера горизонта времени. Именно данный характер со всей кон-

³⁷ Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М., 1995.

кретностью отвечает на вопрос «для чего?» осуществляются переустройства.

Ответ на этот вопрос могут давать либо люди, осуществляющие или инициирующие переустройства, либо социокультурные системы, принимающие или сопротивляющиеся, переустройствам. Кроме того, слово «переустройство» включает в себя определенную реакцию на состояние, переживаемое в настоящем времени, поскольку организовывать иным способом «устройство» можно лишь по причине неудовлетворенностью его «работой» в настоящем или прогнозируемом ближайшем будущем, а этот прогноз опять же делается на основе сегодняшнего состояния. К отмеченным характеристикам переустройства следует прибавить и то, что его осуществление связано с привнесением новации, которая может либо обладать безусловной новизной, то есть не имеющей когда-либо прецедентов, либо обладать новизной условной, то есть извлечением из опыта своего прошлого или извлечением из опыта чужого прошлого. А вот создание безусловной новизны, в каком бы виде она не выражалась, есть дело случая, и реакция на случайное или спонтанное событие диктуется ментальным контекстом, главным в котором есть готовность к резким поворотам в траекториях динамики или детерминированный этим же контекстом отказ от кардинальных перемен. Подобный контекст реакции будет и определяющим в выборе решений из чужого опыта или принятия внешней новации. Иными словами, эти условия, определяющие реакцию на новацию, и выражены в оппозиции *равномерное-ускоренное движение*. Казалось бы, всегда предпочтительнее быстро получить желаемое. Однако быстрое обретение желаемого требует больших усилий, а, следовательно, больших жертв в настоящем. И тогда от быстрого получения желаемого отказываются те, для кого жизнь в настоящем, не менее важна, чем жизнь в будущем, то есть для тех, кто откажется приносить в жертву будущим планам привычность настоящего. Данные предпочтения и разделяют способы осуществления переустройств в таблице 1.

При выборе темпа движения можно руководствоваться коллективными или индивидуальными целями. Для пояснения разграничения выбора способа осуществления переустройств, выраженных в оппозиции *уникальность-всеобщность*, приведем такой пример. Предположим, что группа людей отправляется из пункта

А в пункт Б. Некоторая часть этой группы считает необходимым двигаться солидарно, исходя из разных мотивов: из требований безопасности, поскольку всем вместе легче переживать трудности пути и сообща легче выработать решения по преодолению возможных превратностей, или из желания контролировать движение всех, что позволит, кстати, подчинить своему темпу общее движение. Эти два мотива – общая безопасность или подчинение своим интересам – выражены в таблице с помощью строки *всеобщность пути*. В этом же отражена и вера в культурный и технический прогресс, основанная на безусловной ценности знания, которое понимается как способ привнесения нового. Другая часть группы путников может либо выбирать свои собственные маршруты к пункту назначения, либо не желать подстраиваться под общий темп движения. Эти позиции отражены в таблице строкой *уникальность пути*.

В пересечении строк и столбцов таблице приведены виды переустройств, выбираемые в сочетании разных доминирующих тенденциях, которые становятся следствием горизонтов времени.

При выборе уникального пути существует риск столкнуться с препятствием, которое нужно будет преодолевать в одиночку. Одновременно с этим избирается медленный и без резких перемен поступательный тип существования. Оба эти выбора диктуются постоянным обращением к прошлому. Данное постоянство (отсутствие разрыва между прошлым и настоящим) делает это прошлое неизменяемым в угоду каким-либо обстоятельствам. В силу этих причин любое переустройство будет происходить как осторожное вмешательство в настоящее, встраиваемое в традиционный порядок. Этот способ переустройств соответствует *модификации*, то есть внесению новаций, исключая резкие перемены. Постоянство модификаций обеспечивает плавную динамику. Но если подобная динамика происходит неуклонно, без нетерпеливого ожидания завтрашнего дня (разрыв в связи настоящего и будущего), без резких переходов, то есть практически безошибочно, то за долгий период этот стиль переустройств себя оправдывает. Пример этой оправданности дает приобретенная в современности доля присутствия дальневосточного региона в глобальном пространстве.

При практически равной ценности настоящего, прошлого и будущего и отсутствия разрывов между ними осуществление вы-

бора переустройств не ограничивается безусловной приверженностью традициям, но сдерживается требованиями избегать рисков понижения качества уже достигнутого. При этом забота о завтрашнем дне перманентна. Содержанием этой заботы является улучшение настоящего и сохранение устойчивости приобретаемого. Данные улучшения и приобретения невозможны при резком ухудшении положения в каком-либо локусе, поэтому стремление к перманентным улучшениям и обращение к будущему заставляет следовать коллективно избираемому пути. Способ совершения переустройств носит характер *модернизаций*, поскольку новизна в представленных условиях обладает ценностью и будущее притягивает к себе с большей силой, чем прошлое. Пример этого способа переустройств являет собой все регуляторы мирового сообщества, призванные сохранять стабильность и обеспечивать прогресс. Подобный же временной горизонт имеют Бельгия, Великобритания, Франция – страны, определяющие доминанты европейской социокультурной системы.

Нетерпеливое, доведенное до степени авантюриности, приближение будущего, в котором обязательно надо играть ведущую роль, что заставляет не столько идти по пути всеобщности, сколько настаивать на своем пути в качестве лучшего для всех, создает условия для осуществления *трансформаций*. Коренных переустройств не опасаются, поскольку именно в них видят залог быстрого продвижения к будущему, которое всегда лучше настоящего. Вместе с тем, взаимосвязь прошлого, настоящего, будущего заставляет с максимальной точностью рассчитывать приложение усилий, что обеспечивает способ производства знания. В качестве примера в таблице 1 приведены Германия и США, которые в новейшей истории являлись главными «возмутителями спокойствия».

К сожалению, самый неэффективный способ переустройств – *деформации* – принадлежит отечественному пространству, а этот способ есть расплата за обладание абсолютно уникальным горизонтом времени. Именно разрывы в этом горизонте и меньшая ценность настоящего по сравнению с прошлым и будущим выражаются в том, способом осуществления переустройства становится подвиг. Совершения подвига всегда является ситуативным, спонтанным и непрогнозируемым по своим последствиям действием. Все перечисленные характеристики данного действия не оставляют времени для кооперации с суммой других действий и

для его адаптации к достигнутому в прошлом состоянию. Поэтому любая модернизация, причем чаще всего имеющая внешний характер, становится деформацией системы. Вместе с тем, когда деформация становится очевидной, то в качестве метода устранения негативных последствий выбирается путь возвращения к тому состоянию, которое считается началом нововведения, то есть происходит возврат к начальным условиям. Подтверждающим примером является постоянный пересмотр истории, при котором то, что считалась подвигом, становится преступлением и наоборот, а также пересматриваются условия и точки отсчета нововведений. Ответственность за деформации возлагаются на идею переустройств, идею в большинстве случаев рожденную в других культурных контекстах, а не на способ осуществления переустройств, что каждый раз приводит к выводу об особом пути и предназначении отечественной культуры. В результате, Россия с одинаковым результатом примерила одежды практически всех утопий, рожденных в различных локусах западной культуры. Все чаще звучат утверждения о несоответствии западного целеполагания своеобразию российской действительности и об ее близости к дальневосточной культуре. В пользу этого приводят, например, эффективность коммунистической идеологии в Китае, которая пришла в эту страну при посредничестве России. Однако упускается то, что в китайской культуре никогда не отказывались от когда-либо воспринятой идеи, поэтому сам процесс восприятия был достаточно осторожным настолько, что при всех потрясениях не изменял культурной самобытности.

В предложенном (табл. 1) способе выделении способов переустройств их виды не сводятся к подразделению на «типы цивилизационного развития», выдвинутых В.С. Стёпиным; к разделению индустриальных и постиндустриальных обществ, принадлежащего Д. Беллу, и многих других социальных типологий. Вместе с тем, наши предложения не входят в противоречие с авторитетными типологиями, а, в принципе, сделаны благодаря знакомству с ними.

Отметим, что разграничение способов переустройств, основанное на характере восприятия времени в различных ментальных основаниях культур, позволяет дать ответ на один из вопросов, поставленных в начале данного параграфа: «какова роль культурной компоненты в диаметрально разной реакции на глобальные вызовы?»

Конечные результаты «реакции на глобальные вызовы» выражены в различных формах: модификации, модернизации, трансформации и деформации. Приход к этим конечным результатам определен в различных способах осуществления переустройств, сигнал к которым дает вызов. Этот сигнал извещает все локусы глобального пространства о том, что требуется вносить коррективы в сложившийся порядок вещей. Например, на теоретическом уровне идеи информационных технологий были созданы в западной культуре благодаря работам Н. Винера, А. Колмогорова, Дж. фон Неймана, А. Тьюринга, К. Шеннона. Всепроникающий способ их использования, изменивший социальную действительность в глобальном масштабе, был предложен в Японии и реализован в проектах, объединивших многих стран. Реализация этого способа коренным образом переориентировало промышленность, прежде всего, Германии, США и Японии. Плодами реализации пользуется почти весь мир, а отдельные страны в разной степени входят в число разработчиков этих саморазвивающихся, по определению В.С. Стёпина, технологий. Вместе с тем, резкая смена социальной действительности, стала глобальным вызовом для современной культуры³⁸. Однако Япония инициировала глобальный характер использования информационных технологий, поскольку это отвечало ее внутренним целям – поддерживать свои неуклонный рост в условиях скудости природных ресурсов, поэтому динамика должна опираться на ресурсы интеллектуальные. Технологичное использование новаций отвечает исходным целям и в настоящее время. Япония, являясь лидером в производстве многих средств осуществления данных технологий, фактически контролирует направления этих разработок. С последствиями инновации здесь справляются легко, и, кажется, вызовом-то это не считают. В частности, правительство Китая смогло заставить Google принять условия для ее деятельности, если эта компания стремится действовать в пределах страны. Условия существования Интернет-бизнеса, в данном случае Google, не может позволить себя терять такой локус пространства, то есть терять глобальность поля деятельности, поэтому позиция Китая была беспроблемной. Итак, предложенная инновация соответствует

³⁸ Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.

культурному контексту страны ее предложившей, поэтому данное переустройство не вызвало травмирующих последствий.

Как уже было замечено, социально-экономическая действительность западной культуры претерпела кардинальные перемены. Однако понимание необратимости перемен и перспективности этих технологий заставило использовать их и для целей культуры, поскольку потеря достигнутого недопустимо в этом ментальном контексте. Усилия были сосредоточены на придание информационным технологиям значения средств культуры, что позволило создать виртуальные музеи и библиотеки, новые средства коммуникации для целей образования и поддержания порядка, модернизировало способы мониторинга общественного мнения etc. В США эти процессы представлены наиболее ярко, что выразилось в создании новых культурных форматов, например, формат 3D видеопроизводства дает новые средства вызвать у зрителя чувство сопричастности. Все это вместе привело к трансформации правовой защиты интеллектуальной собственности и способов выявления социальных девиаций. Трудно счесть перечисленные факты, не относящимися к реальностям культуры, причем к фактам, свидетельствующим о позитивных ее трансформациях. Одновременно с этим данное перечисление тенденциозно. В нем отсутствуют факты, свидетельствующие о негативных последствиях для культуры, вызванных социальным переходом в информационное общество. Но, во-первых, во все времена совершались страшные вещи, испытывающие на прочность опоры культуры, и, во-вторых, культура требует для своего поддержания целенаправленных усилий, а в рассматриваемом примере вызов информационного общества эти усилия только стимулировал, что является позитивным фактом.

России не оставалось выбора следовать или не следовать использованию информационных технологий. Мы приняли всю совокупность информационных технологий, ограничиваемую лишь недостаточностью материальной базы, потому что начало этим технологиям было следствием и работ отечественных ученых, которые, правда, испытали множество гонений из-за несоответствия современной им идеологии. Вместе с тем, было упущено из виду, что получение перспектив в будущем требует адаптацию данных технологий к специфике культурного контекста. Поэтому создание регуляторов новых технологий не были нашей заботой.

В результате мы захлебнулись ничем не сдерживаемым потоком экспансии символизма чужих смыслов и недобросовестного заимствования плодов чужого интеллектуального труда. Сейчас последствия присоединения к глобальному коммуникационному пространству расцениваются как столь глубокая трансформация культуры, которая сродни деформации.

Поэтому ответ на вопрос «какова роль культурной компоненты в диаметрально разной реакции на глобальные вызовы?» связан с осознанием того, что причины глобальных вызовов распределены по всему пространству культуры, в котором принятие инноваций и стратегия осуществления переустройств следуют из различных ментальных оснований. Это принятие инноваций, детерминированное ментальными основаниями культуры, тождественны тому, что Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский называли «устройством, вырабатывающим информацию» и являющимся важнейшей функцией культурой³⁹. В данном параграфе мы подробно рассмотрели работу этого «устройства» в условиях появления инноваций, причем само появление означает как создание нового этим «устройством» внутри социокультурной системы, так и отношения к новому, созданному за пределами социокультурной системы, но воспринимаемому ею. Иными словами, был рассмотрен один аспект работы «устройства», и этот один аспект был связан только с одним из ментальных оснований культуры – манерой понимать время. Различия в отношениях к знанию, труду и природе, то есть к другим составляющим ментальных оснований, были рассмотрены только в качестве следствий различий понимания времени. Приведенные рассуждения позволяют утверждать, что *отношение к самому факту совершения переустройства, а также к появлению инновации как его началу и целям осуществления перенесены в ментальных основаниях культуры.*

Второй вопрос, поставленный в начале параграфа: «становятся ли технические средства единственным источником кардинальных трансформаций или просто первыми попадают в поле зрения в силу явной новизны этих средств?» – нуждается в рассмотрении процессов реализации переустройств и семиотического воплощения результатов этой реализации, которые «падают в поле зрения».

³⁹ Лотман М.Ю., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Ю.М. Лотман. Избр. статьи: в 3 т. Т. 3. Таллин, 1993. С. 326–344.

*Взаимосвязь видов информационных процессов
и семиотических форм, создаваемых в социокультурной
динамике в условиях инноваций*

п/№	Виды Информационного процесса	Составная часть семиотического механизма культуры (по Ю.М. Лотману, Б.А. Успенскому)	Результат стадии социокультурной динамики
1.	процесс генерации информации	культура есть «устройство», вырабатывающее информацию	идея переустройства, инновация
2.	процесс кодирования информации	культура как кодирование информации с помощью языка и знаковых систем	вербальная или визуальная форма, фиксирующая инновацию. Например, <i>перестройка</i> (в СССР), <i>глобальная паутина</i> , <i>Hi-Tech</i>
3.	процесс хранения информации	культура – наследственная память о социальном явлении	новый тезаурус, основанный на принятых в конкретной культуре стереотипах восприятия символов и ритуалов
4.	процесс трансляции информации	культура как генератор структуры, делающей возможной социальную жизнь <i>примечание:</i> подчеркнем, что возникновение нового структурного уровня в социокультурной системе происходит под воздействием процесса трансляции инновации в сферу практической жизни	новые социальные сценарии деятельности и новые социальные институты, новая организация коммуникативного пространства и способы трансляции знаков
5.	процесс создания оператора для совершения целенаправленных действий. Цель этих действий определена на стадии процесса генерации информации	кодирование структурности с помощью знаков <i>примечание:</i> подчеркнем, что новая структурность, возникшая на предыдущем этапе, должна быть выражена в определенных действиях – операторе. Символы мной понимаются как операторы социального действия; каждый новый уровень структуры фиксирует свое появление в символе.	социальные, когнитивные и производственные технологии: управления, образования и релаксации; символы новых социальных ролей, новые стили культуры
6.	процесс тиражирования результатов работы оператора	культура как программа поведения человека, вырабатываемая на основе опыта человечества	модели поведения человека: актуализированные или возникшие впервые
7.	процесс рецепции информации	человек как получатель информации	способы декодирования и восприятия новаций

Ментальные основания культуры или то, что Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским было названо «устройством», вырабатывающим информацию, не схватывают еще всю культуру целиком. Это только, если можно так сказать, начальные условия всего множества процессов, определяющих жизнь каждой социокультурной системы. Во множество этих процессов входит *кодирование* в знаке выработанной «устройством» идеи, то есть создание кодов культуры. Создание *ненаследственной памяти* культуры, хранящей культурные коды и события ее истории. *Хранение* в памяти культуры ее кодов. *Генерация* особой *структурности*, создающей условия социальной жизни человека. *Выражение* в символах культуры элементов этой структурности. *Выработка моделей поведения* человека в пределах конкретного культурного пространства. *Формирование* человека, воспринимающего информацию, выработанную «устройством» культуры. Мы перечислили, указанные Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским, составные части семиотического механизма культуры. Однако все эти составные части семиотического механизма, описанные Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским, есть результаты отдельных видов информационных процессов.

Выработка идеи переустройства и выработка способа реализации идеи переустройства, представляют собой разные процессы. Например, идея о том, что высшее благо есть милосердная любовь человека к ближнему своему, стала основной идеей христианства. Нахождение же путей переустройства жизни людей на основе этой идеи привело к созданию широкого конфессионального спектра.

Итак, рассмотрим сначала в общем виде путь, который проходит в социокультурной системе идея переустройства до своей реализации (таблица 1.2). Новые информационные технологии обозначили себя в культуре, в первую очередь, появлением некоторых новаций: в сленге (Емеля – обозначение e-mail или электронной почты); в средствах общения (чат); в социальных сценариях, в которые входят появление новых профессий (программисты), новых социальных сетей («Одноклассники», «В Контакте»), новых способов передачи информации; в новых технологиях, например в сфере образования и политики, в способах релаксации (компьютерные игры). Все это выражает себя в появлении новых моделей поведения, и в столь новых способах восприятия символики культуры, что их новизна резко разделила всех на владеющих этими

способами рецепции и не владеющих ими. И все это стало социальной действительностью в нашей стране за последние десять лет.

Вместе с тем очень малая доля тех, кто слышал перечисленные новации, понимает их механизмы действия. Иными словами, технологии, которые стали создаваться почти пятьдесят лет назад для переустройства военных и промышленных сфер, стали фактом социокультурной действительности гораздо позднее, то есть только после того, как выразили себя в определенных семиотических формах. Начало этого выражения, которое есть путь проникновения во все структурные уровни социокультурных систем, стартует с принятия решения о расширении сферы применения научно-технических разработок. В этом состоят вполне определенные жизненные циклы технологий⁴⁰.

В первом приближении это выглядит следующим образом. В фундаментальных науках возникает новая перспективная область исследований, например – физика конденсированных состояний, что ставит новые задачи перед физико-техническими науками для создания экспериментальной базы. Выполнение этих задач открывает возможности внедрение в промышленности принципиально новых технических средств, что требует достаточно больших инвестиций. Как правило, инвестором становится правительственная структура, а областью применения – военно-промышленный комплекс. После внедрения новой технологии на военных производствах появляются технические решения, связанные с принципиальным удешевлением всех технологических операций. Это открывает путь к массовому производству для вполне мирных целей. Начало уже этого пути требует новых решений в теории управления и организации производства. И если производство основано на беспрецедентных технических решениях, то беспрецедентным должен стать менеджмент этого производства. Переооружение производства и появление нового стиля менеджмента вызывает переустройство сопряженных социальных сфер. В свою очередь, весь созданный комплекс технологических средств – научно-технических, управленческих, организационных и социальных – становится условием для возникновения следующих усовершенствований, что завершает жизненный цикл системообразующей технологии и обуславливает начало следующего цикла.

⁴⁰ Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001. С. 214–249.

Проще говоря, то, что разрабатывалось пятьдесят лет назад исключительно для военно-космических целей, стало позднее производством памперсов. Ясно, что переход от штучного изготовления элементов скафандра до массового производства памперсов состоит из ряда этапов, среди которых немаловажным является то, что мы называем это изделие словом, являющимся торговой маркой. Подчеркнем, что это принципиальный момент. В повседневном языке должен возникнуть синоним: подгузник-памперс или светокопия-ксерокс. Для укоренения в языке нового слова следует запустить специальные технологии, которые, кстати, требуют и «запуска» подготовки специалистов в новых профессиях. Появление новых слов означает безусловный успех комплекса технологий, направленных на продвижение нового продукта к массовому потребителю. Большую вероятность добиться такого успеха имеют первопроходцы в данном производстве. Это вызывает конкуренцию за идеи новых технологий и стимулирует как инвестиции в научные разработки, так и новые формы управления знаниями. Специально отметим данную *взаимосвязь в конкуренции за новое знание, за будущее и за успех*.

Между тем, возникают новые стереотипы и новые пласты в тезаурусе. По крайней мере в нашей стране долго существовал стереотип, в котором рождение ребенка связывалось с бесконечной стиркой. Например, в семидесятых годах вышел культовый фильм «Романс о влюбленных». В нем своеобразным фоном безоглядной романтике были женщины, ходящие с тазами и бельевыми веревками, которые неустанно повторяли: «Ох, дети, как тяжело вы даются». Сейчас ассоциация «младенец и стирка пеленок» с подобной четкостью отсутствует. При этом же детские психологи предупреждают о том, что у детей, вырастающих в памперсах, снижается поисковая активность. Данное предупреждение не означает отказа от памперсов, а призывает использовать специальные игрушки и игры, разработанные в рамках педагогических технологий. Вместе с тем, внедрение многих предметов, коренным образом изменивших уход за ребенком, одновременно освободило родителей от многих хлопот и повысило расходы, связанные с этим уходом. Переместившиеся акценты – с приготовления каши и стирки на новые виды деятельности, связанные с социальной активностью родителей; с образа ребенка, лежащего в колыбели, на образ ребенка, активно познающего мир – актуализировали модель человека,

ориентированного на самореализацию и творчество. С появлением предметов, варьирующих основной технологический принцип производства памперсов и их продвижением наглядными средствами рекламы, перестали быть запретными многие темы. Эти темы, ранее выходящие за рамки светской беседы, выразили себя в образовании нового слоя в тезаурусе. Преодоление известных табу, содержащихся в социокультурной памяти, изменило восприятие многих вечных реальностей жизни человека. Надеюсь, что иллюстрация с памперсами избавляет нас от прочих комментариев к содержанию табл. 1.2.

Вместо них приведем еще один пример. Шведская фирма выпустила очень красивый детский стульчик, в котором регулировалось сиденье. Регулировалось таким образом, чтобы вырастающему ребенку всегда было бы удобно сидеть вместе с родителями за одним столом. Но, несмотря на прекрасный дизайн и эргономичность, эта мебель не находила спроса. Ее не покупали. В результате специальных исследований была выяснена причина этому. В Европе стала уходить традиция семейных обедов из-за открывшихся возможностей у родителей работать, передоверив своих детей няням. Это привело к тому, что родители перестали с маленьким детьми садиться за один стол. Сигнал об этой тенденции был воспринят как тревожный, что вызвало широкомасштабную кампанию, направленную на возрождение семейных ценностей. Она имела успех – стульчик стали активно покупать. Казалось бы, здесь присутствуют лишь меркантильные цели. Но присутствует и действие специальных технологий, вызывающих эффект обратных положительных связей. И необходимым подчеркнуть, что *сущность этих технологий в чистом виде семиотическая.*

Таким образом, на часть поставленного вопроса – каким образом новые технические средства воспринимаются социокультурными системами – найден ответ, состоящий в том, что если данное восприятие выходит на социокультурный уровень, то оно выражается в создании новых семиотических форм. К ним принадлежат новые вербальные и визуальные коды; увеличение слоев социокультурной памяти или напластование в тезаурусе; новые обозначения и ассоциации при выработке сценария поведения для ориентации в условиях новой структурности целей; возникновение новых стилей и моделей поведения. *Данный семиотический механизм выявлен исключительно на основе следующих утверждений:*

а) процессы, обеспечивающие социокультурную динамику, являются процессами информационными; б) результат каждой из стадий, делающий возможным начало следующей за ней стадий, выражает себя в форме знака⁴¹. Эти утверждения и представлены в таблице 2.

Семиотическое переустройство создает в социокультурных системах условия, благоприятные для внедрения последующих инноваций. В случае же с технологиями, глубоко внедряющимися во все сферы социокультурной действительности, примером чего являются информационные технологии, семиотический характер переустройств диагностируется с большей наглядностью. Более того, *осуществление разработанной диагностики позволяет выявить действия, специально направленные на недопущение динамики форм знака.* Таким образом, есть все основания перейти ко второй части вопроса: «каким образом новые технические средства воспринимаются социокультурными системами и всегда ли ими вызываются кардинальные переустройства этих систем?» и выяснить те характеристики, при которых перемены в подобном качестве не наступают.

Начнем поиск ответа на этот вопрос с рассмотрения явных образцов кардинальных переустройств в социокультурных системах. Явный образ этого дают становления самобытных культурных эпох, например Эпоха Возрождения в европейской культуре. Этот пример хорош тем, что а) для приверженцев объяснения социокультурной динамики на основе смен общественно-экономических формаций начало этой эпохи не связано со сменой способа производства; б) целиком принадлежит интеллектуальной истории, а, следовательно, является культурным феноменом; в) кардинальность вызванных им перемен сомнений не вызывает, несмотря на трагизм неудачи исходной его идеи; г) в его основании лежит смена представлений о предназначении человека в мире, детерминированном действием высших сил, и на новом понимании смысла этих действий. Иными словами, Эпоха Возрождения это явный пример реализации интеллектуальной инновации, целью которой было формирование новой антропологической модели восприятия мира и существования в нем. Избранный способ реализации исходной идеи этой эпохи необратимо изменил символизм всей западной культуры.

⁴¹ Мелик-Гайказян И. В. Бумеранг конструирования: траектория полета в коммуникативном пространстве // Конструирование человека: Сб. научн. ст. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. С. 114–158.

При обращении к содержанию табл. 2 этот пример интерпретируется следующим образом. Генерация новой идеи, обусловленной своеобразной рецепцией культурного опыта прошлого (в этом состоит действие «устройства», вырабатывающего информацию), была направлена на переустройство мира, что требовало создание новой модели человека. То есть действие того, что отмечено *строкой 1* в табл. 2, нацелено на переустройство того, что отмечено в *строках 6 и 7* этой таблицы. Для достижения этой цели интеллектуальной инновации необходимо пройти, и пройти последовательно, все этапы, отмеченные в табл. 2 *строками 2, 3, 4 и 5*. Подтверждающие примеры именно такой последовательности событий общеизвестны:

идея была выражена (*строка 2*) в вербальных кодах (религиозно-политические трактаты, светская поэзия) и визуальных кодах (многочисленные эксперименты с перспективой и цветом в живописи);

напластование в тезаурусе (*строка 3*), закрепившее переориентацию восприятия с Града Небесного на Град Земной;

формирование самостоятельных социальных слоев в каждый из уровней структурности (*строка 4*) молящихся, воюющих и работающих;

произведен переворот в символизме (например, в архитектуре соборов переход от готической устремленности к Граду Небесному до объединяющих жителей Града Земного купольных соборов), в котором в прямом и переносном смысле акцентировался жизнеутверждающий мотив, побуждающий человека к самостоятельно создаваемым способам прохождения земной части своего пути (*строка 5*).

Весь интеллектуальный проект, основанный на умножении красоты земного мира, в которой воплощена эманация божественного духа, что должно было способствовать «построению рая на земле», не удался. Однако необратимо переместил центр в картине мира, поместив в него человека и создав новую модель самоактуализированного человека. Вся эта эпоха вызвала «*переворот в символизме*» (терминология А.Н. Уайтхеда), поскольку в полной мере изменила семантику, синтактику и прагматику знаковых систем культуры, что стало условием создания новой антропологической модели. Именно создание новой модели поведения человека, воплощающей символизм интеллектуальной инновации, фиксирует

эпохальность и кардинальность социокультурного переустройства. Таким образом, на основе произведенной интерпретации примера конкретной самобытной эпохи, есть основания сделать следующие выводы: *кардинальные переустройства в социокультурных системах вызывают те инновации, которые имеют своей целью создание новой модели человека. Целью должно быть именно формирование новой антропологической программы поведения и восприятия, а не социальная перестройка, не создание нового стиля и способов действий, в том числе – технологий.* Более того, социальные переустройства и воплощение их в организуемые перевороты в символизме, но не доведенные до необратимой смены антропологических моделей, не вызовут кардинальной социокультурной смены. Проще говоря, если инновация имеет цели переустройства власти (социальные революции), переустройства производства (научно-технические революции), переустройства символизма культуры (революции в искусстве), а все эти цели не соподчинены антропологическим идеалам, то они не вызовут кардинальной социокультурной смены. Безусловно, история знает примеры цепных реакций, которые приводили к тому, что инновации, начатые с частными целями, приводили переустройству в целом. Эти уроки истории известны и тем, кто предлагает идеи, обладающие безусловной новизной в науке, в технике, в экономике, в искусстве и т. д. Это знание и выражает себя в гуманитарной экспертизе, которую проводит общество для того, чтобы или предотвратить, или вызвать цепную реакцию. Данная интенция выражена как в отношении к темпу динамики, приемлемому в конкретной социокультурной системе, так и в мере социального эгоизма, фиксирующего себя при выборе сценария динамики. Отмеченные интенции ограничены оппозициями, которые были приведены в табл. 1.

Возвращение к содержанию табл. 1 имеет смысл в связи с упоминанием о *целях* переустройств. Как уже говорилось выше, все переустройства были разделены на основании модели эффективности информации, а эта характеристика – эффективность – выражена в аналитическом виде

$$\varepsilon = dV / dI \quad (1.1)$$

Другими словами, эффективность информации равна производной функции $V = V(I)$ для каждого заданного значения I , где V – это ценность информации (в соответствии с формулой Бон-

гарта-Харкевича определяется через вероятность достижения цели), а I – количество информации. Зависимость $\varepsilon = f(I)$ представляет собой кривую с максимумом, причем только с одним.

В контексте данного параграфа эта модель имеет следующие следствия:

а) ценность каждого принимаемого решения зависит от того, насколько этот шаг приближает к поставленной цели, а поскольку эти решения есть результат планирования переустройства, то принципиальное значение имеет горизонт времени;

б) эффективность переустройства зависит от того, насколько емким будет выражение его смысла в кодах и знаках, то есть от обоснованности избираемой семиотической формы;

в) достижение единственного максимума говорит о необходимости четкого понимания того, на что конкретно будет направлена инновация: видоизменение социокультурных кодов; отказ от хранимых в социальной памяти стереотипов; реформирование социальной структуры; модернизация производства и технологий; формирование новой модели человека.

Перечисленные следствия с учетом рассмотренных особенностей семиотической динамики, вызываемых инновациями, позволяют выяснить условия, при которых внедрение новых технических средств приводит к кардинальным переустройствам социокультурных систем. Выяснение этих условий обеспечивает проведение сопоставлений закрепленных в ментальных основаниях социокультурных систем отношений к инновациям (табл. 1) и этапов семиотической динамики, позволяющих проводить диагностику характера переустройства (табл. 2).

Итак, если новые технологии вводятся исключительно с целью обеспечения устойчивости настоящего, то есть с целью оптимизации использования ресурсов или нахождению новых источников этих ресурсов, то эти устремления редко связаны с какими-либо антропологическими проектами. Этот вид переустройств отнесен к *модификациям*. На примере стран, принадлежащих дальневосточной культуре, можно получить тому подтверждающие примеры. Во-первых, сами инновации, связанные с введением информационных технологий, были вызваны только потребностями сохранить экономико-политическую автаркию и, став лидерами в этой области, оказывать определенное воздействие на глобальную экономику. Немаловажно, что в освоении этой абсо-

лютно новой отрасли экономики, эти страны не пытались занять лидирующие позиции в программном обеспечении, сосредоточив все усилия на производстве технических средств. В этом проявляется четко понимание глубоких различий в культурных кодах, выраженное в диаметрально противоположной иероглифической и линейной письменности. Было ясно, что навязать всему миру свою манеру кодирования не удастся, что еще раз доказывает продуманность всего проекта и четкость в постановке целей. Хотя разработки в алгоритмизации на основе естественных языков в Японии не прекращаются. Если эти разработки увенчаются несомненным успехом, то весь мир будет осваивать иероглифическую письменность. Иными словами, инновация в технологической сфере осталась инновацией средств и произошла с максимальной эффективностью. Управленческие технологии были направлены на две цели: поддержку экономико-производственного переустройства и сопротивления возможному семиотическому переустройству. Приведенный выше пример с атакой на Google является подтверждением осознанному характеру этого сопротивления. Сопротивление «перевороту в символизме» пока удается оказать лучше, чем в других социокультурных пространствах. В результате, нормы ритуализированной этики, социальное устройство, символизм и модели поведения человека резких изменений не претерпели. Таким образом, модификацией можно считать такой вид переустройств, который имеет направленность на один системный элемент, причем возможность цепной реакции инноваций осознанно или стихийно не допускается.

Модернизация фиксирует вид переустройств, направленных не только на устойчивость настоящего, но и на прогнозируемую устойчивость будущего. Залогом этой прогнозируемости является темп перемен, не допускающих спонтанных событий, при совершении которых возможны неконтролируемые последствия. В осуществлении этого вида переустройства важно соблюсти коэволюцию всех структурных элементов социокультурных систем. Иллюстрацией такого мониторинга является приведенный выше пример со шведским детским стульчиком. Внедрение информационных технологий сопровождалось и сопровождается в европейских странах тщательным мониторингом всех семиотических перемен. Целью этого мониторинга было соблюсти взаимосвязь всех составляющих горизонта времени при явном приоритете будуще-

го. Так, внедрение информационных технологий в биомедицину вызвало инновационную волну. В противовес ей были разработаны процедуры биоэтики, основанные на религиозных стереотипах. Последствием глубокой перестройки всех видов производств и сфер обслуживания после внедрения информационных технологий стали новые требования к квалификации специалистов, к чему, в принципе, были готовы системы европейского образования. Вместе с тем, это привело к тому, что стали освобождаться рабочие места, не требующие квалификации. Это вызвало волну эмигрантов. В свою очередь, для их социализации был затеян Болонский процесс, но основанный, подчеркнем это, не на привнесении в устройство образовательных систем внешних элементов, а на исторически сложившейся европейской традиции. Не в последнюю очередь созданные коммуникационные сети стали условием для построения Евросоюза. Вместе с тем, акценты на сохранение национальной идентичности всех, входящих в этот союз, с каждым годом усиливаются. Это подтверждают меры, носящие явный семиотический характер: закон о языке во Франции, закон о минаретах в Швейцарии, закон о парандже в Бельгии etc. Показательным является и тот факт, что именно для европейцев фирма Sony начала выпускать электронные книги, позволяющие носить с собой целую библиотеку, но в форме, имитирующей привычную книгу. В антропологическом измерении модернизация усложняет модель поведения человека, по иному расставляет в ней акценты. В контексте модернизации, связанной с внедрением информационных технологий, акцентируется квалификационный и творческий потенциал человека, а сами эти технологии приветствуются как средство расширения пространства для самореализации. И любые сигналы о разрушении индивидуальности, во-первых, тщательно исследуются, и, во-вторых, рассматриваются как сигналы тревоги. Именно поэтому во многих исследованиях бурная европейская реакция на неконтролируемые проявления информационных технологий рассматриваются как свидетельства культурных деформаций. На самом деле, все с точностью до наоборот. Таким образом, *модернизация* это вид переустройства, вызывающего направленную в будущее семиотическую динамику, но не допускающего разрыва с прошлым и не имеющего в числе своих целей создание новой антропологической модели.

Итак, *модификации* и *модернизации* есть виды переустройств, при которых соблюдаются следующие условия: а) инновация сохраняет связь с прошлым социокультурных систем; б) цель инновации не предполагает смены антропологической модели; в) происходит средствами гуманитарных технологий контроль над семиотической динамикой.

Трансформация – это вид переустройства, направленного на преобразование модели поведения человека. Лучшим тому примером служит формирование модели *postrow*, о специфике которой уже было сказано. Эта модель человека стала результатом технологий, изначально предназначенных для поддержки и обслуживания разрабатываемых информационных инноваций. Однако очень скоро поддерживающие технологии обрели самостоятельность, что привело к созданию феномена *Ni-Hume*⁴², под прицел которого попадает не социальная структурность, не стили и символизация способов реализации инновации, а идентичность человека. В модели *postrow* нашло воплощение идеал равенства возможностей людей, но теперь уже интеллектуальных потенциалов. Параллельно с этим антропологическим проектом, возник и бурно пропагандируется проект создания людей креативного класса⁴³. Казалось бы, эти два беспрецедентных проекта являются взаимоисключающими. Однако в социальной структурности социокультурных систем, в которых будущее обладает безусловной ценностью, всегда было отведено почетное место для интеллектуальной элиты, за творческим меньшинством. Внедрение технологий, обеспечивающих функционирование информационного общества, увеличилась иерархическая размерность этой структуры, которая отражает множественность элит и разное их качество. Это нашло воплощение в том, что способы попадания на разные этажи социальной структурности связаны со степенью квалификации, приобретаемой в непрерывности образования. А вся система образования, ставшая основным оператором в действительности информационного общества, выстроена так, что ступени между этажами невысокие. Подняться по ним наверх потенциально способен каждый.

⁴² Жукова Е.А. *Ni-Tech: феномен, функции, формы*. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007; Мелик-Гайказян И.В. Релевантность модели информационного процесса исследованию механизмов *Ni-Hume* // Труды Института теории образования. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. С. 50–101.

⁴³ Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М., 2007.

Вместе с тем, постоянное требование повышать качество элиты, делает динамичной и модель *postgrowth*, то есть модель «среднего человека». Темп динамики модели человека превращает его жизнь в постоянное «карабканье» по этой лестнице, причем остановка на ней означает необратимое отставание от тех, у кого хватает сил идти по ней безостановочно. Этот же темп динамики делает и чрезвычайно переменчивыми антропологические конфигурации всей социокультурной системы. Уравновешивает эту неустойчивость индустрия досуга, культ здорового образа жизни и семьи. Но в отличие от модернизации в этом типе переустройства из-за выбранного темпа не выдерживается согласованность (коэволюция) всех подсистем социокультурного мира. Поэтому возрастает доля людей, отставших от навязываемого темпа, отставших необратимо. Появление новых маргинальных сообществ и способов эскапизма есть плата за темп переустройства. Реакция на негативные последствия осуществляется *postfactum*, поскольку, опять же, темп инноваций не позволяет их прогнозировать, а, следовательно, своевременно предупреждать. Таким образом, *трансформация* есть вид необратимых, а потому кардинальных переустройств, вызывающих высокий темп семиотической динамики и направленных на формирование новой модели человека.

Деформация представляет собой переустройство, при котором направленности на цели и средства инновационной деятельности не имеют между собой четко выверенной связи. Объясняется это тем, что сами инновации становятся следствием внешних модернизаций, причем образцы целей и средств заимствуются из разных социокультурных контекстов. Темп этого переустройства высокий и носит догоняющий характер. В результате каждая подсистема социокультурного пространства переустраивается независимо друг от друга, а семиотическое выражение этой динамики не успевает «прорасти» по всем ее этапам. Разрыв между прошлым, настоящим и будущим детерминирует разнонаправленность целей переустройств и деформирует, прежде всего, преемственность всех социокультурных кодов. Множественность целей снижает ценность переустройств, а заимствование семиотических выражений этих переустройств служит причиной дезориентации человека, поскольку знаковые формы социальных сценариев и способов их реализации не образуют связи. Грустным примером этого является причудливая смесь в отечественном образовании

всех известных технологий и эклектичность той модели человека, в соответствие с которой он должен формироваться. Вместе с тем, *деформации* могут носить обратимый характер при смене семантической составляющей исходной инновации.

Итак, *трансформации* и *деформации* есть виды переустройств, при которых действуют следующие условия: а) темп инноваций делает связь с прошлым непрочной, что может приводить к побочным результатам, не являющимися целью переустройства, при исходном разрыве настоящего и прошлого в основаниях социокультурных систем; б) цель инновации направлена не только на изначально предполагаемые сферы ее использования и вызывает смену антропологической модели, что может приводить к дезориентации человека; в) гуманитарная экспертиза, контролирующая семиотическую динамику, имеет дело с последствиями инноваций и лишена возможности играть предупреждающую роль.

Семиотический характер последствий инноваций и целей инноваций позволяет отнести *модификации* и *деформации* к обратимым переустройствам, а *модернизации* и *трансформации* к необратимым переустройствам.

В итоге всех изложенных рассуждений, мы можем утверждать, что инновационные технологии информационного общества выражают себя в столь беспрецедентных семиотических формах, что создают лишь иллюзию глобальной и необратимой деградации культуры. Сама специфика этих технологий обеспечивает стремительное проникновение во все сферы жизни людей. Скорость данного вмешательства испытывает на прочность «защитный пояс обычая» каждой конкретной социокультурной системы, который «держится» на существующей или отсутствующей в ментальных основаниях связи настоящего и прошлого. Вместе с тем, переустройство настоящего далеко не всегда дает верный горизонт экстраполяции в прошлое и будущее. Типы самих переустройств, вызванных инновационными технологиями, включают в себя и такие, при которых социокультурная самобытность полностью сохраняется. Таким образом, технологические инновации не во всех случаях вызывают кардинальные переустройства и сами по себе не являются единственным их источником.

Резюме

Объектами управления являются различные классы систем, в том числе – сложные открытые системы, обладающие объективными целями-аттракциями: структуры-аттракторы, странные аттракторы или «притягивающий хаос». Все современные теории менеджмента предлагают различные управленческие способы достижения целевой ситуации. Концепция аттрактивного менеджмента нацелена не на поиск оптимальных переходов к цели, а на организацию целевой ситуации в качестве аттрактора системы в ее нелинейной динамике. Как минимум, такая переориентация менеджмента становится возможностью его оптимизации, поскольку аттрактор подобен магниту, и «притягивает» в фазовом пространстве траектории сценариев динамики. Конкретным воплощением фазового пространства в динамике социокультурных систем становится – пространство коммуникаций, роль аттракторов играют – символы асимптотической цели, а способы менеджмента представляют – процедуры управления символикой целей всех субъектов управления.

Областью применимости аттрактивного менеджмента является управление инновациями. Все множество инноваций сводится к четырем видам: модификация, модернизация, трансформация и деформация. Выявлены условия, при которых осуществляются переустройства, связанные с технологическими инновациями, приводящими к каждому из отмеченных видов.

На основе модели эффективности информации установлены качественные критерии, разграничивающие начальные условия осуществления переустройств, которые увеличивают вероятность наступления их последствий в виде или модификации, или модернизации, или трансформации, или деформации. Выяснение пределов вариативности последствий технологических инноваций оптимально на основе установленной взаимосвязи видов информационных процессов и семиотических форм культуры. Это определяет направленность гуманитарной экспертизы инноваций.

Вскрыты возможности семиотической диагностики взаимосвязей декларируемых целей инноваций, управленческих решений и символики, в которой в действительности выражают себя промежуточные или конечные последствия реализаций технологических инноваций.

ГЛАВА 2

ЭФФЕКТ «БУМЕРАНГА» И ПАРАДОКС ПРОФАНА

Со времен возникновения примитивных культур и до последней трети XX века людей разделяли пределы их осведомленности. Во все времена положение знающего человека – колдуна или жреца, философа или священника, врача или учителя, мастера или ученого – давало преимущества в ориентации в окружающей действительности и в осознании своего места в потенциальной реальности. В конце XX века эти преимущества образования утрачены, и все мы получили новую роль *nobrow* – человека «безбрового», одновременно воплощающего в себе идеалы культуры высоколбых и участь профанов¹. Суть парадокса в том, что в современном обществе каждый человек – профан. Нарастающая сложность науки и технологий, конструирующих всю современную реальность, позволяет человеку, в том числе ученому и разработчику конкретных составляющих этих технологий, быть экспертом только в чем-то одном, оставляя даже образованного человека в беспомощности профана во всем другом. Парадоксальность же ситуации образует то, что человек приобрел такое стертное лицо в период становления общества знаний.

Парадокс профана воплощает последствия того, что мы назвали эффектом «бумеранга»². Как известно, бумеранг летит по замкнутой траектории, возвращаясь к месту своего запуска. Замкнутые траектории аналогичны петлям обратных связей, иссле-

¹ Мы уже касались в § 1.3 феномена *nobrow*.

² Мелик-Гайказян И. В. Бумеранг конструирования: траектория полета в коммуникативном пространстве // Конструирование человека: Сб. научн. ст. Томск, 2008. С. 114-158.

дования которых были начаты кибернетикой для выяснения механизмов функционирования систем. Кибернетика же стимулировала формирование теории информации. В пределах кибернетической парадигмы «местом запуска» информации было получение неких «данных», а само появление этих «данных» – или генерирование информации – объяснений не находило, да и в число задач кибернетики не входило. Вместе с тем именно благодаря кибернетическому периоду теории информации было созданы современные коммуникационные технологии. Пространство их действия – виртуальное пространство – стало местом полетов «бумеранга», а траектории этих полетов стали траекториями переплещений той символики, власть которой организует социальную структурность жизни людей в информационное общество, общество зрелищ³ и общество знаний.

Эффект «бумеранга» проявил себя и в интеллектуальном пространстве. Синергетика, «запущенная» философией процесса А.Н. Уайтхеда в область исследований самоорганизации, «доставила» в философию новые поводы и аргументы для понимания сущности информационных процессов⁴.

Особо подчеркнем, что эффект «бумеранга» и парадокс профана не являются очевидными и ускользают от многих исследователей современного состояния социокультурной динамики. Выявить эффект и парадокс стало возможным на основе *двух допущений*, сделанных на основе синергетической интерпретации философии процесса, изложенной А.Н. Уайтхедом в своем объемном труде «Процесс и реальность»⁵, а суть этих допущений и восприятие идей А.Н. Уайтхеда раскрывает название книги «Информационные процессы и реальность»⁶.

Первое допущение – все процессы, происходящие в социокультурных системах, являются информационными процессами, а все множество когнитивных, коммуникативных, семиотических, образовательных, управленческих процессов – есть частные выражения универсального информационного процесса.

³ Дебор Г.-Э. Общество спектакля. М., 2000.

⁴ Мелик-Гайказян И. В. Законы информации как добыча синергетического бумеранга // Синергетическая парадигма. М., 2011. С. 464–479.

⁵ Whitehead A.N. Process and Reality: an essay in cosmology. N.-Y., 1967.

⁶ Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.

Второе допущение – информационные процессы есть механизмы самоорганизации сложных открытых систем, к которым, по сути своей, принадлежат все социокультурные системы.

Оправданием любых допущений служит появление новых подходов к решению проблем и задач. Сделанные нами допущения открывают принципиальную методологическую возможность для осуществления процедур измерения социокультурной динамики, а вне измерений рассуждения об аттракторах, критериях самоорганизации и сущности самоорганизации являются беспредметными.

В науках о человеке и обществе термин «измерение» понимается метафорически. В употреблении этого термина отражается прощупывание глубин рассмотрения предмета исследования. Приведу показательный пример. В одном весьма серьезном колллективе шло обсуждение темы докторского диссертационного исследования, направленного на выяснение изменений трактовки феномена *N* в истории культуры. Трудность, вызвавшая долгое обсуждение, состояла в обозначении этого изменения в формулировке темы. Предлагались и отвергались многие варианты: «интерпретации *N* в истории культуры», «понимание *N* в истории культуры», «восприятие *N* в истории культуры», «динамика *N* в истории культуры» etc. В конце концов было выбрано «измерение *N* в истории культуры», поскольку слово «измерение» вполне научное, а что им обозначается в конкретности не очень ясно, но угадывается в нем какой-то способ понимания, восприятия, интерпретации и трактовки. Повторюсь, что коллектив этот занимает ведущие позиции, а в обсуждении принимали участие отечественные звезды истории, культурологии, искусствоведения и семиотики.

Вместе с тем процедура измерения в гуманитарных исследованиях принципиально отличается от сравнения с эталоном и от прямого результатов этого сравнения в количественном выражении, то есть от содержания тех процедур измерения, с которых эта задача начинала решаться в естествознании. Кроме того, от статистических процедур измерения также пришлось отказаться по двум причинам. Во-первых, основные события, составляющие область интереса гуманитарных исследований, столь невероятны и спонтанны, что их оценка в статистических процедурах мало что дает. Во-вторых, по утверждению В.В. Налимова применение ста-

тистических методов означает сознательный отказ исследователя от понимания *механизмов* процессов⁷. А при изучении социокультурных систем в фокус исследовательского интереса попадают именно механизмы самоорганизации. Причем самоорганизация есть явление нелинейной динамики сложной системы с повышением порядка, в случае же понижения параметра порядка происходит самодезорганизация этой системы. Вообще, под измерением в гуманитарных исследованиях понимают любое однозначное преобразование измеряемой величины в некоторый регистрируемый параметр, в то время как измеряемая величина является внутренним параметром порядка исследуемой системы.

Казалось бы, трудности, связанные с процедурами измерения, должны миновать теории менеджмента, принадлежащих экономическим наукам, в которых установлены параметры для определения направлений динамики исследуемых ими систем. Но, как было установлено в предыдущей главе, успех менеджмента зависит не только от достижения экономических показателей. Ясно, что всё, принадлежащее «развитию человеческого потенциала», не подлежит измерению исключительно в экономических показателях. Пространство, подлежащее управлению, формирует конкуренция целей – рациональных и иррациональных, реальных и виртуальных, явных и скрытых. И каждый шаг в этом пространстве или каждое управленческое решение становится местом «запуска» бумеранга, который может «принести добычу», несоизмеримую с усилиями, запустившими этот бумеранг. Одной из его «добыч» бумеранга стало стертое лицо *повроу* – «добыча», которая не входила в декларируемые цели управления.

Вот измерению траекторий полета и «разбору полетов» мы приступим в этой главе на основе моделей информационных процессов. Собственно для этого мы и сделали *допущения*, указанные выше. Именно благодаря им открывается возможность получить новые результаты в исследовании социокультурной динамики при определенном порядке осуществления процедур измерения. Порядок обусловлен структурой элементарных процессов в качестве стадий информационного процесса, а структуру процессов представляют предлагаемые модели. В различных отраслях естественных и технических наук были выработаны способы измерения информации, а точнее – измерение информации-результата,

⁷ Налимов В.В. Теория эксперимента. М., 1971. С. 7.

соответствующее определенным стадиям информационных процессов, которые попадали в предметную область исследований. Самым известным примером является измерение *количества информации*, предложенное Клодом Шенноном в рамках математической теории связи, соответствующее такой стадии информационного процесса, как *передача информации*. У информации есть и другие характеристики – *новизна* и *ценность*, которые могут быть отнесены к этапам генерации и рецепции информации; *эффективность*, которая способна быть критерием стадии создания информационного оператора. Стратегия осуществления количественных измерений в гуманитарных исследованиях, таким образом, получает ясные очертания на основе привлечения опыта измерения различных характеристик информации, каждая из которых является управляющим параметром определенных стадий социокультурной динамики⁸. Итак, внедрение философии процесса А.Н. Уайтхеда приводит к обоснованию существования информации как процесса, чье действие в качестве механизма самоорганизации поддается измерению. Замечу, что для формулировки данного вывода нам потребовалось пятнадцать лет работы. Этот, в прямом и переносном смысле дорогой для нас результат, обладает эвристическим потенциалом для исследования коммуникативных процессов как ресурса управления.

§ 2.1. Модель процесса генерации информации, или модель совершения «событий-в-действительности» и «событий-в-реальности»

В постнеклассическом лексиконе уже прочно укоренились термины «необратимость», «нелинейность», «нестабильность» и «неопределенность». Как выражения, начинающиеся с «не», эти слова даже при частом их употреблении плохо понимаются. Вместе с тем, выяснение роли и места в процессах становления сложных систем того, что мы называем «событием-в-действительности» и «событием-в-реальности», позволит с достаточной четкостью представить взаимосвязь необратимости, нелинейности, нестабильности, неопределенности и неустойчивости в механизмах динамики социокультурных систем.

⁸ Мелик-Гайказян И.В. Идея процесса и проблема измерений // Эпистемология & философия науки, 2009. № 2, С. 127–142.

Конструктивность обращения к терминам постнеклассического лексикона для понимания трансформаций социокультурных систем эксплицирована в исследованиях, в которых ответственность за тотальную культурную деградацию возлагается на современные информационные технологии и средства коммуникации⁹. Однако внимательный разбор механизмов создания и действия новых технологий позволяют выявить онтологический шанс для оптимистического сценария развития социокультурных систем на общем фоне пессимистических прогнозов. Приближение к обретению этого весьма малого повода для оптимизма возможно при совершении нескольких шагов.

Шаг первый. Существование человека в усложняющемся мире, в первом приближении, рассматривается в трех проекциях: в исходной коммуникативности *бытия* культуры; в *действительности* информационного общества, предоставляющего в распоряжение людей принципиально новые средства коммуникаций; во множестве *реальностей*, в условиях и в пределах которых наличествует жизнь человека. Одновременное рассмотрение человеческого существования в этих проекциях позволяет увидеть лишь сложившуюся беспорядочность коммуникативной ситуации, уподобляющую линии жизни людей хаотичным траекториям броуновских частиц. Преодоление иллюзии коммуникативного хаоса актуализирует то категориальное разграничение *бытия*, *действительности* и *реальности*, которое было выдвинуто А.Н. Уайтхедом: бытие есть потенциальность, есть все, что может быть; действительность есть то, что осуществилось, есть область «действительных происшествий»; реальность – это вариант воспринимаемой действительности. Для пояснения смысла этого разграничения я приведу следующий пример. То начало, которое получило название «большого взрыва», создало физический мир с конечным набором мировых констант. Теперь уже известно, что эта *действительность* физического мира стала одной из 10^{50} возможностей, содержащихся потенциально в *бытии* до события «большого взрыва». Восприятие этой действительности реализуется как в широком спектре описаний становления физического мира, так и в еще более широком спектре, возникших реальностей (минера-

⁹ Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Вопросы философии. 2006. № 2; Гиренок Ф.И. Антропологическая катастрофа. <http://religion.russ.ru/society/20020125-girenok.html>

логической, органической, биологической etc.), которые есть результаты своеобразных рецепций физической эволюции различными подсистемами становящегося мира. Итак, существует сфера возможного – бытие; существует актуализированный вариант потенциального – действительность; существует варианты воплощений действительности – реальность. С этим разграничением бытия, действительности, реальности и связано создание А.Н. Уайтхедом философии процесса. Причем, в универсальном процессе А.Н. Уайтхедом выявлено два основных его вида: макроскопический процесс и микроскопический процесс. Первый вид процесса – «это переход от достигнутой актуальности к актуальности в достижении»¹⁰, что тождественно конституированию действительности (или реальности), детерминированного результатом превращения потенциального в актуальное. Второй вид процесса – телеологический, на котором происходит «сращение»¹¹ многих сущностей, вызывающее создание новой «актуальной сущности» или совершение «актуального события»¹². Таким образом, бытие, действительность и реальность трактуются А.Н. Уайтхедом как макропроцессы, отделяемые друг от друга актуальными событиями как результатами микропроцессов.

Иными словами, рецепция многообразия мира есть рецепция реальности, которая является вариантом действительности, а эта действительность в свою очередь является одним из вариантов всех потенциальностей бытия. Начало действительности и начало реальности есть событие. Четких различий между событием, отделяющим бытие от действительности, и событием, отделяющим действительность от реальности, А.Н. Уайтхед не проводит. Смысл предлагаемых нами понятий «событие-в-действительности» и «событие-в-реальности» состоит в фиксации различий, воплощающих событийную смену отдельных стадий мира-процесса в метафизике А.Н. Уайтхеда.

Шаг второй. Философия процесса А.Н. Уайтхеда утратила метафизическую чистоту после ее воплощения И.Р. Пригожиным в программу своих конкретно-научных исследований. В числе ве-

¹⁰ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 302.

¹¹ «Сращение» (concrecence) – термин А.Н. Уайтхеда, восходящий к тому, что Локк обозначал как «реальное внутреннее конституирование отдельно существующего» [цитируется по 8, С. 296].

¹² Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 297.

сомых научных достижений реализации этой программы есть результаты, требующие уже в свою очередь философской рефлексии. Можно сказать, что философия процесса А.Н. Уайтхеда после своего вторжения в предметное пространство фундаментальных исследований вернулась, как бумеранг, в философию, отметив в качестве добычи новые направления философских исследований.

Для понимания действия механизмов нелинейной динамики сложных систем было важно определить состав признаков, по которым возможно разграничение событий и не-событий, то есть повторяемых, а потому вполне предсказуемых явлений. Эти требования выявлены И.Р. Пригожиным¹³ и, оставляя за скобками всю аргументацию их обоснования, приведем здесь только их перечисление.

Во-первых, события вызывают нарушение симметрии между прошлым и будущим, то есть необратимо изменяют дальнейшую последовательность «действительных происшествий». Например, рождение новой звезды, которую мы теперь называем Солнцем, стало событием для глобальной эволюции. А вот наблюдаемые с Земли солнечные затмения есть явления, поскольку происходят с известной и полностью предсказуемой периодичностью. Следовательно, явление солнечного затмения к событиям не относится. Заметим, что разграничение явлений и событий, входит в качестве одного из обоснований *необратимости* времени, которое в классической науке, умеющей изучать только мир явлений, понималось как иллюзия и плод человеческих аппроксимаций.

Во-вторых, событие это то, что может быть, а может и не быть; может случиться, а может и не случиться. Их описание в терминах вероятности далеко не всегда корректно, поскольку совершению события предшествует хаотическое состояние, то есть состояние, допускающее несводимое вероятностное описание. «Несводимое» – значит, не допускающее перехода к описанию в терминах отдельных фазовых траекторий (обычный хаос) или отдельных волновых функций (квантовый хаос). Иными словами, событие это абсолютно спонтанное «действительное происшествие», которое не противоречит детерминистическим законам, но и не выводится из них.

¹³ Пригожин И.Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994.

В-третьих, по утверждению И.Р. Пригожина, события обладают способностью изменять направленность и темп эволюции. Это значит, что события, в то или иной степени, становятся исходным пунктом нового развития и нового порядка.

В этих требованиях содержатся основания для понимания как взаимосвязи *необратимости* времени, роли *нестабильности* и сути *нелинейности*, так и того, что данную взаимосвязь образует, то есть – события. Итак, все множество потенциальностей, которое есть бытие, способно спонтанно реализовывать один из вариантов своих возможностей, что тождественно «скачку из потенциальности в актуальность» или событию. Событие становится результатом «сращения», в котором «универсум вещей приобретает индивидуальное единство в результате подчинения «многих» из них конституированию «одной» новой вещи»¹⁴. Во многом благодаря работам И.Р. Пригожина и его школы, теперь ясен механизм «сращения». Сложные открытые системы могут переживать хаотические состояния, даже если внешнее воздействие на них остается неизменным. При этих состояниях любое случайное поведение элемента системы (так называемая флуктуация), не играющее роли в стабильном состоянии, способно «подчинить» себе поведение всех элементов системы (то, про что в конкретно-научных исследованиях говорят: микросостояние распространяется по всему объему системы и определяет макросостояние), что при особой согласованности этого поведения – когерентности – генерирует спектр новых вариантов порядка, а выбор одного из них воплощается в «новую вещь». Таким образом, создание «новой вещи» становится «действительным происшествием», необратимо отделяющим область всего того, что может быть – бытие – от действительности, которую образует выбранный вариант дальнейшего развития.

Итак, перечислим взаимосвязанные условия совершения события: а) состояние *нестабильности*, в котором царит *неопределенность* выбора системой своего будущего сценария развития; б) существование множества вариантов выхода из хаоса и непропорциональность малых воздействий вызываемым последствиям, что становится онтологическим объяснением *нелинейности*; в) способность элементов сложной системы *необратимо*, самопроизвольно и спонтанно переходить к когерентному поведению.

¹⁴ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 297.

Шаг третий связан с пониманием того, в чем заключена сущность феномена информации. Из всей собранной коллекции дефиниций этого феномена¹⁵, одно определение имеет содержательное пересечение и с пониманием процесса «сращения», и с трактовкой события в теории самоорганизации: *информация есть случайный запоминаемый выбор варианта из многих возможных и равноправных*¹⁶. В приведенном определении информации как выбора четко обозначаются условия этого выбора: а) выбор случаен; б) он совершается из многих возможных и равноправных (но не обязательно равновероятных вариантов); в) результат выбора запоминаем. Первые два условия напрямую связаны с тем требованием к событию, которое выражено словами «событие это то, что может быть, а может и не быть; может случиться, а может и не случиться». Кроме того, указание на то, что выбирается вариант, а значит все другие «многие возможные и равноправные» потенциальные варианты не будут осуществляться, соответствует трактовке А.Н. Уайтхедом события, как превращения потенциального в актуальное. Третье условие – запоминаемости – нуждается в пояснениях. С одной стороны, для тех ситуаций, в которых выбор совершает человек и какое-то время помнит его результат, казалось бы, комментарии излишни. Надобность в комментариях можно счесть излишней для процесса запоминания биологическими объектами, а так же для запоминания искусственными объектами, например, компьютерами. С другой стороны, возникает проблема с объяснением процесса запоминания объектами неживой природы. Корни этой проблемы в том, что до работ И.Р. Пригожина практически все ученые, занимающиеся теорией информации, существование феномена информации связывали только с возникновением жизни. Это убеждение сильно и в настоящее время. Несмотря на то, что основное содержание параграфа направлено на разъяснение механизмов генерации информации, разворачивающихся в социокультурных системах, считаем необходимым остановиться на трактовке запоминания в неживых системах. Данная необходимость вызвана тем, что одновременность ухода от акцентирования проблематичности трактовки запоминания в неживой природе и апелляция к результатам синергети-

¹⁵ Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.

¹⁶ Каствлер Г. Возникновение биологической организации. М., 1967.

ки¹⁷ было бы чистой воды редуционизмом. Вся сила и красота синергетики состоит в доказательстве гомоморфизма в механизмах самоорганизации сложных систем различной природы. Это, в свою очередь, создает условия для понимания происходящего в первом приближении на простых моделях, хотя данная «простота» весьма относительна. Что же значит «запомнить» в тех системах, которые в обыденном смысле памятью не обладают? На физическом языке это значит привести систему в определенное устойчивое состояние. При этом возникает упорядоченность (структура), олицетворяющая нарушение прежней пространственной симметрии и установление новой асимметричной и в то же время более упорядоченной формы координации частиц, из которых состоит система. Иными словами, запоминание выражает себя в том, что система фиксирует ее же совершенный выбор в изменении своей структуры. Итак, то, что в обсуждаемом определении обозначено словом «запомненный», в общей теории информации обозначается термином «фиксируемый». Таким образом, третье условие приведенного определения информации – запоминание выбора – реализуется в виде свойства информации, называемого «фиксируемостью», что выражается в «записи» информации, не имеющей материальной природы, на материальном носителе.

Шаг четвертый. Для понимания специфики управления коммуникативными ситуациями принципиальным стало утверждение У. Эко: «в тот момент, когда мы сталкиваемся с проблемой передачи информации от одного человека к другому, теория информации становится теорией коммуникации»¹⁸. Совокупность процессов передачи образуют процессы трансляции информации. Следовательно, механизмы процессов трансляции информации являются содержанием теории коммуникации. *Результатом этого последнего шага стала открывшаяся методологическая возможность видеть теорию коммуникации как частное выражение тео-*

¹⁷ Речь идет о выводах теории, которая называется либо пятью словами: «теория самоорганизации открытых сложных систем», либо четырьмя словами: «теория самоорганизации диссипативных структур», либо двумя: «нелинейная динамика», либо одним: «синергетика». Вообще-то это не синонимичные названия, но для краткости я буду пользоваться самым лаконичным названием.

¹⁸ Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004. С. 139.

рии информации, а, следовательно, применять философию процесса А.Н. Уайтхеда и философско-методологические следствия синергетики в качестве релевантных способов исследования управления динамикой социокультурных систем.

Этот результат, достигнутый благодаря избранной траектории рассуждения, дает возможность представить коммуникативную ситуацию в новом ракурсе. Совершенные четыре шага приводят к пониманию того, что в ситуации сильной неустойчивости случайное и малое воздействие способно изменить состояние всей системы. Данная неустойчивость амбивалентна: она одновременно угрожает антропологической катастрофой и предоставляет шанс человеку малым воздействием вызвать позитивную социокультурную динамику. Для того чтобы воспользоваться этим онтологическим шансом,¹⁹ необходима точность вмешательства в действующие механизмы информационных процессов. Именно для понимания места и характера приложения усилий, управляющих ситуацией, нужно определение тех этапов динамики, для определения которых предлагаются понятия событие-в-действительности и событие-в-реальности, поскольку, во-первых, именно механизм совершения события дает шанс вмешаться в ситуацию, и, во-вторых, эти события становятся «точками роста» действительности и реальности. Иными словами, необходимо обнаружить конкретное выражение того, что является «точкой роста» реальности жизненного мира людей, вовлеченных в это пространство. Данная «точкой роста» и есть событие-в-реальности, а его совершение необратимо трансформирует действительность, которая уже сложилась как следствие события-в-действительности. Необратимость этих событий образует подобие, так называемых, «двух непрозрачных границ»²⁰, отделяющих реальную ситуацию от всех потенциально возможных. Эти границы делают бессмысленным подробное рассмотрение реальности с целью выяснения возможностей управления ситуацией, поскольку их непрозрачность скрывает механизмы самоорганизации и действительности, и реальности.

Таким образом, в задачи нашего последующего рассуждения входит доказательство информационной сущности механизмов совершения событий и выяснение конкретных воплощений собы-

¹⁹ А то, что это онтологический шанс было обосновано в первых трех шагах.

²⁰ Гиренок Ф.И. Антропологическая катастрофа. <http://religion.russ.ru/society/20020125-girenok.html>

тия-в-действительности и событие-в-реальности для обозначения места приложения управляющих решений, которые способны вызвать позитивную динамику.

Решение сформулированной задачи начнем с изложения нашего понимания сущности феномена информации, для чего акцентируем ряд обстоятельств.

Во-первых, уникальной для теории информации является работа В.И. Корогодина²¹, в которой выявлена система свойств информации и обоснована системообразующая роль двух из них. В данном качестве выступают свойства *фиксируемости* и *действенности*. И, как было продемонстрировано, свойство фиксируемости проявляет себя в трактовке информации, принадлежащей Г. Кастлеру, то есть сведению сущности феномена информации к результату случайного и зафиксированного выбора. Вместе с тем, сам В.И. Корогодина осознано исследовал феномен информации без обращения к выводам синергетики. Им было абсолютизирована трактовка информации, данная М. Эйгеном, который на основе разработанной им теории гиперциклов сводил весь феномен информации к результату отбора способов совершения целенаправленных действий. Этот способ (или алгоритм, программу, инструкцию) В.И. Корогодина назвал оператором и актуализировал второе ключевое свойство информации – *действенность*.

Во-вторых, кастлеровское определение информации, Д.С. Чернавский счел исчерпывающим для всего феномена информации в целом²². Им же на основе теории неустойчивости строго обоснована оправданность определения Г. Кастлера, что позволило связать теорию информации и синергетику.

В-третьих, в сложившихся направлениях теории информации саму информацию выражают в качестве выбора, сигнала, программы, сведений, знания, негэнтропии, кода etc. Например, количественное выражение информации создано К. Шенноном для решения задач, связанных с передачей информации по каналам связи; существуют трактовки информации, отражающие операции кодирования, как подготовки сигнала/сообщения в соответствии с форматом канала трансляции; работы Э. Янча и М. Эйгена положили начало пониманию информации в качестве инструкции, программы и алгоритма, используемые для исследо-

²¹ Корогодина В.И. Информация и феномен жизни. Пушкино, 1991.

²² Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М., 1990.

вания способов реализации информации. Все представительные направления теории информации сходятся практически только в одном, а именно в том, что информация есть результат выбора или отбора. Но тождество отсутствует как между отбором и выбором, являющихся процессами, так и между сигналом, программой, кодом etc., являющихся результатами отмеченных процессов. Таким образом, феномен информации предстает во многих обличьях, а все эти воплощения «не схватываются» в каком-либо одном определении.

Этот «разнобой» может быть преодолен только при обращении к философии процесса А.Н. Уайтхеда. На основании этой философии специфика процесса трактуется нами следующим образом: процесс есть чередование стадий, на которых «сращение» многих факторов подводит к формированию некоторого результата, а оформление достигнутого результата становится условием «перехода» к следующей стадии. То есть – каждая стадия «стартует» в зависимости от результата предыдущей стадии. Сегодня мы уже имеем основания для того, чтобы сказать, что разворачивание процесса вариативно, нелинейно и необратимо во времени, но для исследования феноменов, обладающих такими качествами, у науки до второй половины XX века не было инструментов. Вместе с тем, установленные взаимосвязи между достижениями фундаментальных исследований и философии процесса А.Н. Уайтхеда открывают возможность увидеть феномен информации во вполне определенной последовательности элементарных стадий: генерации информации, фиксации, кодирования, трансляции, создание способа реализации информации (построение оператора), редупликация информации и совершение целенаправленных действий. Элементарность перечисленных стадий относительна, поскольку механизмы процессов²³ на каждой стадии достаточно сложны. Таким образом, мы утверждаем, что феномен информации есть процесс, состоящий из строгой последовательности стадий, специфичные результаты каждой из которых выражены в спектре конкретно-научных определений. Последовательность стадий определяется их принципиальной необратимостью во вре-

²³ Результатом действия механизма каждой стадии становится соответствующее «обличье» информации. Например, результатом процессов генерации и фиксации становится информация как случайный запоминаемый выбор варианта из многих возможных и равноправных.

мени. В этом можно убедиться хотя бы на том основании, что создание сигнала, его передачу и получение нельзя поменять местами. Заметим, что простота этого примера не делает его банальным, поскольку кибернетические модели создавались на «круговой» последовательности трансформации сигнала и только понимание информации как процесса заставляет располагать его стадии на стреле необратимости. А сделать это возможно только на основе положения о необратимости времени, которое утверждает синергетика. В принципе в этом состоит суть разработанного нами информационно-синергетического подхода, раскрываемая в трех положениях: информация есть многостадийный и необратимый во времени процесс; стадия генерации информации есть событие; информационные процессы есть механизмы самоорганизации сложных систем.

Напомню, что, согласно А.Н. Уайтхеду, события есть результаты телеологических микропроцессов, поэтому для доказательства информационного механизма совершения события нам осталось привести аргументы (обещанные в завершении *третьего шага*) телеологической причинности, действующей на определенных стадиях информационного процесса.

Правомочность определения, данного Г. Каствлером для информации, была подтверждена на основе математической модели эволюции ценной информации, при этом ценной является та информация, которая способствует приближению к цели²⁴.

Подчеркнем, что модель эволюции ценной информации, создана Д.С. Чернавским вне всякой связи с работами А.Н. Уайтхеда. Это замечание имеет смысл, поскольку и в упоминаемой модели, и в описании А.Н. Уайтхедом телеологического процесса «сращения», приводящего к конституированию события, выделены по три стадии. У А.Н. Уайтхеда это стадии: «ответная фаза», «дополнительная стадия», «сатисфакция»²⁵; а в модели Д.С. Чернавского это стадии доминирования конъюнктурных, прогностических и асимптотических *целей*. Установленная корреспонденция этих стадий и будет доказательством информационного механизма совершения события.

²⁴ Chernavski D. S., Chernavskay N. V. Some Theoretical Aspects of the Problem of Life // Origin. Theor. Biol. 1975. Т. 8. N 53. P. 13–20.

²⁵ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 298–299.

Итак, при выходе из хаоса происходит конкуренция различных вариантов будущего порядка, достижение которого становится объективной целью системы. Выглядит это следующим образом. В системе, состоящей из множества элементов, существует конкуренция, например, трех вариантов будущего порядка. Первый из вариантов связан сиюминутным стремлением преодолеть неустойчивое состояние в настоящий момент. Этому соответствует, так называемая, конъюнктурная цель. Девиз следования конъюнктурной цели может быть определен словами: «делай как все». Вторым вариантом подчинен достижению того будущего состояния, которое прогнозируемо на основании состояния, переживаемого в настоящем. Этому варианту соответствует, так называемая, прогностическая цель. Третий вариант будущего состояния таков, что в настоящем ничего не указывает на возможность его достижения, однако, как покажет дальнейшее, этот вариант является наилучшим для системы в целом. Этому варианту соответствует, так называемая, асимптотическая цель. Итак, в хаосе вариантов, в состоянии сильной неустойчивости в системе возникают три варианта будущего состояния, которые находятся в конкуренции друг с другом. Суть модели сводится к демонстрации того, что каждый из перечисленных вариантов имеет шанс одержать победу только на определенной стадии. Действие конъюнктурных целей конструктивно на начальной стадии, действие прогностических целей – на промежуточной стадии, а на завершающей стадии возможна победа варианта, диктуемого асимптотическими целями. Таким образом, прогрессивная эволюция, то есть эволюция с повышением степени порядка, возможна только при «удачной» смене перечисленных вариантов. Осуществление этой «удачной» смены большая редкость, что с одной стороны демонстрирует необходимость существования мечты о прекрасном будущем (асимптотическая цель), а с другой – раскрывает причины крайне редкого осуществления мечты. Вместе с тем, крайне редко происходит и то, что было названо событием.

В описании А.Н. Уайтхеда начало телеологического процесса, или стадия «ответная фаза», выглядит в качестве «рецепции мира как множества индивидуальных центров чувствования, взаимопредполагающих друг друга»²⁶, что соответствует конъюнктурной стадии, на которой элементы системы становятся (в ответ на мно-

²⁶ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 299.

жественность вариантов выхода из хаоса) носителями информации о каждом из конкурирующих вариантов, входя в определенную кооперацию между собой. Затем происходит оформление возможных вариантов будущих состояний в уже четких границах следования прогностическим целям, то есть целям уже видимого и прогнозируемого будущего порядка. Этой стадии соответствует, выделяемая А.Н. Уайтхедом, «дополнительная стадия», содержание которой «определяется индивидуальным идеалом, постепенно оформляющимся в самом данном процессе»²⁷. Завершающую стадию телеологического процесса – «сатисфакцию» – А.Н. Уайтхед характеризует как «исчезновение всякой неопределенности» при образовании актуальной сущности, «воплощающей решительное «да» или «нет»²⁸. Завершающая стадия выражена в образовании одного состояния, достигаемого при следовании асимптотической цели, то есть победе того варианта, который становится новым порядком, обретаемым системой. Примером такого состояния является «победа» генетического кода, единого для всего живого, что иллюстрирует решительное «да» или «нет» как итог сатисфакции. Этот итог, фиксированный в коде, стал событием биологической эволюции. Более того, есть уже все основания утверждать, что *фиксация в коде* варианта выхода из хаоса (хаоса, в котором потенциально содержались все возможности этого выхода) есть *событие-в-действительности*.

В этом утверждении следует акцентировать одну особенность. Во всех системах, за исключением социокультурных, состояние «сатисфакции», или «победа» асимптотической цели, наступает на некоторое время – на время нахождения системы в обретенном устойчивом состоянии. В социокультурных системах достижение этого состояния достаточно условно, поскольку в этих сверхсложных системах возникающие варианты будущих порядков остаются «жить» на перифериях интеллектуального пространства. Эти варианты сводятся к стереотипам действий, образов и смыслов. Причем под влиянием конъюнктурных целей оформляются знаки-указатели на новые и объединяющие *смыслы*, под воздействием прогностических целей – оформляются *образы* нового порядка, а под воздействием асимптотических целей – оформляются понимание целенаправленных действий нового по-

²⁷ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 299.

²⁸ Там же.

рядка вещей. То есть происходит оформление прообразов того, что в семиотике получит семантическую, синтаксическую и прагматическую трактовку форм знака. Следовательно, *информационная трактовка события-в-действительности позволяет установить принципиальную взаимосвязь между семиотикой и синергетикой.*

Сборка²⁹ трех описаний – описания событий И.Р. Пригожиным, описания событий А.Н. Уайтхеда и интерпретация Д.С. Чернавским в кластерной модели определения Г. Кастлера – позволила разработать модель (рис. 2.1) тех этапов информационного

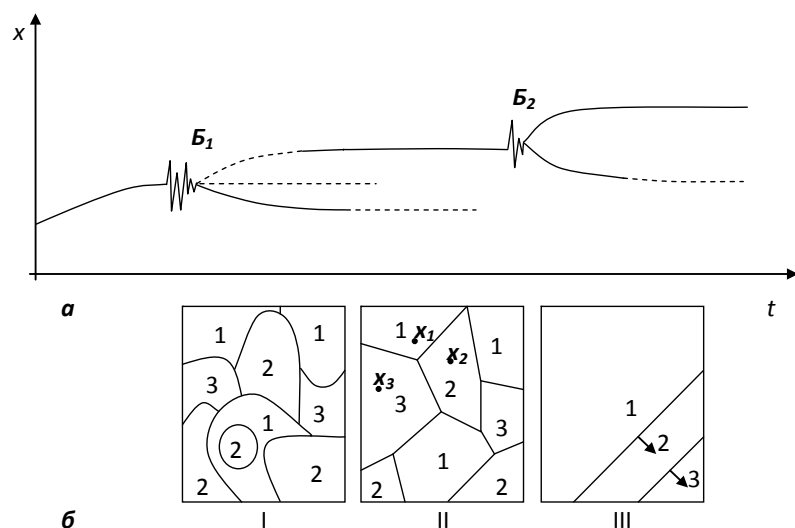

Рис. 2.1. Модель процесса генерации информации: а) бифуркационная диаграмма; б) этапы эволюции – «мозаика» (I – конструктивны конъюнктурные цели), «паркет» (II – конструктивны прогностические цели), переход к «чистому» кластеру (III – конструктивны асимптотические цели). Участки быстроменяющихся X в области B_1 и B_2 обозначают предбифуркационные состояния. Пунктир на «ветвях» бифуркационной кривой показывает, что определенное решение может приобретать (или терять) актуальность со временем в зависимости от направленности информационных процессов самоорганизации

²⁹ Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация. (Методологический анализ) Томск, 1995.

процесса, которые соответствуют микропроцессам в философии процесса в качестве телеологических.

В момент, соответствующий бифуркации – B_1 , система переживает хаотическое состояние. Присущее бытию – содержать все потенциальности – становится онтологическим условием совершения выбора. При выходе из хаоса происходит конкуренция различных вариантов будущего порядка, достижение которого становится целью системы. Само образование вариантов и рецепция этих вариантов системой подчинено одному – преодолению хаотического состояния, т. е. цели, которая выражена в стремлении к новой устойчивости. Если само состояние хаоса можно считать следствием начальных условий, например предшествующий B_1 «чистый кластер», то развитие системы после B_1 подчинено уже только движению к цели – то есть это в чистом виде телеологический процесс. Осуществление выбора как генерации информации требует запомнить результат выбора. Это запоминание проходит три этапа (рис. 2.1, б). Первый этап (мозаика) диктуется конъюнктурной целью, второй этап (паркет) – прогностической целью, а третий этап (чистый кластер) – асимптотической целью.

Итак, образование актуальной сущности А. Н. Уайтхед называет тем «действительным происшествием», которое отделяет бытие от действительности, а И. Р. Пригожин называет событием, как фактом становления нового порядка, рождаемым при преодолении хаоса. В интерпретации информационных процессов на этапе телеологического процесса происходит генерация и фиксация информации (рис. 2.1). На этапе между B_1 и B_2 (рис. 2.1, а) создаются прообразы того, что в семиотике получит семантическую, синтаксическую и прагматическую трактовки форм знаков. Например, создание фонетического или иероглифического письма стало событием. Содержание этого события есть создание кода для соответствующих культур, который определил и предопределил характер их семиотических структур.

Модель (рис. 2.1) позволяет представлять механизмы тех телеологических этапов динамики социокультурных систем, на которых преодолевается состояние сильной социальной неустойчивости под действием мощной силы – коллективной мечты. Эта мечта вбирает в себя образы целей множества людей. А все желания сводятся к иерархии целей, возникающей в хаотическом состоянии социума: желаемое должно быть обретено прямо сейчас, цель

Таблица 2.1

Взаимосвязь форматов целей людей, целей этапов телеологического процесса свершения актуального события и каналов трансляции

Этапы телеологического процесса свершения актуального события (модель на рис. 2.1)	Цели людей в форматах временных горизонтов	Каналы трансляции
Конъюнктурная цель на этапе «мозаика» или выделяемая А.Н. Уайтхедом: «ответная фаза»	Цель должна быть достигнута прямо сейчас, поэтому востребованы указатели на новые идеи, объединяющие для преодоления неустойчивого состояния	Семантический
Прогностическая цель на этапе «паркет» или выделяемая А.Н. Уайтхедом: «дополнительная стадия»	Цель должна быть достигнута в обозримом будущем, поэтому востребованы образы прогнозируемого будущего	Синтаксический
Асимптотическая цель на этапе «чистый кластер» или выделяемая А.Н. Уайтхедом: «сатисфакция»	Цель всей жизни, поэтому востребованы образы действий, актуальные для достижения желаемого будущего	Прагматический

должна быть достигнута в обозримом будущем, мечта становится смыслом и целью жизни. Сказанное о коллективной мечте имеет прямое отношение к исследованию пространства управления.

Таким образом, актуальным событием завершающим телеологический этап, становится создание кода, схватывающего в себе варианты будущего порядка вещей. Это событие, определяющее действительность (в той трактовке, которая принадлежит А. Н. Уайтхеду), или «событие-в-действительности», чтобы отделить его от события, разделяющего действительность и реальность, описание которого еще впереди.

Код или язык, как особая целостность знаковых форм, всегда определял и предопределял действительность конкретной социокультурной системы. Итак, создание кода есть содержание событий-в-действительности в динамике социокультурных систем.

В широком смысле кодирование есть процесс такой подготовки сигнала/сообщения, которая соответствует формату канала трансляции для дальнейшей передачи. В социокультурных системах каналы трансляции осуществляют то, что Уайтхедом называлось «переносом символического воздействия», а в качестве его компонент выделялись следующие «тройки»: «поверья, эмоции, обычаи»; «идеи, образы, эмоции»; «эмоции, намерения и вера»; «практический интеллект, теоретическое желание проникнуть в первичный факт и иронические критические порывы»³⁰. Иными словами, в этом процессе транслируются выраженные в знаке стереотипы действий, образы и смыслы. Очень упрощая ситуацию, скажем, что в семиотике этому соответствуют прагматика, синтактика и семантика, как три направления измерения семиозиса³¹. Эти три направления и определяют форматы каналов трансляции информации в социокультурных системах. Для того чтобы представить в упорядоченной форме достигнутый результат изложения, приведем следующую таблицу 2.1.

Итак, привлечение выводов синергетики для понимания механизмов, социокультурной динамики, позволяет выделить этап, предшествующий процессу создания кода. Этот этап представлен процессами генерации и фиксации информации. На нем причиной становится цель преодоления системой хаотического состоя-

ния. Данная цель «заставляет» систему генерировать информацию при выходе из хаоса (B_1 на рис. 2.1, *a*) и, как обозначено в определении Г. Кастлера, «запоминать» результат выбора варианта преодоления хаоса. Механизм этих процессов организуют кооперативные эффекты в поведении всех элементов систем и создают иерархию целей. Под действием перечисленных целей варианты преодоления хаоса получают свое выражение в том, что структурирует новый порядок, а каждый структурный элемент фиксирует содержание своего сценария в некоторой знаковой форме, которая может стать прообразом прагматики, синтактики и семантики кода.

Итак, сделаем вывод из рассуждений, представленных в этом параграфе. При преодолении хаотического состояния система генерирует информацию. Эта информация может существовать только в зафиксированном виде. Процесс фиксации информации не толь-

³⁰ Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999.

³¹ Моррис Ч.У. Основания теории знаков; Знаки и действия // Семиотика: Антология. М., 2001. С. 45–97; 129–143.

ко связывает ее с материальным носителем, но и требует ее кодирования. Процесс кодирования информации, то есть информации уже сгенерированной и зафиксированной, предполагает ее выражение в знаковой форме, что означает ее «упаковку» в формат прагматики, синтактики и семантики. Выявленная на основе теории информации взаимосвязь синергетики и семиотики позволяет констатировать, что образование кода есть граница между процессами сращения и перехода, между бытием и действительностью, то есть образование кода является событием-в-действительности.

Если вспомнить об эффекте бумеранга, вынесенного в название главы, то можно сказать, что его «запуск» осуществляет событие-в-действительности. Начальные отрезки траектории движения бумеранга отражает модель на рис. 2.1, модель процесса сращения многих факторов, определяющих его полет. Чтобы проследить траекторию возвращения бумеранга, нам понадобится другая модель. Это модель макроскопического вида процесса «переход», модель перехода от действительности к реальности, то есть от события-в-действительности к событию-в-реальности.

§ 2.2. Модель детерминистического этапа информационного, или переход от события-в-действительности к событию-в-реальности

На основе модели генерации информации был выявлен механизм возникновения события, которое разделяет бытие и действительность в категориальном разграничении, проведенном А.Н. Уайтхедом. Событие, возникающее как результат телеологического этапа информационного процесса, названо нами «событие-в-действительности», а его суть заключается в создании кода, который определит действительность социокультурных систем. Итак, событие-в-действительности, как зафиксированный в коде вариант осуществления всего множества возможностей, содержащихся в социальном бытии, детерминирует дальнейшее становление конкретности социокультурных систем. Вместе с тем А.Н. Уайтхедом выделена еще одна сущность – реальность, в свою очередь, отделяемая от действительности событием. Это событие, как и событие-в-действительности, должно возникать спонтанно, мгновенно и в результате когерентного поведения всех элементов.

В работе А.Н. Уайтхеда³² этим требованиям отвечает то, что им названо «переворотом в символизме», а сам символизм в своем воздействии на человека формирует восприятие мира, то есть формирует реальность. Данное обстоятельство инициировало предположение, что событие, тождественное перевороту в символизме, является тем событием, которое отделяет действительность от реальности. Именно это событие названо нами «событием-в-реальности». В данном параграфе мы продемонстрируем установить тот этап в динамике социокультурных систем, на котором происходит переворот в символизме, или возникает событие-в-реальности. Поскольку реальность определена восприятием действительности, а само восприятие формируется под действием когнитивной и критической функций³³, то поиски места события-в-реальности в динамике социокультурных систем направлены на выяснение той формы социокультурной действительности, на которой доминируют именно эти функции.

Корреспонденций социокультурных форм и функций была установлена на основе модели информационного процесса (рис. 2.2 и рис. 2.3). Изначально она была разработана для междис-

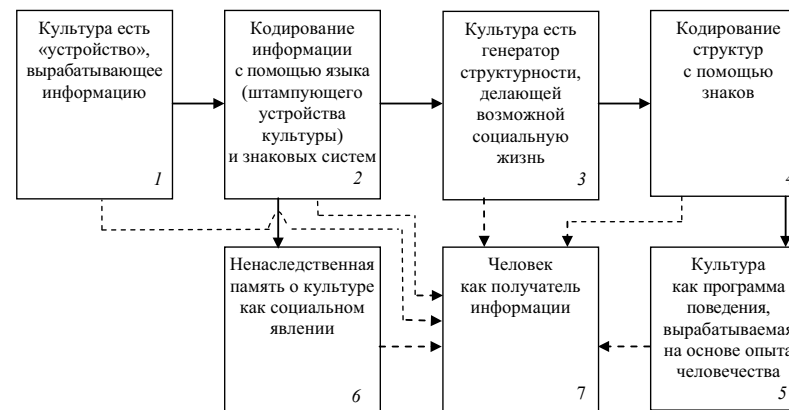

Рис. 2.2. Модель информационного процесса в социокультурных системах, детерминированного содержанием события-в-действительности (пунктирными линиями показаны направления воздействия на человека)

³² Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999.

³³ Обоснование этого предположения дано, например, Дж. Гибсоном в его экологической теории восприятия.

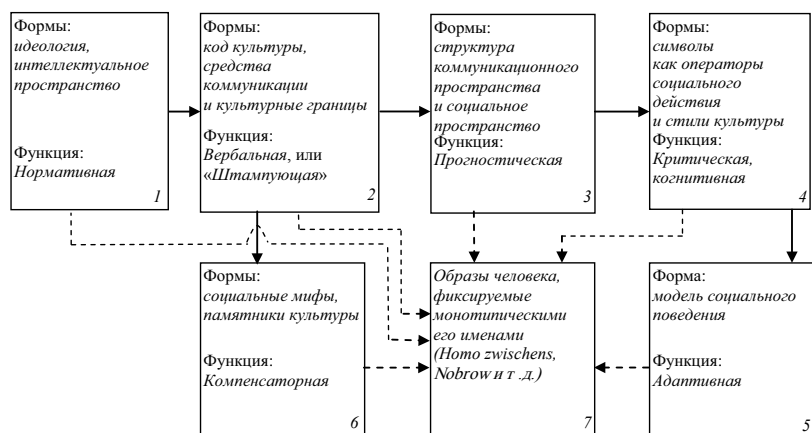

Рис. 2.3. Корреспонденция социокультурных форм и функций, установленная на основе модели информационного процесса

дисциплинарных исследований так называемых «человекомерных» систем. Следующие основания лежат в основе этой модели.

Во-первых, слагаемые семиотического механизма культуры, выявленные Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским (об этом было подробно сказано в § 1.3 в связи с табл. 1.2), были представлены в качестве *результатов* отдельных стадий информационного процесса. Основанием для столь вольного обращения с выводами крупнейших представителей семиотического подхода к исследованию культуры было то, что в данных ими дефинициях компонент семиотического механизма присутствовала кибернетическая терминология. Эти дефиниции дали название всем блокам модели (рис. 2.2).

Во-вторых, последовательность стадий информационного процесса была впервые определена не в кибернетической, а в синергетической парадигме, что стало основанием включения в эту последовательность стадии генерации информации (блок 1 на рис. 2.2) как события в принципиальной степени случайного, изменяющего направление и темп всей дальнейшей динамики. Постнеклассическая парадигма стала основанием для утверждения о необратимой во времени последовательности стадий информационного процесса, что выражено в направленности стрелок, нарисованных сплошными линиями, между блоками.

В-третьих, на основе установленной корреспонденции этапов самоорганизации и стадий информационных процессов³⁴ каждый блок модели выражает определенную фазу нелинейной динамики: блок 1 связывает преодоление системой хаотического состояния и стадию генерации информации; блок 2 – фиксацию выбранных вариантов нового порядка и кодирование информации; блок 3 – формирование новых структурных уровней системы (усложнение при самоорганизации или упрощение при самодезорганизации) и трансляция информации, а блок 6 – «память» об устойчивых состояниях и хранение информации; блок 4 – формирование структур-аттракторов и построение оператора как способа достижения цели; блок 5 – достижение аттрактивного состояния и редупликация информации; блок 7 – воздействие макросостояния системы на элементы системы и рецепция информации.

Способность модели представлять социокультурную динамику как информационный процесс, возможно, прояснит следующий пример. Каждая из религиозных систем возникала на определенном толковании того, что есть благо (блок 1). Идея благой жизни фиксировалась (блок 2) в тексте (например, Тора, Библия, Коран etc). Текст определял как ритуализированную этику (блок 6), так и в случае его трансляции в социальную жизнь – новую структурную организацию (блок 3). В свою очередь, новая структурность требовала воплощения в соответствующих знаковых системах. Создавались либо новые символы как операторы социального действия, либо происходил «переворот в символизме» (блок 4). Целью воплощения в жизнь новой идеи блага во всех случаях было научить человека жить и поступать правильно, то есть – создание модели поведения идеального человека (блок 5). При этом у реальных людей каждой самобытной эпохи был свой спектр впечатлений от предлагаемого блага и реакций на способы правильной жизни (блок 7). Итак, модель в схематичной форме выражает способ соединения семиотического, информационного и синергетического подходов, что и стало нашей программой междисциплинарных исследований динамики социокультурных систем. Но здесь следует разъяснить один ключевой момент. Устанавливать на основе модели корреспонденцию инвариантной последовательности стадий с семиотическими формами имеет смысл только при условии событийной инновации (блок 1), сравнимой с на-

³⁴ Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.

чалом самобытной эпохи культуры. Выше уже были отмечены критерии для выделения события такой размерности – оно должно быть случайным, и должно вызвать изменение направления и темпа дальнейшего развития.

В-четвертых, в модели на основании установленной корреляции между свойствами информации и их проявлениями на конкретных стадиях информационного процесса удалось представить структуру социокультурных функций³⁵. Траектории воздействия этих функций в графике модели (рис. 2.3) выражены пунктирными линиями, а направление воздействия – стрелками, обращенными к «человеку как получателю информации» (блок 7). Название функций – нормативная, вербальная, прогностическая и компенсаторная, критическая, адаптивная – вписаны в те блоки модели, которые «несут» ответственность за возникновение этих функций. Такое распределение функций позволяет с помощью модели проводить диагностику социокультурных трансформаций. Опять же для пояснения данного потенциала модели приведем пример. Для демонстрации возможностей модели начнем изложение примера не с блока 1, а с блока 4.

Появление «эстетики без искусства» стало выражением «переворота в символизме», вызванного вторжением феномена Hi-Tech в социокультурную действительность. Иллюстрацией этого явления служат две выставки. В стиле science-art и в духе анатомического театра на выставке «Bodies The Exhibition» в США были представлены экспонаты, сконструированные из тел умерших людей. Специальная обработка позволила в духе анатомического театра воспроизвести, например, «Мыслителя» или «Дискобола», и зритель мог видеть все подробности положения скелета, мышц и органов человека, застывшего в позах, цитирующих знаменитые творения Родена и Мирона. Нам трудно найти аналог данной выставки в истории культуры. Вполне возможно, что это сделать невозможно, поскольку для реализации оригинального замысла потребовались достижения новых технологий. В духе Hi-Hume (комплекс новых гуманитарных технологий, созданный для управления высокотехнологичным производством и продвижения продуктов Hi-Tech) была организована выставка «20 suits for Europe», которая состоялась в Бельгии, Венгрии и Испании. По за-

³⁵ Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005.

мыслу кураторов выставки 20 платьев, созданных ведущими дизайнерами модной одежды, символизируют 20 великих романов мировой литературы. Обе выставки выражают действие *критической функции* (блок 4), сигнализирующей о том состоянии современной культуры, в котором только эпатаж зрелищной формы преподнесения шедевров способно вызвать интерес. Частные примеры двух выставок соседствуют с общей трансформацией ведущих мировых музеев в некие центры, объединяющие «под одной крышей» музей с магазинами художественных товаров, кафе, концертными залами, интерактивными площадками для детей etc. Музей становится аттракцией, вовлекающей в игру с искусством, а создание пространства, вмещающее бесконечное разнообразие семиотических форм, становится условием для появления creative class³⁶. Кроме того, следствиями высоких технологий стали: ироничный стиль hi-tech, новые возможности в кинематографии и фотографии, а также всем доступная «эстетика повседневности». Итак, с одной стороны, демонстрация «бескожих» экспонатов и «литературных одежд» выражает востребованную временем модель повrow – унифицированного человека, возвышенного профана или продвинутого пользователя – модель, указывающая выражение *адаптивной функции* (блок 5) в реальности времени Hi-Tech. С другой стороны, принципиальное усложнение семиотического пространства, что, кстати, свидетельствует о взлете культуры, формирует модель человека, соответствующего критериям creative class, создающего мир Hi-Tech. Эта модель является еще одним проявлением *адаптивной функции* (блок 5). Но создание операторов социального действия – символов, новых стилей, технологий жизни etc. – является результатом кодирования новой структурности (блок 4), во всей четкости предьявляющей человеку сценарии жизни и дающие прогноз возможной самореализации себя, что вызывает действие *прогностической функции* (блок 3). Сценарии соответствуют иерархическим уровням генерируемой структурности. Можно сказать, что пути жизни человека проходят по «этажам» социума, и настройка «социального лифта» между «этажами», которым подчинено образование в качестве социального института, диагностирует истинные идеологические цели переустройства. Так пресловутый компетентностный подход настроен на требования рынка труда, а демократизация образова-

³⁶ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007. 421 с.

ния с унифицирующими стандартами и диверсификацией целей настроена на возвышение и облагораживание профана, для чего и нужно его развлекающее вовлечение в поле культуры. Атрибуты Hi-Tech – глобальное коммуникационное пространство, виртуализирующее все сферы бизнеса и повседневности, принципиально новые производства и профессии – обеспечили беспрецедентный темп обновления социальных сценариев и всеобщую устремленность в будущее. В этом «обществе мечты» исчезает «ощущение края» и формируется убеждение, что «всё возможно стоит только захотеть». В принципе, это актуализирует биоэтику в качестве «защитного пояса» перед безоглядным конструированием человеком своей телесности и психики в угоду избираемым сценариям жизни. «Защитный пояс» традиции и обычая выражает результат *компенсаторной функции* (блок 6) как действия, смягчающего темп инноваций и создающего виртуальные пути возврата назад. В модели отражено место (блок 2), на котором происходит расхождение *компенсаторной* и *прогностической функций*. Здесь происходит *вербализация* того культурного кода, который фиксирует новая нормативность Hi-Tech: «быть продвинутым» и «устремленным в будущее». В подобном лексиконе, состоящем из слогонов, выражен культурный код эпохи Hi-Tech. Сам же код стал результатом социальных технологий (Hi-Hume), входящих в «группу поддержки» Hi-Tech и «штампующий» современный лексикон.

В принципе, в модели (рис. 2.2 и 2.3) все функции имеют могут иметь двоякое направление: «к человеку» и «от человека», то есть – к блоку 7 и от него. Рассмотренные функции (по направлению «к человеку») составляют спектр ориентаций социальных и гуманитарных подходов, акцентирующих предметные области исследований. Это составляет методологический потенциал модели для проведения междисциплинарных исследований, что в некоторой степени демонстрирует пример с функциями Hi-Tech, представляющий «сборку» результатов, достигнутых в далеких друг от друга науках о человеке и обществе. Проведение такой методологической «сборки» раскрывает генезис в современной действительности парадокса профана, с которого мы начали данную главу.

Стрелки, направленные на семиотические формы культуры «от человека», указывают основные ориентации восприятия, что позволяет осуществлять антропологическую «сборку» фрагмен-

тов социокультурной действительности. Такой способ «сборки» выявит генезис другого парадокса – парадокса неопределенности прошлого. Тезаурус человека может не дать «услышать» *вербализацию* идеалов повсеместных инноваций и не дать понять новую *нормативность* коллективной мечты, а предлагаемые новой *прогностикой* сценарии жизни и способы *адаптации* к насаждаемой структурности жизни могут исключить человека из сообщества, разделяющего такую мечту. В графике моделей (рис. 2.2 и 2.3) отмечен путь компенсации для тех, кто не принимает диктат властной символики намеченного будущего. Это путь к жизни в стабильном прошлом. Существование же во времени настоящем, перенесенное в пространство памяти, начинает творить прошлое как миф. Таким образом, как в «саду расходящихся тропок»³⁷ в действительности начинают одномоментное существование различные времена. Путешествие по траекториям, которые «разрешены» в модели однонаправленными стрелками между блоками и двунаправленным пунктиром функциональных связей, устанавливает единственный «запрет» на прямой «переход» от блока 6 к блоку 2 – от ненаследственной памяти к культурному коду. Мифы прошлого и настоящего дают утешительные иллюзии, но не оставляют надежд на обретение рациональных способов действия в трансформируемой реальности. Этот «сбой» в наследовании опыта прошлого в префигуративном состоянии современной культуры диагностирует биоэтика, поскольку ею актуализирован путь возврата к расхождению беспрецедентных возможностей Hi-Tech и отсутствию адекватных этических императивов.

Сделаем промежуточные выводы. Приведенные примеры свидетельствуют, что скорость разворачивания процесса «переход» в значительной степени уступает темпу совершения событий. Кроме того, в контексте наших рассуждений важным становится понимание конкретного наполнения той формы культуры, которая формируется под действием когнитивной и критической функции. Эта форма одновременно играет две роли: оператора информационной динамики социокультурных систем и символа, фиксирующего структурность этих систем. Иными словами, на определенном этапе (блок 4, рис. 2.2 и 2.3) информационного процесса, выступающего механизмом самоорганизации социокультурных систем, формируется символ как оператор действий, вби-

³⁷ Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок // Проза разных лет. М., 1989. С. 86–93.

рающий в себя результаты предшествующих этапов нелинейной динамики. А это в свою очередь служит основанием для предположения о том, что перевороты в символизме (или событие-в-реальности) должны совершаться именно на этом этапе.

Есть и еще один вывод. Этап процесса генерации информации запускает работу «устройства» культуры, результатом которого становится действие нормативной, «штампующей» и прогностической функций. Эти функции воздействуют на человека, живущего в пространстве, образуемом данным «устройством». Пути воздействия есть траектории, по которым в повседневность человеческого существования возвращаются идеи, воплощаясь в определенных формах культурной действительности. Эти траектории представлены на рис. 2.2 и 2.3. Человек находится в плену идеологий, языка и социальной структурности – этих форм виртуального пространства культуры. Одновременно с этим жизнь человека происходит в сформированных границах (блок 2) действительности (блок 3). В постепенности диахронии формы культуры образуются и под действием тех целей, которые были обнаружены на основе модели процессов генерации (рис. 2.1) и выражены в табл. 2.1. Итак, интеллектуальное пространство и идеология создаются при следовании асимптотическим целям генерации нового порядка; коммуникативная структура и социальная структурность формируются как результат преследования прогностических целей создания нового порядка; культурные границы и коды культуры вырабатываются в конъюнктурности прагматических целей обретения устойчивости и упорядоченности, для обретения которых необходимо преодолеть хаотическое состояние.

Итак, в создании оператора (блок 4) происходит «сборка» результатов процессов, происходящих на предшествующих этапах информационного процесса (блоки 1-3, рис 2.2 и 2.3). Эта «сборка» вызывает самоорганизацию системы в том, и только в том случае, когда в полной мере реализуется прагматический компонент исходной идеи, то есть реализуется та информация, которая на начальном этапе выбиралась под действием асимптотической цели (табл. 2.1). А это значит, что создание оператора соответствует событию, происходящему на этапе динамики системы, обозначенному на рис. 2.1 областью B_2 . Эта область является аттрактором для системы, находящейся в B_1 .

Таким образом, для создания эффективного оператора – в нашем случае эффективного способа управления – необходимо совершить «переворот в символизме» который станет аттрактором. Это есть место приложения управленческих решений, что может составить технику аттрактивного менеджмента при условии выяснения, чем именно представлены фазовые переходы в том пространстве, которое представляет собой действительность социокультурной системы.

§ 2.3. Модель процессов трансляции информации

Создание способа перехода от сложившейся действительности к желаемой реальности требует совершения события-в-реальности. В этом событии происходит такая «сборка» всех компонент кода действительности, что вызывает «переворот в символизме». Поэтому в центр нашего исследовательского интереса (и данного раздела) попадают трансляции компонент кода. На основе модели (рис. 2.2 и 2.3) ясно, что эти трансляции принадлежат блоку 3, связывающему этапы создания кода (блок 2) и создания оператора (блок 4). Благодаря этой же модели становится ясно и то, что коммуникативное пространство есть результат процессов трансляции информации, а структура коммуникативного пространства создается иерархией каналов трансляции: прагматического, синтаксического и семантического. Нами разработана модель этапа трансляции информации³⁸. Начало этого этапа представлено этапом кодирования, соответствующего блоку 2, а завершение трансляции происходит при создании оператора, что соответствует блоку 4 на рис. 2.2. Поэтому в иллюстративном выражении этой модели на рис. 2.4 начальный блок имеет номер 2, а последний – 4. В модели представлена совокупность тех процессов, которые составляют этап трансляции информации в социокультурных системах. Иными словами, это процессы, раскрывающие содержание блока 3 на рис. 2.2. На этом основании каждый из процессов нижним индексом нумерован цифрой 3. Принадлежность процесса к диахроническому режиму выражена римскими цифрами (I, II, III), а к синхроническому режиму арабскими цифрами (1, 2, 3).

³⁸ Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001; Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М.: Научный мир, 2005. С. 215–223.

Итак, в каждом канале трансляции есть два режима – диахронический и синхронический. В диахронии кодированная информация (результат процесса *блока 2*) передается в память (блок₃ I), затем хранится в памяти (блок₃ II), после чего в результате избирательной рецепции из памяти (блок₃ III) может стать основанием для создания оператора (*блоку 4*). То есть в диахронической трансляции существует некоторая остановка во времени передачи информации, в период которой информация хранится, а в результате этого хранения претерпевает определенные изменения в силу действия такого свойства информации, как брэнность³⁹. Это свойство возникает из-за трансформации материального носителя информации. В синхронии кодированная информация (результат процесса *блока 2*) передается непосредственно адресату (блок₃ 1), затем адресатом декодируется (блок₃ 2), после чего становится источником избирательной рецепции (блок₃ 3), результата которой может быть воплощен в операторе.

Работу синхронических трансляций можно понять благодаря концепции семиозиса Ч. Пирса и обобщению коммуникативных моделей на основе структуры стадий информационного процесса. Выше мы уже упоминали, что модели коммуникации «стартуют» с того, что в этих моделях понимается как источник, в качестве которого выступают и устройство кодирования, и событие, и «пропагандист». Для примера того, чем наполняются стадии синхронии, обратимся к базовым моделям коммуникации. Результаты этого сопоставления представлены в табл. 2.4⁴⁰. В данном случае в нашу задачу не входит устанавливать корреспонденции всех имеющихся моделей и выделенных стадий синхронической трансляции. Но, полагаем, что содержания табл. 2.4 достаточно для подтверждения обоснованности трактовки процессов коммуникации в качестве частных случаев информационного процесса на этапе трансляции. Итак, коммуникативные модели «укладываются» в модель синхронической трансляции. Этот вывод позволяет прийти к более значимому результату. А именно к пониманию того, что выделенные Ч.С. Пирсом девять классов знаков являются результатами девяти процессов (по три процесса в изоморфной структуре трех каналов трансляции), составля-

³⁹ Корогодина В.И. Информация и феномен жизни. Пушино, 1991.

⁴⁰ Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В. Структура коммуникативного пространства культуры // Системные исследования культуры. 2008. СПб., 2009. С. 306–327.

ющих трансляцию информации в синхроническом режиме (рис. 2.4)⁴¹. А это значит, что появляется способ диагностики коммуникативных действий по признаку образования определенной формы знака. Явная синхрония процессов, происходящих в Интернет-пространстве, актуализирует обращение к концепции Ч.С. Пирса.

Есть еще одно обстоятельство. Для совершения «переворота в символизме», по убеждению А.Н. Уайтхеда, необходима когерентность в «переносе символического воздействия», а в качестве компонент этого «переноса» выделялись следующие «тройки»: «поверья, эмоции, обычаи»; «идеи, образы, эмоции»; «эмоции, намерения и вера»; «практический интеллект, теоретическое желание проникнуть в первичный факт и иронические критические порывы»⁴². Заметим, что, во-первых, есть явная аналогия между результатами работы семантического, синтаксического, прагматического каналов и указанными А.Н. Уайтхедом «тройками». Во-вторых, есть явная аналогия между «переносом символического воздействия» и процессом трансляции информации. В-третьих, А.Н. Уайтхедом отмечается явная возможность приходиться в когерентное состояние всем составляющим этого «переноса».

Следовательно, возможно выполнение важного условия для совершения события – условия когерентности поведения структурных элементов системы. Напомним, еще о двух обязательных условиях: случайности и преодолении хаотического состояния. Первое из них, в случае совершения «переворота в символизме», связано с появлением семантического решения достижения асимптотической цели (как это было установлено при обсуждении условия наступления B_2 на рис. 2.1). Проще говоря, либо должна появиться новая идея, либо будет дана эффективная интерпретация действительности, которая станет основой для «переворота в символизме». То и другое всегда происходит случайно. Второе условие – наличие хаоса в действительности – обосновано во многих работах, результаты которых обобщены В.В. Мироновым⁴³. В этом

⁴¹ Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2006. № 11.

⁴² Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999.

⁴³ Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.

Таблица 2.2

Сопоставление этапов синхронической трансляции информации и элементов коммуникативных моделей

Автор модели	СТАДИИ СИНХРОНИЧЕСКОЙ ТРАНСЛЯЦИИ				
	Процесс кодирования информации Блок 2 на рис. 2.4	Процесс передачи информации Блок 3 1 на рис.2.4	Процесс декодирования информации Блок 3 2 на рис. 2.4	Процесс рецепции информации Блок 3 3 на рис. 2.4	Процесс построения оператора как способа совершения целенаправленных действий Блок 4 на рис. 2.4
Шеннон – Уивер	То, что кодирует или модулирует информацию	Передаваемая информация (не связана с понятием смысла) и то, по чему закодированная информация или сигнал передается к пункту приема	То, что «переводит» полученное сообщение	То, что искажает сообщение	Устройство подобное передатчику (<i>Destination место назначения</i>)
Котлер	Сторона, посылающая обращение другой стороне. Процесс представления мысли в символической форме	Набор символов, передаваемых отправителем, и способы передачи от отправителя к получателю	Процесс, в ходе которого получатель придает значение символам, переданным отправителем	Набор откликов получателя, возникших в результате контакта с обращением. Искажение исходного сообщения в результате незапланированных вмешательств среды	Часть ответной реакции, которую получатель доводит до сведения отправителя
Лассуэлл	Тот, кто контролирует коммуникативный процесс (<i>Коммуникатор, communicator</i>)	Содержимое передаваемого. То, что «переносит» сообщение		Зрители и читатели	То, что участники коммуникации хотят достичь в итоге коммуникации
Гербнер	Человек или механизм, который «восприняли событие» и сформировал утверждение о нем для передачи другому участнику коммуникации	(1) Активно интерпретированное «воспринимаемое событие» – E' (2) SE	Сочетание сигнала и значения «воспринятого события» – SE	(2) То, что использует M для передачи SE и то, что он может контролировать	(1) Человек или механизм, которые интерпретируют событие (M)

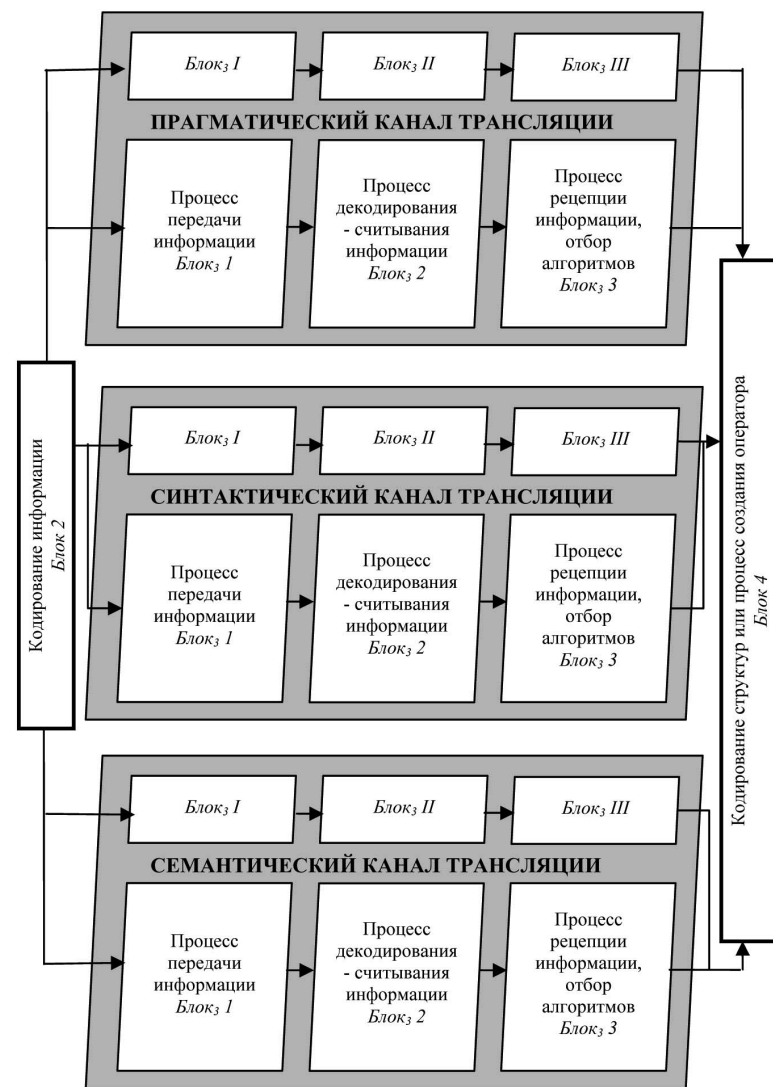

Рис. 2.4. Модель процессов трансляции информации

же обобщении содержится множество указаний на семиотический характер хаоса современной культуры.

Итак, обнаружены все составляющие необходимые для совершения события на границе коммуникативного пространства, на границе действительности и реальности, то есть там, где происходит построение оператора новой реальности. Само это построение становится возможным после совершения события-в-реальности. Вместе с тем событие-в-реальности или «переворот в символизме», как нами обосновывалось в ходе представленных рассуждений, есть некоторая структура-аттрактор. Иными словами, опять требуется ответ на вопрос: в чем будут выражаться фазовые переходы в коммуникативном пространстве?

Полагаем допустимость следующего ответа. Коммуникативное пространство есть пространство семиотических состояний, выражаемых в образовании форм знаков. А поскольку эти формы знаков возникают при синхронии, то критерий их возникновения должен быть связан с реальным временем, а существование форм знаков связано с переменной по времени, как было установлено на представленных моделях.

Таким образом, коммуникативное пространство есть пространство состояний форм знаков, что по-новому актуализирует обращение к семиотике, созданной школой Ч. Пирса. Именно в пространстве, понимаемом в качестве фазового состояния знака, потенциально возможно нахождение способов управления будущим состоянием, путь к которому пролегает через коммуникативную действительность. Это открывает потенциальную возможность конструирования реальности. Однако сама эта идея конструирования, подобно бумерангу, возвращается. Траектории возвращения обнаруживают нормативные, вербальные и прогностические воздействия меняющейся действительности. На этом аналогия с бумерангом заканчивается, поскольку, в отличие от оружия австралийских аборигенов, бумеранг конструирования возвращается в измененном виде – в иной знаковой форме, неся в себе иные интерпретанты, приобретенные в полете над семиотическим пространством.

Резюме

Первое. Философия процесса А.Н. Уайтхеда, представившего два вида процессов: телеологический процесс «сращение» и детерминистический процесс «переход». Причем в результате «сращения» происходит *актуальное событие* (или *действительное происшествие*), которое детерминирует разворачивание процесса (*переход*) к следующему *сращению*.

С этими положениями связано и разграничение бытия, действительности и реальности: бытие есть потенциальность, есть все, что может быть; действительность есть то, что осуществилось, есть область «действительных происшествий»; реальность – это вариант воспринимаемой действительности.

Итак, все множество потенциальностей, которое есть бытие, способно спонтанно реализовывать один из вариантов своих возможностей, что тождественно «скачку из потенциальности в актуальность» или событию. Событие становится результатом «сращения», в котором «универсум вещей приобретает индивидуальное единство в результате подчинения “многих” из них конституированию “одной” новой вещи»⁴⁴.

Второе. Метафизическую чистоту философия А.Н. Уайтхеда утратила после того, как И.Р. Пригожин воплотил ее в свою исследовательскую программу, на основе которой был получен ряд результатов, изменивших научную парадигму. В частности, были сформулированы условия совершения событий.

Третье. Синергетическая парадигма эксплицировала определение информации, данное Г. Кастлером: *информация есть случайный запоминаемый выбор варианта из многих возможных и равноправных*. Это определение Д.С. Чернавский распространяет на весь феномен информации и на основании этого же определения устанавливает связь между синергетикой и теорией информации. Отметим, что это определение раскрывает генерацию информации, которую не имела средств раскрыть кибернетика. Считаем необходимым подчеркнуть соответствие процесса генерации информации тому, что А.Н. Уайтхедом понималось под телеологическим процессом. В конкретно-научных обоснованиях Д.С. Чернавского указанное определение Г. Кастлера раскрыто как механизм эволюции ценности информации, при которой происходит

⁴⁴ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 298.

смена конструктивных целей конкурирующих информаций-вариантов в последовательности: конъюнктурные, прогностические, асимптотические.

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующий вывод: информация есть процесс, начинающийся при выходе из хаоса и актуализирующий свойство информации «фиксируемость». Это свойство выделено В.И. Корогодиным в качестве одного из ключевых свойств информации, в составе свойств информации, которые им впервые были сформулированы и обоснованы.

Четвертое. Фиксация информации, по крайней мере в социокультурных системах, выражается в форме знаков. Более того, передача информации может быть осуществлена только в кодированном виде. Следовательно, между генерацией информации и передачей информации должно происходить кодирование информации. В широком смысле кодирование есть процесс такой подготовки сигнала/сообщения, которая соответствует формату канала трансляции для дальнейшей передачи. Отметим, что указание на «канал трансляции» и его «формат» интерпретируется нами в качестве оснований для привлечения арсенала семиотики для понимания механизмов процесса кодирования. В концепции семиозиса, созданной школой Ч. Пирса, обосновано существование трех каналов трансляции, обусловленных существованием знака в трихотомии форм прагматики, синтактики и семантики. Обращение к концепции семиозиса позволило нам констатировать фиксацию варианта выхода из хаоса (результат процесса генерации информации) в форме кода (результат процесса кодирования), то есть события, вызывающего усложнение структурной организации системы, поскольку именно это событие вызывает возникновение «точек роста» трех каналов трансляции. Эти «точки роста» подобны зародышам новой фазы при фазовых переходах первого рода. Иными словами, в результате кодирования информации происходит фазовый переход и расщепляются траектории (семиотические) движения системы. В синергетике этот эффект обозначается как бифуркация, как самопроизвольное повышение порядка системы. Следовательно, создание кода (результат кодирования информации) есть событие становления новой действительности. Это событие необратимо отделяет бытие от действительности в том понимании этих категорий, которое дано А.Н. Уайтхедом. Это событие, возникающее на данном этапе нелинейной динамики, названо нами «событие-в-действительности».

Пятое. Установленная нами связующая роль теории информации между синергетикой и семиотикой позволила дать ответ на вопрос: состоянием чего в конкретности является фазовое пространство социокультурных систем? Без ответа на этот вопрос все разговоры о странных аттракторах в качестве объективных целей сложной системы, о бифуркациях и о самоорганизации применительно к динамике социокультурных систем *бессмысленны*. Мы утверждаем, что только при процессуальной трактовке информации открывается методологическая возможность для обнаружения вариантов ответа на сформулированный вопрос. Вариантом ответа будет следующее. Фазовое пространство *действительности* социокультурных систем представляют состояния форм знака, становящиеся при трансляции информации в трихотомии каналов и при переходах от возможности их образования (первичность) к их существованию (вторичность) и к окончательности закона (третичность). Каждое из состояний формы знака есть результат конкретной стадии процесса трансляции информации. Именно в этом состоит смысл утверждения, что информационные процессы есть механизмы самоорганизации сложных открытых систем.

Шестое. За процессом генерации информации, процессами ее кодирования и трансляции следует процесс построения оператора (способа, средства или технологии) для совершения целенаправленных действий. На этом этапе в полной мере проявляется второе ключевое свойство информации – «действенность». Иными словами, созданная, закодированная и переданная информация на этом этапе становится способом действий. Результатом данного этапа может стать (а может и не стать) способ, который определит новый порядок системы. Созданию этого способа соответствует то, что А. Н. Уайтхедом было квалифицировано в качестве «переворота в символизме». Слово «переворот» (в оригинальном тексте – «revolution») было прочитано нами как ясное указание на *событие*. Это событие связано с созданием нового символа в качестве средства управления социумом, а его новизна обеспечивается семантической компонентой. Следовательно, возникающий символизм, как оператор социального действия, и понятый в качестве события должен стать средством разрешения хаотического состояния. Трактовка содержания предшествующего этапа дает основание для утверждения семиотической природы хаоса, испытываемого в действительности социокультурных систем. А эта действительность образовывала

трансляцию информации, в процессах которой одновременно создавалась структурность коммуникаций и трансформация состояний знака. Коммуникативная действительность, конституированная современными средствами связи, получает характеристики, позволяющие диагностировать семиотический хаос при явном дефиците семантической компоненты. В связи с этим есть все основания высказать следующее предположение. «Переворот в символизме» есть событие, возникающее при преодолении хаоса интерпретант, который может возникать в коммуникативной действительности, и актуализирующее финальную интерпретанту, производимую творческим (или правящим) меньшинством. А поскольку интерпретанта в широком смысле – это вариант воспринимаемой действительности, то сам «переворот в символизме» есть событие возникновения новой реальности. Событие, сводящееся к построению оператора социокультурных систем, названо нами «событие-в-реальности».

Таким образом, процессы, исследуемые в теориях коммуникаций, есть процессы трансляции информации. Этот ракурс дает основания для междисциплинарного синтеза теории информации, теории коммуникаций и семиотики. Находясь в этой исследовательской позиции, становится возможным установить границы коммуникативного пространства, зафиксированные, с одной стороны, событием-в-действительности (результат процесса кодирования), а с другой – событием-в-реальности (результат построения оператора). Установленные границы позволяют содержательно определить собственно коммуникативное пространство как фазовое пространство форм знака, а, следовательно, определить и способы управления им. В первом приближении этих способов три. Самым эффективным мы считаем управлением событием-в-реальности, поскольку это дает возможность управлять будущим, а основанием для возможности управления будущими состояниями системы дают представления о странных аттракторах как притягивающем хаосе в фазовом пространстве возможных состояний системы. Вместе с тем существует возможность управлять событиями-в-действительности, что тождественно управлению прошлым. В этом заключается практика технологий манипуляции. Остается простор для реализации технологий коммуникативного менеджмента, то есть для управления настоящим. Это наиболее хлопотный способ управления, поскольку здесь возникает необходимость в мониторинге измерений параметров по-

рядка коммуникативных систем. В качестве критерия самоорганизации, как было нами установлено⁴⁵, выступает скорость (темпы) образования формы знака в когерентном действии каналов при необратимой трансляции информации. Это резко снижает возможности оперативного управления коммуникативными процессами в режиме синхронии. Однако они (возможности оперативного управления) остаются эффективными в режиме диахронии, хотя актуальность управления диахроническими процессами вытесняется экспансией синхронии.

Выводы

1. На основе философии процесса А. Н. Уайтхеда и теории самоорганизации диссипативных систем И. Р. Пригожина создан информационно-синергетический подход, суть которого сводится к двум положениям: информация есть необратимый во времени и многостадийный процесс; генерация информации есть событие преодоления хаоса; информационные процессы есть механизмы самоорганизации. В рамках данного подхода созданы модели информационных процессов (рис. 2.1–2.4).

2. Созданные модели позволяют трактовать процессы коммуникации как частные случаи информационных процессов, что стало основанием для определения границ коммуникативного пространства.

3. На основе данного подхода в качестве цели информационных процессов выступают «странные аттракторы» (притягивающий хаос в интерпретации И. Р. Пригожина) и структуры-аттракторы (в интерпретации С.П. Курдюмова). Данные цели-аттракторы существуют в фазовом пространстве. Это стало основанием для выдвижения гипотезы о том, что в социокультурных системах в качестве такого пространства выступает пространство форм знака, что в свою очередь актуализирует концепцию семиозиса Ч. Пирса для исследования современной коммуникативной ситуации. Таким образом, получена возможность установить связь между синергетикой и семиотикой.

4. На основе идеи об информации-процессе, реализованной в методологии моделирования социокультурных систем, получена возможность установить связь между синергетикой и семиотикой.

⁴⁵ Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В. Понятие «коммуникативное пространство» и возможность управления целями // Труды Института теории образования. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. С. 101–107.

5. Разграничение бытия, действительности и реальности, проведенное А. Н. Уайтхедом, и синергетические представления о конструктивной роли хаотических состояний позволили ввести понятия «события-в-действительности» и «события-в-реальности». Первое из них связано с формированием кода, а второе – с созданием информационного оператора, т. е. с созданием способа совершения целенаправленных действий.

6. Выявленная корреспонденция между этапами коммуникативных процессов, стадий информационного процесса и фаз семиотической динамики дает основание для трактовки создания оператора коммуникаций в качестве события-в-реальности. Таким образом, управление коммуникативными процессами связано с формой проникновения результатов семантических трансляций, обеспечивающих совершение события-в-реальности или «переворотов в символизме». Событие-в-реальности формируется под воздействием критической и когнитивной функций, что актуализирует механизмы семантических трансляций. Это в свою очередь позволяет трактовать событие-в-реальности как создание финальной интерпретанты, преодолевающее хаос интерпретант

7. В исследовании феномена конструирования социальных реальностей выявлены траектории движения идеи желаемого будущего, запускаемой в коммуникативное пространство. В качестве этих траекторий выступают направления воздействий изменяемого мира на человека, а именно: нормативные, вербальные и прогностические функции.

8. Установленные механизмы трансляций знака и выявленные точки роста коммуникативного пространства (событие-в-действительности и событие-в-реальности) открывают возможности для проведения измерений в исследованиях коммуникативных процессов.

9. Под измерением коммуникативных процессов понимается выявление регистрируемого параметра формирования знака, а сам этот параметр является параметром порядка самоорганизации коммуникативной системы. Это позволяет трактовать коммуникативное пространство как фазовое пространство форм знака, а темп образования формы знака в когерентном действии каналов при необратимой трансляции информации понимать в качестве параметра порядка коммуникативной системы.

ГЛАВА 3

ЭФФЕКТ «ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ» И ПАРАДОКС ПАМЯТИ

В современной нам действительности наука и социальные технологии заменили мудрость и традиции. Общество, основанное на знании и преуспевающее в его создании, сделало действительностью конструирование человека человеком. Осуществление этих гордых устремлений напоминает проект Вавилонской башни. За ее строительство люди были наказаны многоязычием и разобщенностью. К сегодняшнему времени срок наказания истек, поскольку люди обрели единое пространство общения – Интернет, объединяющий способ понимания – науку, общий способ действий – технологию и сплачивающее всех ощущение мечты. Это нарастающее однообразие, которое по нынешнему замыслу становится еще и планируемым местом обитания человека, является самой значительной угрозой для устойчивости и жизнеспособности всех культур. Пока нам остается только разнообразие памяти о пережитом в прошлом. Пока еще остается... Но увлеченность этим строительством свидетельствует о конечности срока действия, которой обладают память, идеи и уроки прошлого.

Ускользящий от внимания исследователей современных социальных технологий эффект «Вавилонской башни» взаимосвязан с парадоксом памяти – в обществе, предопределившем свое будущее, неопределенным становится прошлое, а коллективная мечта сопутствует коллективной амнезии. Спонтанность, вариативность и нарастающий темп жизни – приметы современности – не спасают от участи человека, принадлежащего «башне». Об этом глубоко и тонко было сказано Х.-Л. Борхесом¹. Настоячивое предложение образа будущего всегда становилось распространенной манипуля-

¹ Борхес Х.-Л. Лотерея в Вавилоне // Проза разных лет. М., 1989. С. 72–76.

ции жизненными устремлениями людей, но дело в том, что условием манипуляции целями становится манипуляция памятью. Отмеченный эффект и парадокс не являются очевидными, но диагностируются при помощи обобщенной модели информационного процесса.

§ 3.1. Феномен Ni-Nume и обобщенная модель информационного процесса

Модели призваны давать такой срез действительности и реальности, который обнажает или их структуру, или механизмы их функционирования. Для решения разных исследовательских задач были разработаны модели, обсужденные нами в предыдущей главе. На их основе были исследованы механизмы высоких технологий (Ni-Tech) и технологии управления ими (Ni-Nume)². Однако воздействие Ni-Tech и Ni-Nume на социокультурную реальность, существо вызываемых ими социокультурных трансформаций и семиотических эффектов раскрывает другая модель. Для краткости прибегнем к метафоре. Образно суть высоких технологий можно выразить так: вся мощь достижений фундаментальных наук концентрируется для прицельного выстрела одним снарядом-технологией, но при соприкосновении с запланированной целью снаряд разрывается на множество частей-снарядов, летящих уже по собственным траекториям к новым целям, что в результате коренным образом и необратимо изменяет весь социокультурный ландшафт. Приведенная артиллерийская метафора позволяет если не понять, то почувствовать силу воздействия на повседневность человека феномена самоорганизующихся технологий – феномена, получившего название Ni-Tech. Навигатором в измененном социокультурном ландшафте служит Ni-Nume. Данный навигатор подобен компасу Капитана Воробья – он указывает на те цели, достижения которых желает тот, кто держит этот волшебный прибор в руках. Волшебство есть. Его суть в том, что Ni-Nume содержит действительный арсенал средств для достижения *любых* целей.

В этом же разделе мы представим обобщенную модель информационного процесса, которая раскрывает семиотические механизмы воздействий Ni-Tech и Ni-Nume, вызывающих глубокие социокультурные трансформации. Она же проясняет то, что иног-

да называют потоками информации. Начнем издалека, а именно с взаимосвязи потока и образуемого им ландшафта, для чего обратимся к сравнению с взаимодействиями русловых процессов любой реки и формируемого этой рекой ландшафта.

Из общих соображений и повседневного опыта ясно, что картина истока реки (будь это высокогорный ледник или родник на равнине), картина ее среднего течения или картина воздействий реки на формирование окружающего ландшафта будут различными. Ясно и то, что механизм генезиса реки, механизм ее русловых процессов и механизм формирования ландшафта взаимосвязаны. Но чтобы понять формирование ландшафта, вызываемого рекой, надо прежде узнать ее специфичные механизмы, которые, в свою очередь, находятся в зависимости от того, каким образом берет свое начало река. И если исток зависит от конкретного ландшафта (горы, равнина, другая река), определяющего условия устремления воды³, то, *став рекой*, этот поток сам уже будет формировать *другой* конкретный ландшафт. Выяснение механизмов формирования этого *другого* ландшафта начинается с того, что будет теми условиями, которые названы «*став рекой*». В контексте исследований потока социокультурной действительности (или, прибегнем к такой метафоре, как река жизни) необходимо понять, что является «пограничным столбом» между информационными процессами сращения и перехода.

На рис. 3.1. представлен «скелет» обобщенной модели информационного процесса, а наполняет «жизнью» схематизм модели то обстоятельство, что каждой стадии процесса соответствует собственное свойство информации. Это соответствие обеспечено механизмами, происходящими на каждой стадии. Корреспонденция стадий и свойств дана в табл. 3.1.

Сначала мы дадим необходимые пояснения к этой модели (к рис. 3.1 и табл. 3.1), а затем проиллюстрируем ее действие на примере известного мифа, трансформируемого в семиотических трансляциях.

Во-первых, эта модель раскрывает кооперативные эффекты, достигаемые коллективными усилиями, для понимания которых приходится абстрагироваться от действий единичного. Это мо-

² Жукова Е.А. Ni-Tech: феномен, функции, формы. Томск, 2007.

³ Здесь проявляется простейший вид телеологического процесса – телеоматический.

Таблица 3.1

Сопоставление стадий информационного процесса (ИП) и функций элементарных процессов со свойствами информации и результатами, получаемыми на каждой стадии ИП

Стадия ИП и его механизм	Функция стадии ИП	Свойства информации	Результат действия процесса
Блок 1: Генерация информации, выбор вариантов нового порядка системы	Нормативная	Семантика	Спектр вариантов преодоления сильной неустойчивости
Блок 2: Фиксирование информации, необратимый и неравновесный процесс отбора системой вариантов перехода в новое состояние		Фиксируемость	Избранный системой вариант преодоления сильной неустойчивости.
Блок 3: Кодирование информации, подготовка сигнала (сообщения) для передачи по каналу связи	«Вербальная»	Инвариантность, мультипликативность	Образование кода или выбор кода, детерминирующая направленность эволюции (и предопределяющего структуры-аттракторы).
Блок 4: Передача информации непосредственно для считывания/декодирования	Прогностическая	Транслируемость	Переданный сигнал (сообщение) в избранном способе синхронной передачи информации в избранных кодах
Блок 5: Процесс считывания/декодирования		Изменчивость	Темп трансляции, трансформация/ деформация сигнала (сообщение)
Блок 6: Перекодирование информации в соответствии с тезаурусом рецепторной системы, процесс рецепции (отбор алгоритмов) в реальном времени	Компенсаторная	Изменчивость, инвариантность, мультипликативность	Изменение степени упорядоченности рецептирующей системы.
Блок IV: Передача информации для длительного хранения, передача в «память»		Транслируемость вне связи с «семантикой»	Вторичные семиотические системы (и «побочные продукты»)
Блок V: Процесс хранения информации		Бренность	Память как вторичная семиотическая система
Блок VI: Процесс рецепции информации из памяти	Критическая, когнитивная	Изменчивость, инвариантность, мультипликативность	Спектр возможных алгоритмов (вариант понимания, оценка ситуации, диагноз).
Блок 7: Процесс реализации переданной информации в оператор для целенаправленных действий		Действенность, полипотентность, полезность	Оператор (способ, инструкция, программа), созданный по алгоритму, отвечающему «семантике» первоначального (блок 1) выбора.
Блок 8: Процесс редупликации информации	Адаптивная	Размножаемость	Воспроизводимый элемент системы и образец для подражания
Блок 9: Процесс целенаправленных действий и верификация работы оператора	«Асимптотическая»	Истинность	Выработка новой цели динамики системы, распознавание новых аттракций.

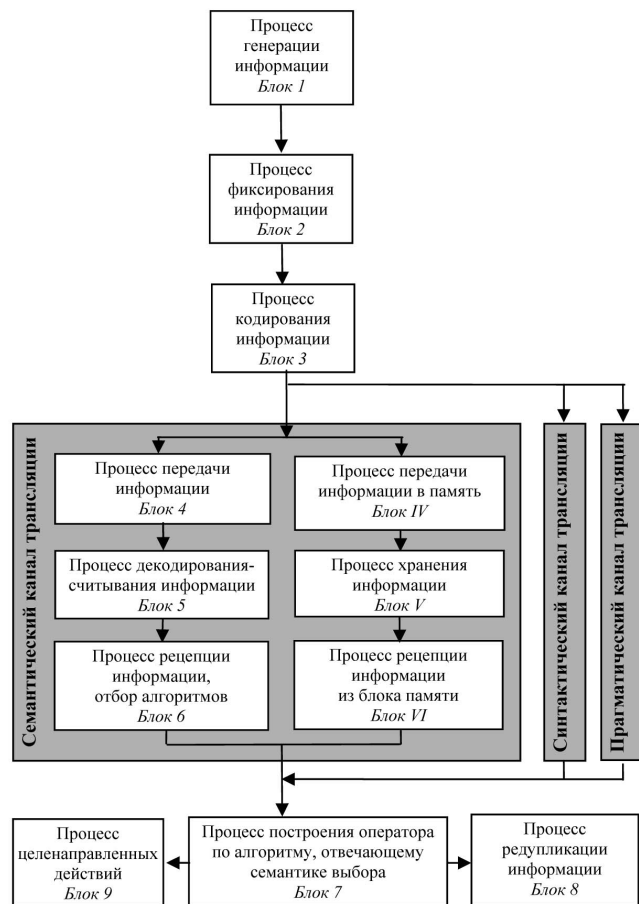

Рис. 3.1. Обобщенная модель информационного процесса

дель потока необратимых явлений, внешних по отношению к субъекту⁴.

В блоках 1 и 2 модели приведены процессы генерации и фиксации информации, которые отвечают определению Г. Кастлера. Мы уже говорили, что эти процессы принадлежат срращению в терминологии А.Н. Уайтхеда. Результат этих процессов – выбор определенного варианта устойчивой динамики системы (напри-

⁴ Заметим, что модель, встраивающая субъекта в структуру информационных процессов, была представлена на рис. 2.1 и 2.2 в § 2.1

мер ветви бифуркационной диаграммы на рис. 2.1) – обладает свойством «семантика»⁵. В дальнейшем развитии процесса «семантика» однозначно определит оператор (блок 7), для построения которого она будет использована. Отсюда следует предлагаемое правило применения информационного подхода – исследовать эффективность действия оператора в сопоставлении с «семантикой» первоначального выбора, выявляя соподчиненность выбранной цели системы и целей, на достижение которых направлен оператор. Эффективно действующий оператор в условиях одной системы (например социальный институт) способен при простом перенесении его в условия другой социокультурной действительности привести к краху систему-реципиента. Стадии информационного процесса представляют вариативную цепь событий. Семантический разрыв цепи опасен, поскольку результатами процессов, представленных в блоках 1 и 2, есть варианты новых порядков организации системы. Применительно к социокультурным системам в блоках 1 и 2 формируется та ипостась культуры, которую М.Ю. Лотман и Б.А. Успенский называли «устройством», вырабатывающим информацию. Иными словами, это стадии рождения нового порядка, а новый порядок будет «диктовать» и новые правила, по которым будет осуществляться сценарий дальнейшей динамики системы. Следовательно, результат, достигаемый на этих стадиях, вызывает действие *нормативной функции*. Переживаемое системой состояние сильной неустойчивости – хаос – дает системе неограниченную потенциальность будущего, а поскольку в состоянии сильной неустойчивости системе требуется («актуально») нахождение устойчивого состояния, то происходит «прыжок из потенциальности в актуальность» – бифуркация. Система сама выбирает траекторию «прыжка», выбирает случайно. Именно этому Г. Кастлер придавал значение информации как случайного и запомненного выбора. Именно этому мы придаем значение начальных стадий информационного процесса, а не всего феномена информации в целом. В обсуждаемой модели (рис. 3.1 и табл. 3.1) к действительности приводят процессы генерации и фиксации информации, а путь от действительности к реаль-

⁵ Это свойств информации, выделенное В.И. Корогодиным, является только синонимом термину семиотики и обозначает специфику информации, используемую для целенаправленного действия. При употреблении данного термина в этом содержательном наполнении мы будем брать его в кавычки.

ности «формирует» работа механизмов блоков 3–7. Заметим, что эта траектория пути вариативна, но направление пути детерминировано результатом, полученным на стадиях 1 и 2.

Блок 3 включает процессы, в которых зафиксированная информация облекается в коды (например в знаковые системы). У информации есть свойство инвариантности, означающее, что одна и та же информация может быть «записана» на любом языке, любым кодом, то есть системой знаков, наносимых любыми способами на любые «подложки». Отметим и роль свойства мультипликативности, благодаря которому возможно существование одной и той же информации на разных носителях. Эти два свойства играют ведущую роль для процесса кодирования – подготовки сообщения (сигнала) для передачи по каналу трансляции либо в синхронном режиме (этапы в нем пронумерованы арабскими цифрами), то есть непосредственно к объекту-реципиенту, либо в блок «памяти» для длительного хранения (этапы в этом случае пронумерованы римскими цифрами). Каналов связи, каналов трансляции может быть несколько, и «формат» каждого из них требует своего кода, что и становится возможным вследствие свойства инвариантности. На этапе кодирования информации идея нового порядка (или варианты достижения нового порядка) получают выражение в знаке, в языке. Значение результата, получаемого на данном этапе, характеризует выражение Ю.М. Лотмана, называвшего кодирование «штампующим устройством культуры». Для названия функции этого этапа (блок 3) нам не удалось подобрать дефиницию, адекватную для всех видов информации, но поскольку интерес был сосредоточен на социокультурных системах, то мы определили ее как *вербальную*. Именно временный характер названия – *вербальная функция* – отражен курсивом в табл. 3.1.

Блоки 4 и IV отвечают двум идентичным стадиями передачи сигналов (сообщений). Для процесса передачи важна характеристика количества информации, определяемой по формуле Шеннона, и свойство транслируемости – возможности информации быть переданной с одних носителей на другие. Причем процесс передачи слова «Информация» и слова, записанного наоборот, «яицаврофнИ» будет идентичен, поэтому нужно ясно понимать, что в механизмах этих стадий значение передаваемого безразлично. В силу свойства транслируемости любой сигнал и знак может

быть передан, но в разрыве с его содержанием. Информационному процессу позволяют остаться таковым, то есть механизмом самоорганизации, а не механизмом вечного беспорядка, последующие стадии.

Следующий этап информационного процесса выражен разными элементарными процессами в синхронической и диахронической трансляциях. При непосредственной передаче, то есть в синхронии, происходит процесс считывания и декодирования информации (блок 5). Примером этого может быть ситуация, описанная Л.Н. Толстым в романе «Анна Каренина». Влюбленные – Кити и Левин – пишут и тут же стирают мелом на бильярдном сукне только первые буквы слов, которые им необходимо сказать друг другу в комнате, полной гостей. Им обоим понятен этот код и происходит мгновенное объяснение чувств. (Этот же пример иллюстрирует проявления еще одного свойства информации – изменчивости, поскольку, если речь идет не о столь близких душах, как Кити и Левин, результат процесса декодирования не будет тождествен результатом кодирования.) Но можно изложить свои чувства и мысли в личном дневнике, который будет оберегаться от любопытства посторонних. Изложенные там впечатления сохранят переживания, к которым обратятся (или не обратятся) когда-нибудь потом. Иными словами, при передаче информации в диахроническом режиме необходима стадия хранения информации. Блок V – это блок памяти, соответствующий процессам хранения информации. Свойство брэнности информации, о котором мы упоминали выше, проявляется здесь в существенном изменении или потере информации. Реконструируя прошлое, мы в полной мере ощущаем последствия брэнности информации.

Блоки 6 и VI – это блоки рецепции информации из «памяти» и после перекодирования соответственно. Мы намеренно используем термин «рецепция», хотя, казалось бы, вместо него можно употребить термин «восприятие». Подобная замена исключила бы все явления трансляции информации в системах, где в роли «приемника» сигнала выступают небиологические элементы. Строго говоря, исключила бы возможность рассматривать роли телекоммуникационных средств и технологий в динамике современных социокультурных систем. Комментируемая модель – это прежде всего модель явления схожего с потоком, то есть явления, в котором на первый план выступают не траектории частиц потока, а весь фено-

мен в целом. Наглядным примером может быть дорожное движение. Мы прекрасно понимаем, что не автомобили, а их водители подчиняются сигналам светофора, но, чтобы понять механизм регулирования дорожного движения, мы будем следить за изменениями направления потока машин. На этих стадиях изменяется степень упорядоченности рецепторной системы, происходит необратимый и избирательный процесс. Здесь происходит отбор алгоритмов дальнейшего функционирования и актуализируются почти все перечисленные свойства информации, но в первую очередь изменчивость, инвариантность и мультипликативность. В ряде наук блоку VI соответствует измерение.

Обратим внимание, что при синхронной трансляции свойство изменчивости проявляет себя дважды – на этапах, соответствующих блокам 5 и 6 (табл. 1, рис. 1). Таким образом, процесс трансляции информации в самом общем виде представлен шестью элементарными процессами, три из которых разворачиваются в реальном времени (4–6), а три (IV–VI) – в диахронии, поскольку в их последовательности существует разрыв во времени: этап хранения информации. Примером диахронической трансляции может служить описание Жаком Ле Гоффом вхождения чистилища в топографию потустороннего мира⁶. В ментальных основаниях западной культуры изначально содержались и возможность для личности, и право личности на выбор, но ответственность за совершаемый выбор также возлагалась на личность⁷. В средневековье моральные права и обязанности человека фиксировал Декалог, а место человека в мире и представления об универсуме понимались в строгом соответствии со Священным писанием⁸. Медленно, почти два века накапливались сведения о снах и видениях полных символов (блоки IV и V), указывающих на некоторое место «по ту сторону добра и зла». В средневековье слово было символом. (Например, метафора «буриданова осли» не нуждалась в изображении какого-либо осли, сидящего перед двумя копнами сена и умирающего голодной смертью.) Благочестивые «видения» и «сны», принадлежащие простолюдинам, записывались духовными лицами и принимали форму «exempla». В кон-

⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.

⁷ В модели на рис. 3.1 эта особенность культуры будет соответствовать результатам процессов в блоках 1 и 2.

⁸ В модели на рис. 3.1 этому соответствует блок 3.

це концов эти рассказы обеспечили иную интерпретацию «очистительного огня», пылавшего «где-то» в аду. Существование «очистительного огня» было воспринято (блок VI) как имя существительное – «чистилище», то есть в качестве ясного указания на место в географии загробного мира, в котором было возможно устранить несправедливое несоответствие между числом прегрешений и наказанием в аду. Ментальные сдвиги требовали предоставления человеку шанса очистить свою душу. В середине XIII в. догмат о чистилище был принят папством.

Итак, отметим три принципиальных момента в различиях трансляции информации в синхронии и диахронии. *Во-первых*, в диахронии обязательно присутствует временной разрыв, обеспечиваемый промежуточным этапом хранения информации (блок IV), между передачей кодированной информации и ее избирательной рецепцией, а в синхронии этой остановки нет. И здесь важно именно отсутствие этой остановки, а не быстрота процесса. Поскольку до создания современных средств связи осуществление этого процесса – передачи сигнала (передачи сообщения) непосредственно получателю – занимало достаточное время. Словами «отсутствие остановки» в данном случае обозначают то обстоятельство, при котором в синхронии тождественны друг другу субъект, декодирующий информацию, и субъект, рецептирующий ее. Это один и тот же адресат, в роли которого могут выступать структурные элементы одного технического устройства, один человек, одно сообщество. В диахронии субъект, хранящий информацию, и субъект, воспринимающий сохраненную информацию, могут совпадать между собой (в случае автокоммуникации), а могут и быть отличными друг от друга (в примере, описанном Ж. Ле Гоффом, «видения» передавались в синхронии в профанной культуре, но изменение топографии потустороннего мира могло быть вызвано только результатами диахронического режима трансляции). *Во-вторых*, трансформация сигнала (сообщения) происходит в диахронии и синхронии в силу действия разных свойств информации. В синхронии изменчивость информации происходит из-за нетождественности результатов процессов кодирования и декодирования (табл. 3.1), а в диахронии прежде всего из-за деформации носителя информации, вызывающего свойство брэнности. *В-третьих*, механизмы трансляции информации в синхронии и в диахронии обладают различными функциями

для организации тех систем, в которых они происходят. Различия вызывают цели, с которыми осуществляется избирательность рецепции (блоки 6 и VI на рис. 3.1, табл. 3.1). К опыту прошлого (к памяти, блок V) обращение происходит тогда, когда в настоящем не находится способов разрешения наличествующих проблем, то есть с целью компенсации ситуативных трудностей. *Компенсаторная функция* диахронической трансляции может быть иллюстрирована тем же примером с чистилищем: деловым людям средневековья было не избежать геенны огненной без места, в котором они могли бы искупить муками земные прегрешения – очистить душу, поэтому был необходим пересмотр догматов. В синхронии сигнал (сообщение) воспринимается для получения руководства к действию, к использованию, к пониманию того, что есть в настоящем, то есть с целью отбора алгоритмов с прогнозируемыми последствиями в этом же настоящем. В табл. 3.1 эта функция синхронической трансляции названа *прогностической*.

Итак, рассмотренные виды трансляции информации являются автономными и осуществляют передачу информации на основе разных механизмов и с разными целями. Однако результаты этих процессов совмещаются в одной стадии.

Результат трансляции по автономным (4–6 и IV–VI) каналам воплощается в оператор (блок 7), в реализацию некоторой программы, инструкции, технологии, направленную на достижение цели, которая согласуется со сгенерированной информацией (блок 1). Мы уже достаточно обсуждали эту стадию, отвечающую определениям информации, которые давали М. Эйген и Э. Янч. Отметим лишь, что если процессы кодирования и трансляции «запускали» действие ключевого свойства информации – фиксируемости, и его производных: инвариантности, брэнности, изменчивости, транслируемости, мультипликативности, то стадия создания оператора (способов использования информации) происходит благодаря второму ключевому свойству информации – ответственности. На этой стадии выясняется ценность сделанного выбора варианта преодоления неустойчивости (блоки 1 и 2) – приближает ли избранный вариант действительности к тем целям, ради достижения которых хаос преодолевался. На этой стадии выясняется эффективность кодирования информации и ее трансляции (блоки 3–7) – достаточно ли соотношение количественных и качественных характеристик для достижения целей. На

этой стадии выясняется: ведет ли избранный вариант нового порядка к самоорганизации или к самодезорганизации системы. Проще говоря, проверяется полезность или бесполезность работы механизмов всех предшествующих этапов. В случае социокультурных систем примерами операторов являются техника эксперимента, технологии и социальные институты, художественные стили и символы культуры. Казалось бы, правило информационного подхода, утверждаемое нами (о нем мы говорили выше), – исследовать эффективность действия оператора в сопоставлении с «семантикой» первоначального выбора – банально. Действительно, при выборе варианта решений любой парадоксальной (неустойчивой) ситуации мы волей или неволей проверяем адекватность способа решения первоначальной задачи. Случается, что удачные решения частных задач становятся алгоритмом получения ответа в целом семействе задач; более того, их используют для получения решения в тех областях, которые изначально не предполагались в качестве сферы применения этих способов решения. В случае социокультурных систем эти примеры внедрения частных способов разрешений конкретных ситуаций в иные проблемные контексты становятся примерами так называемых внешних модернизаций. Отечественная история изобилует примерами внешних модернизаций, в редких случаях приводящих к желаемым результатам и ожидаемым эффектам. Иными словами, не тривиальность утверждаемого правила заключается в способах определения границ применимости и пределов эффективности конкретных операторов, основанных на выявлении соподчиненности целей, с которыми на каждом из необратимо следующих друг за другом стадий трансформировался первоначальный вариант нового порядка системы, и целей, на достижение которых направлен оператор. Итак, оператор играет роль «пробного камня», исполнение этой роли актуализирует на стадии создания оператора (блок 7) в социокультурных системах действие двух функций – критической и когнитивной. Их действие становится возможным благодаря двум свойствам, порождаемым свойством *действенности*. *Полезности* (потенциальность ее применения для достижения цели, то есть возможность оказать содействие осуществлению «в определенном месте и в определенное время, некоторого события», которое «еще не произошло»⁹), и *полипотентности*. Смысл поли-

⁹ Корогодина В.И. Информация и феномен жизни. Пушино, 1991. С. 49.

потентности в том, что один и тот же оператор может быть использован для осуществления самых разных целенаправленных действий (блоки 8 и 9).

Условием неограниченного долгого существования информации, вопреки бренности, является периодическая репликация (воспроизведение) – блок 8. На этой стадии действует свойство *размножаемости* информации – *скорость*¹⁰, с которой транслируемая информация передается с носителя на носитель. Если эта скорость превышает скорость гибели информации (из-за бренности информации, вызываемой гибелью носителя), то обеспечивается жизнеспособность всей информационной системы. И здесь мы считаем необходимым обратить внимание на один нюанс. Свойства «размножаемость» и «бренность» находятся в определенном соотношении друг с другом. Если бренность подавляет размножаемость, то информация перестает со временем существовать, а если наоборот, то информация продолжает «жить». Оба эти свойства есть производные ключевого свойства фиксируемости наряду, в частности, с транслируемостью, изменчивостью и мультипликативностью. Так следует из описания свойств информации В.И. Корогодиным. Следовательно, информация способна зафиксироваться на материальном носителе, транслироваться с носителя на носителя (причем носители могут быть как разной природы, так и различаться способом записи на них), изменяться при переходе с носителя на носитель или смене способа записи (изменчивость) или оставаться идентичной (мультипликативность). Вместе с тем проведенное распределение свойств по элементарным стадиям информационного процесса (рис. 3.1, табл. 3.1), свидетельствует о том, что само свойство бренности становится возможным при хранении информации (блок V) в диахроническом канале трансляции. Следовательно, если трансляция осуществляется *только* в синхроническом режиме, то это свойство не проявляет себя, а это значит, что размножаемость происходит *без противостояния*, причем размножаться может измененная в процессе передачи информация. Так образуются сплетни и формируется оператор, называемый «есть мнение». Возникает эффект Лернейской гидры, которая пожирает все во-

¹⁰ Напомним, что исходно в фокусе интереса находился поиск критерия, фиксирующего необратимость социокультурных изменений и смену их темпа, то есть критерий некоторым образом связанный со скоростью.

круг и которую почти невозможно уничтожить. В бесконечном размножении своих голов само это существо уже *не помнит*, какая из них бессмертная, а герой, вызвавший ее победить, *не успеет* бессмертную голову угадать, чтобы отсечь. Выход может быть только один – создать вторую Лернейскую гидру. Подобно «соревнованию» двух гидр происходит иногда динамика экосистем, действуют некоторые средства лечения и ведутся информационные войны. Напомним, что подобные ситуации складываются в отсутствии действия диахронического канала, компенсирующего последствия бесконечных изменений. Итак, на этапе редупликации информации (блок 8) обеспечивается жизнеспособность системы в условиях измененного порядка системы. Функцией механизма этого элементарного процесса является *адаптация* (табл. 3.1) новых способов существования (операторов) к функционированию всей системы.

Однако работа оператора (блок 7), как и всякая работа, имеет побочные продукты. На примере динамики экосистем становится очевидным, что формирование иерархических уровней экосистем происходит тогда, когда побочные продукты, получаемые на одном уровне, становятся материалом, из которого создается субстрат следующего уровня. Поэтому за стадией создания оператора, наряду с этапом редупликации информации (блок 8), следует элементарный процесс целенаправленных действий (блок 9), механизм которого направлен на выработку новых целей динамики системы. На этом этапе проявляется последнее из выявленных свойств информации: свойство *истинности*. Если на стадии создания оператора важную роль играло свойство полезности как потенциальное свойство, содействующее осуществлению «в определенном месте и в определенное время, некоторого события», которое «еще не произошло», то истинность трактуется как свойство, проверяющее возможность перехода от потенциальной полезности к актуальному действию. Почувствовать отличие этой стадии от процесса редупликации поможет следующий пример. Новым сотрудникам Резерфорд ставил исследовательскую задачу; если, справившись с ней, сотрудник не находил следующую задачу самостоятельно, то есть не видел продолжения проведенных исследований, то его увольняли. На этой стадии выявляется понимаемая в духе А. Бергсона творческая сила эволюции. Функции этого процесса в табл. 3.1 ей дано название *асимптотической*.

В первом приближении это название указывает на стремление к цели, к которой можно приблизиться, но достигнуть ее нельзя.

Подведем промежуточный итог изложенных рассуждений. Приведенная модель (рис. 3.1) демонстрирует общую структуру информационного процесса. В табл. 3.1 сведены элементарные стадии-процессы, исследование механизмов которых позволило установить корреспонденции функций, свойств информации и результатов, достигаемых на каждой из стадий. Строки табл. 3.1 обозначают предметные области дисциплинарных разделов теории информации: например, строки, соответствующие блокам 1 и 2, есть предмет динамической теории информации; строки, соответствующие блокам 4 и 5 – математической теории связи. В столбце «результат действия процесса» перечислены те этапы и в той же последовательности, которые выявлены в качестве последовательности этапов самоорганизации сложных открытых систем. Это может быть косвенным подтверждением нашего утверждения о том, что механизмами самоорганизации являются информационные процессы. Модель (рис. 3.1 и табл. 3.1) упорядочивает все трактовки информации и подтверждает идею о процессуальной сущности феномена информации. Итак, все разложено «по косточкам». Однако может смутить одно обстоятельство. Пока феномен информации не был разложен «по косточкам», он представлял в разных обликах, поражал воображение, пугал своей мощью, был вездесущ и неуправляем. Феномен был подобен Химере, дракону из греческого мифа, а тело этого дракона «состояло» из частей льва, козы и змеи, он поражал несчастных огненным дыханием и обитал в небесной вышине, где летал со скоростью молнии. Сразить его смог Беллерофонт, оседлав Пегаса. Но победа обернулась трагедией. Убитая Химера предстала нелепым в сочетании своих тел чудовищем, а Беллерофонт стал «ненавидим богами». Миф многозначен. Мы надеемся, что феномен информации перестал быть химерой, а усилие по выявлению его структуры избежит плачевных результатов. Всякая модель, как пример оператора, обладает эффективностью только в том случае, если позволяет получать некоторые небанальные результаты. Данной проверке, в принципе, и подчинено все последующее изложение.

§ 3.2. Формы знаков как результаты стадий информационного процесса

В данном параграфе мы продемонстрируем область применения концепции семиозиса Ч.С. Пирса, обнаружившей свою острую актуальность для понимания и диагностики механизмов Ni-Nume. Поскольку, далеко не все работы Ч.С. Пирса опубликованы, еще меньше их переведено на русский язык, а часть этих переводов деформируют его идеи¹¹, то концепция семиозиса остается мало популярной. Излагать идеи Ч.С. Пирса в книге, посвященной механизмам управления, не вполне уместно, поэтому мы обратимся к спасительным метафорам – всегда удобным для экспресс-объяснений. Причем, эти метафоры будут почерпнуты из мифа – феномена коллективно создаваемого, что делает модель (рис.3.1) применимой для интерпретации его трансляций. Предваряя такую иллюстрацию необходимо подчеркнуть нашу основную идею – 9 подклассов знаков, выделенные Ч.С. Пирсом, являются результатами, завершающими действия 9 стадий информационного процесса на этапе трансляции в синхронии (рис. 3.1).

Поскольку мы уже касались сюжета о Химере и Беллерофонте, то пусть выбранный пример будет с ними связан. В древнегреческих мифах почти все персонажи находятся в «родственных» связях. Так, Беллерофонт был внуком Сизифа. И, пожалуй, в настоящее время Сизиф является более известным героем, чем Беллерофонт. Перечислим факты его известности. Практически все знают выражение «сизифов труд», обозначающую тяжелую и бессмысленную работу. Многим знакома репродукция картины Тициана «Сизиф», глядя на которую каждый может почувствовать полную меру тяжести этой работы. Известно философское эссе Альбера Камю «Миф о Сизифе», в котором есть такие строки: «... можно лишь представить себе предельное напряжение мышц, необходимое, чтобы сдвинуть огромный камень, покатить его вверх и карабкаться вслед за ним по склону, стократ все повторяя сызнова; можно представить себе застывшее в судороге лицо, щеку, прилипшую к камню, плечо, которым подперта глыба, обмазанная глиной, ногу, поставленную вместо клина, перехватывающие ладони, особую человеческую уверенность двух рук, испачкан-

ных земель. В самом конце долгих усилий, измеряемых пространством без неба над головой и временем без глубины, цель достигнута. И тогда Сизиф видит, как камень за несколько мгновений пролетает расстояние до самого низа, откуда надо снова поднимать его к вершине. Сизиф спускается в долину»¹². Не будет преувеличением сказать, что количество знающих поговорку «сизифов труд» превышает число людей, знакомых с картиной Тициана «Сизиф», которых все же больше, чем читателей философского эссе Альбера Камю «Миф о Сизифе». Вместе с тем признаем, что поговорка «старше» картины Тициана, существующей, в свою очередь, дольше текста Камю. Признаем и то, что устанавливается ассоциативная связь: тяжелая работа – сильный человек, ее выполняющий, – способность выполнять ее бесконечно. В своем эссе Камю даже пишет о Сизифе – «пролетарий богов»¹³, который может быть счастлив в краткой «передышке» во время спуска с горы, то есть тогда, когда на самом деле «он возвышается духом над своей судьбой», когда он ощущает себя «крепче обломка скалы». Эта ассоциация выражает себя в следующих воплощениях, показавшихся нам одновременно и любопытными и симптоматичными. Если задать в поисковой системе Интернета «Сизиф», то помимо крылатого выражения «сизифов труд», картины Тициана и ссылки на эссе Камю будет предложено множество предметов, олицетворяющих Сизифа. Это будут сделанные из бронзы, мельхиора и серебра чернильные приборы, пресс-папье, держатели ручек, канцелярские ножницы и многие другие аксессуары. Заметим, аксессуары *рабочего места* эстетически настроенного делового человека. Одна из авторских работ, изображающих Сизифа, показалась нам особенно примечательной. Она называется «Сизиф: раздвоение личности». В утилитарном плане эта композиция служит светильником. Источник света – галогенная лампа, находящаяся внутри «камня» из горного хрусталя. В бронзе выполнена гора и две фигурки Сизифа, пытающиеся сдвинуть камень, «застывший» на вершине. Ситуация, при которой камень «укатал» в конце концов вершину горы и застыл на вершине в равновесии, не была предусмотрена богами. Сизиф также оказался не готов к этому и испытывает раздвоение личности перед за-

¹¹ Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3/4. С. 5–32.

¹² Камю А. Миф о Сизифе // Посторонний. Чума. Падение. Миф о Сизифе. Пьесы. Из «Записных книжек». М., 2003. С. 493.

¹³ Там же. С. 494.

стывшим в равновесии камнем. В этой ситуации, казалось бы, Сизиф может счесть ситуацию, даруемую равновесным положением камня, уже не кратким периодом вдохновения, а прекращением абсурда. Если следовать Камю, то уже не только «надо представлять себе Сизифа счастливым»¹⁴, но и представлять себе Сизифа вечно счастливым. Однако это будет противоречить экзистенциальному смыслу, который Камю придает мифу о Сизифе. Раскрывает парадокс следующее добавление к символике мифа о Сизифе: если гору в Аиде «без неба над головой и временем без глубины», по которой Сизиф толкает камень, «заменить» пирамидой А. Маслоу, что не изменит геометрию мифа, то станет понятно, почему Сизиф не может отделаться от камня, почему мучительность восхождения становится судьбой, почему смысл существования обрывается в абсурдной бесконечности тяжелого труда; почему на этой горе «надо представлять себе Сизифа счастливым».

Вот здесь стоит вернуться к модели (рис. 3.1) и ее комментарии (табл. 3.1) от первого до последнего блока. Теперь же «пройдемся» по ней в обратном направлении. Примером блока 9 «процесс целенаправленных действий» является осуществленная «замена» горы в Аиде на пирамиду А. Маслоу. «Замена» иллюстрирует асимптотические функции этого процесса и экзистенциальный смысл целенаправленных действий человека. Примером блока 8 «процесс редупликации информации» является тиражирование в перечисленных выше аксессуарах символики мифа о Сизифе с привлечением продуктов Hi-Tech (галогенная лампа) и использованием технологий Hi-Hume. Пусть композиция «Сизиф: раздвоение личности» будет воплощением той развилки, которая следует за блоком 7. В самом блоке 7 «процесс реализации переданной информации в оператор для целенаправленных действий» произошел явный «переворот в символизме» мифа о Сизифе. Этот переворот выражен в ассоциации «тяжелая работа – сильный человек, ее выполняющий, – способность выполнять ее бесконечно», делающая из Сизифа «пролетария богов». За эту ассоциацию несут ответственность и богоборческая экспрессия картины Тициана, и утверждение Камю «Сизиф учит высшей верности, которая отрицает богов и поднимает обломки скал». Хочется добавить: «Си-

¹⁴ Камю А. Миф о Сизифе // Посторонний. Чума. Падение. Миф о Сизифе. Пьесы. Из «Записных книжек». М., 2003. С. 495.

зиф – это звучит гордо». Произведенный «переворот в символизме» мифа о Сизифе заставил забыть одно важное обстоятельство. Боги наказали Сизифа тяжелой работой, унижительной в своей бессмысленности, за череду ужасных преступлений. Убийства, воровство, обманы, разбой и прелюбодеяния Сизифа – царя и основателя Коринфа – абсолютно не слышны в словах «сизифов труд», не видны у Тициана и теряются в пафосе текста Камю. Доказательством «переворота в символизме» мифа о Сизифе являются рекомендации интернет-магазина украсить дорогами аксессуарами, выполненными на тему Сизифа, кабинеты деловых людей. Двусмысленность рекомендаций раскрывается при обращении к самому мифу. Однако на пути к сохранившимся повествованиям самого мифа (блок V – «процесс хранения информации») в модели (рис. 3.1) есть этап «процесса рецепции из памяти». Именно избирательность рецепции (блок VI) транслировала в оператор из семантического канала поговорку, из синтактики – образ Сизифа у Тициана, а из прагматического канала – Сизифа как «пролетария богов», который может быть счастлив. Избирательность рецепции проявила себя прежде всего в том, что была воспринята позднейшая версия повествования мифа. Этот верхний слой из напластованных интерпретаций мифа в семантическом канале (блок V, рис. 3.1) делал акцент на соразмерности вероломства Сизифа безнравственности богов. В искусстве Древней Греции (блок V, канал синтактики) Сизиф в противопоставлении богам был многократно изображен в росписи керамики, а в трагедии Крития был выведен героем-богоборцем, противостоящим своей изворотливостью произволу богов. В одной из послегомеровских версий мифа (блок V, прагматический канал) Сизиф, а не Лаэрт считается отцом Одиссея, то есть отцом героя, воплощающего мудрость. К трансляции в диахроническом режиме необходимо добавить и изменчивость образа Сизифа, происходившую в синхронии (блоки 4–6) того времени – от корыстолюбца и стяжателя до хитреца и ловкого человека, – отражающего динамику представлений греков о жителях крупнейшего торгового центра, каким был Коринф. Итак, со всей увиденной многомерностью образа Сизифа перейдем к блоку 3 – «процесс кодирования информации». Миф персонифицирует смыслы. Сизиф персонифицирует несогласие с существующим порядком вещей и неизбежными последствиями этого несогласия. Каждый персонаж древнегреческого мифа, будь то бог

или герой, может и должен оказывать сопротивление судьбе. В своем сопротивлении он обязан стремиться быть победителем, но свою победу следует одерживать по правилам в бескорыстии помыслов и, разделив лавры с высшими силами – Роком и Богами. Примером для подражания был Одиссей. Его жизнеописание – «Илиада» и «Одиссея» – были учебниками, по которым учили детей. Беллерофонт одержал честную победу с Химерой, не имел личной заинтересованности в этой битве, но в упоении от победы, приписываемой только себе, был сброшен своим соратником Пегасом, не захотевшим вознести его еще и на Олимп. Сам Сизиф, в отличие от «сына» Одиссея и «внука» Беллерофонта, выступает в роли явного анти-героя, в образе того, кто служит доказательством «от противного». Сизиф – один из первых, кто хитростью, обманом и прочими преступлениями ответил богам. Но преступления совершали и боги. Зевс, карающий Сизифа, совершил преступление, когда свергал своего отца. Персонафикация дозволенных и недозволенных побед кодировала те ментальные основания (блоки 1 и 2 на рис. 3.1 – «процесс генерации информации» и «процесс фиксации информации»), на которых рождался древнегреческий миф. В мифах Древней Греции содержится воплощение трех оппозиций, действие которых обеспечило мощный старт западной культуры. Культура создавалась в нахождении способов обретения устойчивости в балансировании на неустойчивом фундаменте «трагедийности-гедонизме», «агональности-коллективизме», «аполлоническом-дионисийском». Эллада стала школой, научившей понимать благо жизни в стремлении человека к победе над произволом природных и неприродных сил, причем победа должна быть одержана, во-первых, в строгих рамках установленных правил, во-вторых, в интересах сограждан, в-третьих, в битве, успех или неуспех в которой роковым образом предрешен, но не известен человеку, вступающему в эту битву. Почувствовать этот настрой помогают слова: «...есть упоение в бою у мрачной бездны на краю». Формулировки перечисленных оппозиций и их значение рождались в размышлениях историков и философов культуры над уроками «Школы Эллады». В античные же времена эти основы и правила выступали не в рационализированной форме, а в метафорах мифов. Смыслы метафор раскрывались исследователям и при проникновении в значения имен и образов персонажей мифов (Кронос – время, пожирающее свое порождение;

Прометей – провидец выбора Мойр, персонажирующих Рок), в структуру сюжетов мифов и в напластование интерпретаций повествований о героях-для-других – аргонавтах, о герое-для-себя – Ахилле, о герое, побеждающем физической мощью – Геракле, о герое, побеждающем умом – Одиссее. По замечанию Фридриха фон Хайека, сделанному совсем по другому поводу, люди с большим трудом учатся тому, как не надо делать, чем тому, как следует поступать. Эту трудность преодолевали мифы об анти-героях. Самым многозначным из них является миф об основателе и правителе Эфиры (первоначальное название Коринфа) – о Сисифе (*греч.* Σίσυφος), которого мы называли Сизифом. Отличия (заметим, что первоначально отличия весьма незначительные) ментальных оснований (блок 1) древнегреческой культуры от, например, египетской или вавилонской, выражались в неотвратимости, неумолимости и случайности силы Рока, диктующего последовательность событий. Случайность предначертанного фиксировалась (блок 2) в образе «жребия Мойр», а неотвратимость в том, что в силе богов обозначались пределы. Эта направленность в представлениях об исходных законах бытия в античности воплощалась (или кодировалась, блок 3) в персонажах и сюжетах мифов.

Весь путь трансформаций мифа о Сисифе – от ментальных оснований античности до претенциозных аксессуаров – оставляет образ героя многозначным и метафоричным, оставляет неприкосновенной особую логику мифа, делающего его особым и неустрашимым феноменом культуры. Иными словами, исследования мифа на основе модели сам миф не разрушает. Закономерен вопрос о необходимости модели, чтобы проследить путь трансформации. Во-первых, изложение трансляции мифа получилось достаточно кратким, поскольку было ясно, на какие этапы, ответственные за возможные смысловые сломы, надо обращать внимание (рис. 3.1, табл. 3.1). Эти этапы: идея, требующая фиксации в образе (блок 1 и 2); образ, кодирующий идею (блок 3); иерархия целей интерпретаций мифа в спектре повествований (блоки IV–VI в каналах трансляции); коммуникативная система мифа, обеспечивающая ему существование в настоящем (блок 7) и в случае совершения «переворота в символизме» делающая его оператором социального действия. Во-вторых, модель убеждает в семиотических механизмах трансляции мифа. В-третьих, модель иллюстрирует роль диахронии в создании «защитного пояса» пе-

ред бесконечностью необратимых изменений. В-четвертых, модель демонстрирует, что «переворот в символизме» вызывает согласованность действий каналов, согласованности редко достигаемой, поскольку канал, транслирующий результаты *очищения концептуальным анализом*¹⁵, начинает действовать после транслирующей семантики и синтактики. И последнее. Рассуждения, проведенные на основе модели, позволяют сделать вывод, что человека больше страшит вечность повторения, чем необратимость поступков, а потому он готов пожалеть того, кому уготована вечность мучений «сизифова труда», простив при этом ему самые ужасные преступления. Со временем человек даже придумает способ остановить камень, как в сюжете о раздвоении личности, и «отпустить» Сизифа на волю. И большинство примет иллюзию этой воли (блок 8). Но Камю прав в том, что от этой «ноши не отделаешься». Эту правоту подтверждает пирамида Маслоу, заменяющая человеку гору для бесконечного восхождения (блок 9).

В Главе 2 мы подробно рассматривали «пересечения» категориального разделения бытия, действительности и реальности, сделанного А.Н. Уайтхедом, и ключевых структурных элементов в моделях информационного процесса. Но эти же категориальное разделение обнаруживает и сущностное пересечение с универсальными категориями, на которых базировалась феноменология Ч.С. Пирса: Первичности, Вторичности, Третичности.

Эти категориальные «тройки» Ч.С. Пирса и А.Н. Уайтхеда не тождественны друг другу. Аналогия между ними возникает в последовательности отмечаемых трансформаций формы знака. И если в модели (рис. 3.1, табл. 3.1) тому, чем А.Н. Уайтхед наполняет категорию «бытие», соответствуют онтологические условия генерации информации (блок 1), то категории «первичности» Ч. Пирса («способ бытия того, что есть, как оно есть, положительным образом и безотносительно к чему-нибудь») соответствует действие процессов фиксации информации и кодирования информации (блоки 2 и 3). Любое событие может быть выражено в коде, но ни один код не сможет выразить его полностью. Множественность выражений соответствует разным формам означаива-

¹⁵ У А.Н. Уайтхеда «очищение посредством концептуального анализа» предшествует «перевороту в символизме», что позволило установить (И.В. Мелик-Гайказян, «Миф, мечта, реальность», 2005) концептуальную близость философских взглядов Ч.С. Пирса и А.Н. Уайтхеда.

ния происходящего «как оно есть» в процессе кодирования (блок 3). Результат этого процесса означает старт семиозиса. На рис. 3.1 приведен тот отрезок модели, который отражает информационные стадии семиозиса, а у А.Н. Уайтхеда – механизмы действительности, приводящие к «перевороту в символизме» (блок 7), что вызывает событие-в-реальности. Итак, первичность, как способ быть «как оно есть», вызывает формы означивания в трех планах, поскольку самому этому способу у Ч. Пирса имманентна трихотомия. И это действительно происходит «безотносительно к чему-нибудь»: безотносительно к воспринимаемому сознанию, безотносительно к другим кодам, безотносительно к кодируемым объектам. Напомню, что механизмы процесса передачи информации непосредственно для считывания или декодирования (блок 4 на рис. 3.1, табл. 3.1) таковы, что информация проявляет свойство транслируемости – способности информации быть определенным образом переданной, но *никак при этом не изменяемой*. Свойство изменчивости вступает в действие в последующих процессах. Следовательно, такие формы знака, как «качественный знак», «иконический знак», «рема», есть результаты процессов передачи информации (блок 4) в трех каналах трансляции (рис. 3.1, табл. 3.2). Категория вторичности (феномены, относящиеся к миру фактов, которые *находят выражение в оппозиции к чему-нибудь Другому*) соответствует процессам декодирования (блок 5 на рис. 3.1), то есть процессам, назначение которых находить свое «выражение в оппозиции к чему-нибудь Другому». Сама вторичность в модели информационного процесса находит объяснение в силу действия свойства изменчивости информации (табл. 3.1). Результатами этих процессов становятся формы знака – «единичный знак», «индекс», «суждение» (табл. 3.2).

Категория третичности (опосредования, воспоминания, привычки, необходимости, закономерности, непрерывности, синтеза, коммуникации, репрезентации) соотносится с процессами рецепции, перекодированием информации в соответствии с тезаурусом рецепторной системы и отбором алгоритмов (блок 6 на рис. 3.1). На этой стадии еще раз проявляет себя свойство изменчивости информации. Результатами этих процессов становятся формы знака – «общий знак», «символ», «умозаключение» (табл. 3.2). Таким образом, в результате трансляции в синхроническом режиме происходит трансформация знаков вследствие действия

Таблица 3.2

Сопоставление подклассов знаков, выделенных Ч.С. Пирсом¹⁶, и результатов стадий трансляций информации в синхронии

	Результат стадий (блок 4, рис. 3.1) «процесс передачи информации непосредственно для считывания/декодирования» Свойство информации – транслируемость (табл. 3.1.)	Результат стадии (блок 5, рис. 3.1) «процесс декодирования/считывания» Свойство информации – изменчивость (табл. 3.1.)	Результат стадии (блок 6, рис. 3.1) «рецепция информации для отбора алгоритмов совершенства целенаправленных действий» Свойство информации – изменчивость, инвариантность, мультипликативность (табл. 3.1.)
Семантический канал трансляции	Качественный знак	Единичный знак	Общий знак
Синтаксический канал трансляции	Иконический знак	Индекс	Символ
Прагматический канал трансляции	Рема	Суждение	Умозаключение

информационных механизмов¹⁷. В свою очередь результаты трансляции обеспечивают действие процессов построения оператора, который в случае «переворота в символизме» может стать событием в коммуникативном пространстве. Это пространство в настоящее время коренным образом изменено современными средствами связи, в принципиальной степени ускорившие процессы передачи информации. Темп коммуникаций отрывает сообщение от автора, а его передача уже не нуждается в конкретности адресата. Именно это состояние коммуникативного пространства, то есть самоочевидного пространства динамики форм знаков, актуализирует теорию семиозиса Ч.С. Пирса. На поверхность самоочевидного выносятся не вещи, а знаки вещей, проекции знаков вещей. Эти проекции в прагматике, синтактике и семантике населяют коммуникативное пространство всеми формами знаков, на которых сосредоточена теория семиозиса. И было бы большим заблуждением измерять современное коммуникативное пространство только методами «линии Соссюра», поскольку сам Соссюр утверждал, что видеть только диахронию или только синхронию значит видеть «только половину

¹⁶ Материалом для этого сопоставления стало обобщение, сделанное В. Нётом.

¹⁷ Не будет преувеличением сказать, что модель раскрывает процессы, которые обеспечивают то, о чем Ч.С. Пирс говорил: «символы растут».

действительности»¹⁸. Он же сравнивал объекты диахронии с телами, а объекты синхронии с проекциями тел. В настоящее же время мы находимся в той «половине действительности», которую определяют проекции. Обсуждаемая модель позволяет осуществлять синтез обоих направлений семиотических исследований.

Мысль А.Н. Уайтхеда о том, что «самоорганизация общества зависит от всепроникающих символов»¹⁹ заставила нас искать необходимые условия для самоорганизации самих символов, например условие когерентности (согласованности) поведения всех элементов. Дело в том, что самоорганизация предполагает способность системы преодолевать хаотическое состояние²⁰, в этом состоянии сильной нестабильности особую роль играют малые флуктуации, способные «вдруг» прорваться на макроуровень, а вот при захвате всего объема системы, то есть подчинения всех элементов системы поведению малой флуктуации, с которой все начиналось, и есть рождение нового «порядка». «Прорыв», «захват», «подчинение» происходит при когерентном поведении всех элементов. Следовательно, рассуждения о самоорганизации останутся разговорами и своеобразным переводом самоочевидных вещей в синергетический сленг до тех пор, пока не будет выяснено, что приходит в хаос, чем является малая флуктуация, что действует когерентно. А, самое главное, что будет выступать параметром порядка, по которому проводится различие самоорганизации и самодезорганизации. Философия А.Н. Уайтхеда стала, по признанию И.Р. Пригожина, одним из оснований исследовательской программы самоорганизации диссипативных структур – самой популярной в философских интерпретациях версии теории самоорганизации. В этой версии, сильная нестабильность возникает во взаимодействии системы с ее окружением. В принципе, этой стратегии мы придерживались при описании «переворота в символизме», вызываемого диахроническим режимом. Роль «внешнего» фактора в диахронии играет память, работа каналов прагматики, синтактики, семантики по отношению друг к другу и синхрония. В рассмотренном примере с мифом о Сизифе резуль-

¹⁸ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 120–121.

¹⁹ Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. С. 55.

²⁰ Хаос может трактоваться как недетерминированное поведение под действием детерминированных воздействий.

тат прагматического канала – эссе А. Камю – сыграл решающую роль в этом «перевороте», в котором были «забыты» преступления Сизифа, а эта «амнезия» была вызвана напластаванием интерпретаций повествований мифа в культурной памяти.

Поэтому умозаключение А. Камю «Сизиф – пролетарий богов» определило прагматику дизайна аксессуаров для деловых людей, вобрав символику «тяжелого труда», а преобладание синхронии в современных трансляциях вытеснило из восприятия мифа о Сизифе весь символизм наказания за страшные преступления.

Заметим, что к технологиям Ni-Niute в первую очередь относятся технологии управления, коммуникативные технологии, образовательные технологии, а побочным продуктом Ni-Niute являются мифы о высоких технологиях

Вместе с тем есть версия теории самоорганизации, к которой чаще применяется название «синергетика», рассматривающая источник нестабильности и нелинейности «внутри» системы. Это направление синергетических исследований научной школы А.А. Самарского, Объектами исследования здесь являются существенно нестационарные, усложняющиеся и деградирующие в режимах с обострением структуры. Модели этих процессов методологически значительно сложнее, ибо содержат внутри себя возможности перехода на режим противоположного характера. Представители этого направления, например С.П. Курдюмов, саму структуру понимают процессуально. Это сложно представить в абстракции, но если увидеть модельные эксперименты работы мозга, нарушения ритма сердечной мышцы и процессов, происходящих в плазме, то становится понятным, что в процессах, скорость которых принципиально выше, самоорганизация происходит иначе. Однако последовательность стадий самоорганизации хаос – когерентность – бифуркация остается.

Синхроническая трансляция информации соответствует версии самоорганизации, разрабатываемой С.П. Курдюмовым и его учениками. Переключение режимов происходит при переходе от блока 5 к блоку 6 и от блока 6 к блоку 7 (рис. 3.1), что и обеспечивает изменчивость формы знака (табл. 3.1 и 3.2). В когерентность приходят трансляция в семантике, синтактике и прагматике. Эта же когерентность переводит хаос одновременно существующих в коммуникативном пространстве форм знака (табл. 3.2), а точнее – хаос интерпретант – в некоторое финальное оформление знака.

Финальное оформление знака – в терминологии Ч. Пирса «финальная интерпретанта» – вносит свой вклад в «переворот в символизме». Именно в связи с быстрыми процессами, скорость которых вызывают современные коммуникационные средства, релевантными способами исследования синхронии становятся концепция семиозиса Ч.С. Пирса и методологические следствия синергетики школы С.П. Курдюмова. Таким образом, модель информационного процесса (рис. 3.1) позволила прийти к следующим выводам, обладающим новизной:

а) предметная область семиотических исследований совпадает с этапами трансляции информации (блоки 3, 4–6, IV–VI, 7), а модель информационного процесса позволяет осуществлять синтез направлений семиотики;

б) в современной коммуникативной ситуации (специфику которой определяет смена темпа трансляции и смена доминирующего способа трансляции) «линия Соссюра» обладает релевантностью исследованию диахронической трансляции, а концепция семиозиса Ч. Пирса – исследованию трансляции в синхронии;

в) результатом действия трех процессов – передачи (блоки 3, 4), декодирования (блок 5), рецепции информации и отбора алгоритмов (блоки 6 и 7), осуществляемых в трех каналах трансляции, то есть завершением работы девяти стадий информационного процесса становится создание разных форм знаков, соответствующих девяти подклассам знаков, выделенных школой Ч. Пирса;

г) нелинейная динамика коммуникативного пространства при трансляции в диахронии и синхронии соответствует различным направлениям теории самоорганизации;

д) когерентное действие каналов трансляции вызывает «переворот в символизме», что тождественно событию-в-реальности, которое становится основой новых операторов коммуникативных систем.

Напомним, что нами уже не раз была акцентирована проблема поиска критерия, выявляющего специфику социокультурных изменений, и в § 2.3 был обоснован этот критерий: скорость (темп) образования формы знака в когерентном действии каналов при необратимой трансляции информации. В завершении данного параграфа мы имеем основания для утверждения: этот критерий есть управляющий параметр *самоорганизации семиотических систем*. Для следующего параграфа остается вопрос – как получает-

ся, что трансляция необратима, а динамика семиотических форм этой необратимостью не обладает?

§ 3.3. Манипуляция памятью в семиотических механизмах менеджмента

В информационном обществе произошла трансформация экономической реальности, а сущность данной трансформации в вербальной форме одним из первых выразил Э. Тоффлер, введя понятие «символическая экономика». Новые реальности – социальная, производственная, экономическая – потребовали создания новых принципов и стилей управления. Ответом на этот вызов стал изменившийся подход к разработке рациональных оснований менеджмента. В первом приближении трансформация исследовательской позиции выглядит следующим образом. Менеджмент призван находить оптимальные способы достижения конкретных целей, но сами эти цели формируются обществом, или, точнее, ведущими компонентами социальных систем. Это с неизбежностью создает конкуренцию целей различных социальных кластеров. Победа в этой конкуренции есть победа цели конкретного кластера. Возобладавшая цель определяет сценарии динамики. А это означает, что постановка цели и определит будущие состояния. Вариативность действительности, являющаяся следствием вариативности формулировки цели, актуализирует метод моделирования виртуальных социальных систем, возможных социальных ожиданий и потребностей. Таким образом, центральным пунктом менеджмента нового поколения стало математическое моделирование, осуществляемое в парадигме нелинейной динамики²¹.

Необходимо подчеркнуть, что разработка ряда мощных теорий менеджмента²² сделали достижимыми практически любые избранные цели. Эти новые управленческие технологии выдвинули

²¹ Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М., 2010.

²² Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М., 2003; Лайкер Дж. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира. М., 2005; Нив Генри Р. Пространство доктора Деминга: принципы построения устойчивого бизнеса. М., 2005; Оно Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства. М., 2006; Друкер П. Классические работы по менеджменту. Classic Druker. М., 2008; Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск, 2010.

на первый план в формировании стоимости производимых товаров и услуг такую компоненту, как их *притягательность* для потенциальных потребителей. Создание подобной аттрактивности стало самостоятельной задачей маркетинга. Всё это вместе определило ситуацию, специфика которой в действии обратных связей между результатами процессов формирования социальных целей, результатами реализации управленческих технологий и результатами генерации новых привлекательных образов потребления. Данная взаимозависимость (семантики цели, прагматики управления, синтактики всего того, что предлагает обществу рынок) переводит анализ механизмов менеджмента из предметной области экономико-математического знания в предметную область семиотики. Фиксация специфики сложившейся познавательной ситуации уже была выражена в предложенной нами концепции аттрактивного менеджмента, как стратегия управления будущим, притягивающим настоящее. При этом потенциальная достижимость избираемой цели носит амбивалентный характер, который проявляет себя в том, что, с одной стороны, стратегии менеджмента способны сделать осуществимыми социальные ожидания, с другой – навязывает те образы социальных ожиданий, которые отвечают конъюнктурным интересам самого менеджмента. В этой амбивалентности раскрывается себя реальность манипуляции жизненными целями людей, что актуализирует процедуры гуманитарной экспертизы управленческих технологий и переводит анализ механизмов менеджмента в предметную область философской антропологии. Таким образом, восприятие экономико-математическим знанием потенциалов нелинейной динамики обозначает необходимость оценки последствий, которые неизбежны при разработке новых менеджерских технологий, на стыке математического моделирования, семиотики и философской антропологии.

Здесь необходимо акцентировать один немаловажный факт. Кластерные модели, используемые для моделирования управления в обществе знаний²³ и для моделирования условий достижения мечты²⁴, являются разными модификациями известной математической модели Лотки-Вальтерра. На основе одной из модификаций этой модели Д.С. Чернавским была установлена связь

²³ Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М., 2010.

²⁴ Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Роготнева Е.Н. Информационные условия достижения мечты // Высшее образование в России. 2006. № 5.

между информацией и синергетикой. Отталкиваясь от данного обоснования, нами было доказано, что кластерная модель раскрывает функционирование не всего феномена информации, а только процесса его генерации (модель, рассмотренная нами в §2.1, рис. 2.1). Эта информационно-синергетическая интерпретация кластерной модели выявила механизм генерации информации, что позволило установить на методологическом уровне связь между синергетикой и семиотикой. Итак, есть сходство в основаниях для моделирования управленческих и семиотических процессов, а само это сходство обеспечивается единством информационных механизмов нелинейной динамики сложных систем.

Однако информационная сущность управленческих и семиотических процессов проявляет себя различным образом. Понимание управления как информационного феномена было средоточием всей кибернетической парадигмы. Ограничением применения этой парадигмы к моделированию процессов управления в самоорганизующихся системах было то, что в ее пределах не рассматривались случайность генерации информации и вариативность реальных результатов каждой стадии информационного процесса. Объяснение этой ограниченности рациональных средств находится в самой нацеленности кибернетики на получение запланированных результатов и неукоснительного воспроизведения всей последовательности операций. Для управления обратными связями в сложных технологических циклах данная нацеленность была принципиальной, что обеспечило научно-технические прорывы в 50-70-х годах XX века. Но в этапах динамики самоорганизующихся систем есть те, на которых диктат детерминистических законов уступает действию целевой причинности или телеологических законов. Управление на подобных этапах динамики уже не укладывается в рамки кибернетики, что и стимулирует синергетические интерпретации отмеченной выше кластерной модели. Актуальность этого подхода становится очевидной при разработке менеджерских стратегий в инновационной экономике общества знаний, поскольку на первый план выдвигаются управление процессами генерации нового или генерации информации. Вместе с тем результат генерации информации «запускает» всю необратимую последовательность дальнейших стадий информационного процесса. А необратимость времени входит в концептуальные основания синергетической парадигмы и противоречит кибернетическому

настрою управления бесконечно воспроизводимыми процессами. Именно синергетическое понимание феномена информации как необратимого во времени процесса делает информационно-синергетический подход релевантным задачам управления в инновационной экономике. В границах этого же подхода удастся видеть различные коммуникативные процессы как частные случаи информационного процесса, а из общих соображений ясно, что всякое управление есть управление коммуникациями между всеми субъектами, компонентами и структурными уровнями сложных систем. Таким образом, постановка перед современным менеджментом специфических задач – управление инновациями и коммуникациями – проявила сущность процесса управления как *необратимого* во времени информационного процесса.

Необратимость же семиотических процессов требует дополнительного обсуждения. Это обсуждение актуализирует два обстоятельства. Во-первых, отмеченное Э. Тоффлером качество современной экономики, а именно – ее символизм, о чем было сказано в самом начале параграфа. Во-вторых, сопряженность символизма и содержания управления, которое, пожалуй, впервые было отчетливо выражено А.Н. Уайтхедом: конечная мудрость управления состоит в умении совершать «перевороты в символизме»²⁵.

С одной стороны, информационные процессы в социокультурных системах имеют семиотическое выражение. Все пространство этих систем наполнено знаками и символами, а этапы динамики этих же систем маркирует себя в семиотических формах. В связи с этим, казалось бы, если принять информационную природу динамики социокультурных систем, то следует и безоговорочно принять необратимость семиотических процессов. Для прояснения неоднозначного проявления необратимости можно привести такой простой пример. Добыча золота необратимо истощает данный природный ресурс, но золото в предметном перевоплощении обладает обратимостью. Бесконечно может переплавляться некоторый предмет, сделанный из золота, и бесконечно может совершаться обмен золотом как аналогом денег. Иными словами, золото как результат добычи природного ископаемого может представлять в обратимых формах. То есть, если какому-либо процессу присуща необратимость, то это еще не значит, что необратимость присуща результатам действия этого процесса. Более того, в соци-

²⁵ Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999. С. 43.

окультурной истории – в необратимости исторического времени – можно с легкостью отыскать примеры того, как символы ушедших эпох воспринимаются в качестве абсолютно новых и присущих только переживаемому времени. Например, совокупность реформ, осуществляемых в нашей стране на рубеже 50-х и 60-х годов XX века, была названа «оттепелью». Это вербальное выражение символов времени большинством воспринималось в те годы и воспринимается сейчас в его исключительной принадлежности именно к этому периоду. Однако впервые «оттепелью» назвали в публицистике 60-х годов XIX века реформы Александра II. Таким образом, символы и их восприятие могут проявлять себя циклично, что указывает на обратимость семиотических процессов. Вместе с тем смена стилей исторических эпох, воплощением которых становятся символы культуры, необратимо «отбивает» время в социальных системах. Примеры, иллюстрирующие как необратимость семиотических процессов, так и их полную обратимость, можно приводить бесконечно. Это указывает на необходимость обращения к механизмам динамики семиотических форм.

Концептуальный вариант действия механизмов семиотической динамики представлен в обобщенной модели информационного процесса (рис. 3.1). Морфологию модели образует необратимая во времени смена стадии информационного процесса, а в их последовательности есть два этапа, на которых происходят разветвления, аналогичные разветвлению сценариев динамики самоорганизующихся систем при «переходе» точек бифуркации. Дадим интерпретацию этой модели с позиции последовательных этапов управления.

Первый этап, за которым следует разветвление, соответствует стадии кодирования информации (рис. 3.1, блок 3). Эта стадия становится результатом процесса генерации информации как случайного выбора системой сценария своего развития. Согласно кластерной модели, обсужденной выше, выбор сценариев осуществляется в конкуренции целей различных компонент системы. Сама возможность конкуренции целей и выбора дальнейшего состояния возникает вследствие сильной неустойчивости системы. Жизнь предоставляет нам иногда возможность, прерывающую действие детерминизма начальных условий, выбора своего будущего. Представим, что эта же возможность есть у других, чьи цели расходятся с поставленными нами. Складывается ситуация конку-

ренции целей, или, как говорят сегодня, конкуренция за будущее. В этой конкуренции интересов происходит объединение в кластеры носителей близких целей. Допустим, что все это происходит в достаточно сложно организованном пространстве, то есть у всех кластеров остается право на существование²⁶. Фиксация выбора требует своего кода, необходимого для осуществления коммуникаций между приверженцами одной цели. Все множество коммуникаций упорядочивается в рамках конечного числа «формул»²⁷. В моделях коммуникаций, организованных по «формуле Г. Лассуэлла», объединяющей целью становится выработка общих действий, актуальных для достижения желаемого состояния в будущем, что соответствует прагматической ориентации. В коммуникациях, моделируемых по «формуле К. Шеннона - У. Уивера», интегрирующей составляющей является создание единых образов прогнозируемого будущего, что соответствует синтактике кода. По «формуле Т. Ньюкомба», действуют коммуникации, цель которых в трансляции объединяющих идей, что соответствует выражению в коде семантики сделанного выбора при преодолении неустойчивого состояния. Итак, создание кода стимулируется различными целями. С этой же дифференциацией целей действуют каналы трансляции. В модели (рис. 3.1) три канала трансляции – прагматический, синтаксический и семантический – образуют первое разветвление последовательности стадий информационного процесса. Эти каналы имеют изоморфную структуру, представленную диахроническим (передача информации в память, хранение информации, рецепция хранимой информации для отбора алгоритмов дальнейшего действия) и синхроническим (передача информации получателю, декодирование, рецепция информации для отбора алгоритмов дальнейшего действия) режимами трансляции. Таким образом, режимы трансляции отличаются тем, что в диахронии есть возможность хранить информацию на носителе, а в синхронии эта возможность отсутствует. Если в социокультурной системе хранение информации дает сбой, то происходят разрывы исторической памяти, что делает обратимыми семиотические процессы. Сбои могут происходить из-за разрушения носителя ин-

²⁶ Эти процессы и этапы вербального регулирования конфликтов групп, преследующих разные цели, согласуется с подходом Р. Дарендорфа.

²⁷ Жукова Я., Ширков Ю. Модели массовой коммуникации: Научный отчет. М.: Гостелерадио СССР, 1989.

формации или избирательной рецепции прошлого. Заметим, что умение забывать прошлое является одним из ресурсов управления. В противном случае мы были бы обречены вечно тащить за собой груз всех ошибок, неудачных решений и конфликтов. Так называемая «перезагрузка», позволяет возвращаться к пройденному для исправления допущенных просчетов. Частным случаем этих действий является ребрендинг. Например, компания British Petroleum сократила свое официальное имя до написания двумя буквами bp, чем фиксировала изменение миссии компании, поскольку расшифровкой bp стало beyond petroleum – больше чем нефть.

Принципиальное значение имеет объединяющий оба режима момент. В их завершении присутствует стадия отбора алгоритмов для дальнейших действий. Этот отбор в диахронии происходит среди хранимых в памяти алгоритмов, а в синхронии – при отборе алгоритмов в непосредственном восприятии транслируемой информации. В семиотической интерпретации результаты, получаемые на стадиях рецепции в прагматическом, синтаксическом и семантическом каналах, подобны следующим формам знака, выделенных Ч.С. Пирсом (табл. 3.2). Это, соответственно, умозаключение как результат отбора способов действия, символ как результат отбора структурной компактификации выражения объекта в знаке, общий знак как результат отбора специфики объекта, выражаемой в знаке. Таким образом, трансляцию информации завершает отбор семиотических компонент – умозаключений, символов и общих знаков – алгоритмов достижения цели.

Отбор всегда преследует некоторую цель. В рассматриваемой модели за этапом трансляции информации следует стадия построения оператора (рис. 3.1, блок 7), работа которого и обеспечит для каждого кластера достижение желаемого состояния. Под оператором понимается правило преобразования одного состояния (пространства или множества) в другое. В этом смысле операторами являются те алгоритмы преобразования, отбор которых происходит на стадии рецепции информации. Примерами операторов могут служить социальные и производственные технологии, стили и символы культуры. В § 2.3 было доказано, что именно на этой стадии совершаются «перевороты в символизме», выделенные А.Н. Уайтхедом, а условием переворота становится событийная «сборка» всех компонент знака. Выражение оператора в символе есть еще один способ запустить новый цикл семиотических про-

цессов, то есть совершить «перезагрузку» памяти. Принципиальным это действие является потому, что практически все стадии информационного процесса могут осуществляться либо коллективно, либо анонимно. Мы пользуемся кодами, создание которых есть коллективный процесс. В современной коммуникативной ситуации часто невозможно установить источник информации. При этом рецепция информации происходит индивидуально, а этот этап следует за декодированием или обращением к хранимой информации. Следовательно, чтобы сделать процесс рецепции коллективным надо задать общие для всех рамки декодирования и заменить коллективной памятью индивидуальную память. Достичь этого возможно лишь на короткие промежутки времени. Таким образом, совершение «переворота в символизме» становится реальным при совпадении подобного периода с точкой бифуркации.

Второй этап, за которым в модели информационного процесса следует разветвление, соответствует стадии построения оператора. Как отмечалось выше, само разветвление свидетельствует о «прохождении» точки бифуркации. Интерпретация этапа построения оператора в качестве точки бифуркации указывает на два обстоятельства: ему должно предшествовать когерентное поведение всех элементов системы и его результат способен необратимо закрыть возврат к предшествующему состоянию системы. Поскольку предшествующее состояние системы определяют каналы трансляции, то в когерентное состояние должны приходиться именно они. Из обсуждения модели следует, что сами каналы трансляции представлены различными видами коммуникаций, а результаты каждого из их этапа выражены в семиотических формах. Таким образом, задача управления сводится к нахождению способов перевода в когерентное состояние трансляции всех форм знака. Решение задачи в организации согласованности процессов рецепции информации в синхронии и диахронии. Достижение этой согласованности в синхронии актуально для многих операций в финансовом менеджменте, когда требуется моментальная реакция на сигнал об изменении курсов, котировок и индексов. Методы, изложенные Дж. Соросом в его книге «Алхимия финансов»²⁸, мы интерпретируем именно как управление рецепцией всех игроков на соответствующих рынках, направленное на идентичный отбор ими финансовых операций. Управление в сфе-

²⁸ Сорос Дж. Алхимия финансов. М., 1998.

рах производства и потребления в основном сосредоточено на диакронии. Здесь направить отбор алгоритмов действия становится возможным одновременно, «управляя памятью» и предлагая цель, новизна которой не вызывает у реципиентов сомнения. Сопреженность этих усилий связана с тем, что восприятие цели как новой возможно только либо при социокультурной амнезии, либо при полном неприятии прошлого и настоящего (особенности восприятия времени было обсуждено в § 1.3). Иными словами, управление сводится к манипулированию памятью, что и создает впечатление семиотической необратимости. Символ, воплощающий в себе образы и смыслы будущих действий, становится результатом «переворота в символизме», который совершается на этой стадии информационного процесса.

Разветвление последовательности дальнейших стадий выражено в альтернативе между редупликацией достигнутого, то есть в эксплуатации работы оператора, и в использовании работы оператора для достижения целей, отличных от тех, для которых он был создан. Проще говоря, мы можем удовлетвориться достигнутым или можем сделать из достигнутой цели средство для постановки и решения новых задач.

Приведем примеры, проясняющие отмеченную альтернативу сценариев дальнейшей динамики системы. Одним из них будет известный пример использования найденных способов инновационного производства²⁹. В середине XX века в США была разработана система передачи земли университетам для решения двух задач – обучения фермеров внедрять в своем хозяйстве достижения науки и проведения исследований в области районирования. Итогом этой системы стала модификация сельского хозяйства на основе внедрения наукоемких технологий с учетом местных условий и предпочтений самих фермеров. Одну из подобных ферм посетила советская делегация и, оценив производительность труда на ней, приняла решение о повсеместном применении кукурузы в сельском хозяйстве нашей страны. Были тиражированы технологии, применяемые на конкретной ферме, и упущены из вида базовые ориентации всего проекта. Подобное тиражирование статичного образа Силиконовой долины происходит в настоящее время. При этом упускается из виду, что сам этот феномен обязан случайному

²⁹ Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск, 2010.

совпадению в пространстве университетских исследований, инвестиционных фондов и условий для производства новой техники.

Альтернативу создает конкуренция целей, которым следуют сообщества или, в контексте данного обсуждения, – кластеры. Условием эффективного использования оператора становится вполне определенная цель. В кластерной модели она характеризуется как асимптотическая. В концепции символизма А.Н. Уайтхеда ее содержание определено в качестве «прагматической апелляции к последствиям» и «к будущему»³⁰. Соединить указанную характеристику цели и ее содержания позволяет модель информационного процесса, поскольку каждое из ответвлений в модели выражает цель кластера. Таким образом, выигрыш будет за тем кластером, который асимптотически и прагматически устремлен в будущее. И выигрывать этот кластер будет до тех пор, пока достигаемое в конкуренции будет только средством для постановки новых задач. Фиксация в знаковой форме выигрыша кластера становится символом успеха. Силиконовая долина получила свое имя, только одержав явную победу в разработке информационных технологий. Однако символ успеха может стать ловушкой для тех, кто производит конъюнктурную интерпретацию самого успеха. Накал страстей в развилке альтернативы асимптотических и конъюнктурных целей демонстрирует фильм «Социальная сеть». Напряжение сюжета создает конфликт между фанатичной целеустремленностью главного героя и теми, кто сначала входил в круг его близких друзей или партнеров, но кого он исключал из своего кластера за непонимание масштаба замысла, создающее угрозу его осуществления.

Заметим, что развилка целей, разделяющая кластеры, соответствует выводам теории конфликта Р. Дарендорфа, в которой разделение людей на управляющих и управляемых проводится по стилю их интерпретации символики, знаменующей потенциалы влияния. Казалось бы, в контексте обсуждения проблем менеджмента это разделение людей является уже банальным и восходит к экономической детерминации всех процессов в обществе, доказанной К. Марксом. Вместе с тем социологическая теория Р. Дарендорфа подтверждает высказанную нами информационную и на ее основе выдвинутую семиотическую трактовку современного менеджмента. Подтверждение находится во всепроникающей власти семиотических форм, вскрытой Р. Дарендорфом. Тоталь-

³⁰ Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999. С. 43.

ность этого проникновения в современных условиях зримо поступает при анализе воздействий на все сферы социальной жизни. Виртуализация объектов моделирования, отмеченная в начале параграфа³¹, является следствием монополизации информационными технологиями тех окон (Windows) через которые сейчас люди воспринимают мир. В новом пространстве, созданном информационными технологиями, изменилось производство, а, следовательно, изменились и способы управления. Так, организация производства основного продукта – знания – «использует» вращение планеты, поскольку конфигурация производства подчинена его размещению в различных трех часовых поясах, чтобы, когда в одном локусе рабочий день заканчивался, то в другом локусе он бы начинался. Нематериальность разрабатываемого продукта позволяет транслировать его из локуса в локус, делая конвейер производства виртуальным. Не вдаваясь в подробности теории и практики управления персоналом, легко представить глубину трансформаций современного менеджмента, поскольку на планете трудно найти три локуса, отделенных друг от друга восьмью часовыми поясами, в которых люди принадлежали бы тождественным ментальным основаниям культуры. Это изменяет временные и пространственные параметры производства. Изменяет темп и стиль жизни. Изменяет антропологические конфигурации культуры. Данная трансформация находит адекватное отражение во всех сферах искусства. Например, один из романов нашего времени уже создан авторами в переписке по электронной почте, а на первой его странице приведена характеристика квинтэссенции власти в современном обществе: «возможность создавать образцы и воздействовать на установки людей»³². Рассмотренная нами модель информационного процесса обозначает точки приложения этих усилий. Заметим, что одновременно с этим, данная модель обозначает и пути сопротивления манипуляциям жизненными целями людей.

Из проведенного в параграфе анализа становится ясен управленческий ресурс символизации целей. Целей, различие которых согласно кластерной модели стимулирует конкуренцию социальных страт. В современной модификации кластерной модели удалось учесть шесть страт: «государственные служащие», «военные»,

³¹ Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М., 2010.

³² Вишневецкий Я.Л., Домагалик М. 188 дней и ночей. СПб., 2010. С. 7.

«служители церкви», «предприниматели», «служители культуры» и «ученые и учителя»³³. Однако в управлении инновациями ведущую роль играют цели трех страт³⁴, что оставляет релевантной модификацию кластерной модели (рис. 3.1 в § 2.1), на основе которой удобно выявлять семиотическое содержание менеджмента. При этом следует подчеркнуть, что установить семиотические механизмы менеджмента только на основе любой из модификаций кластерной модели не удастся, поскольку она предназначена для нахождения оптимальных параметров конкурентных взаимодействий и тех целей, которые могут стать аттракторами на этапах нелинейной динамики. Эти этапы в модели информационного процесса аналогичны стадии кодирования информации и стадии построения оператора. Как можно было видеть из обсуждения соответствий стадий информационного процесса конкретным способам управления, между этими двумя этапами существуют фазы, которые и позволили нам вскрыть семиотические механизмы менеджмента.

Три момента, принципиальных для управления инновациями, учитывает рассмотренная модель информационного процесса: генерацию информации как случайный выбор; необратимую и вариативную смену этапов самоорганизации сложных систем; стадию отбора целей динамики, воздействие на которые способны стать потенциалами манипуляций памятью и мечтой людей. Развитие индустрии коммуникационных технологий делает все более значимыми виртуальные пространства, в которые перемещается жизнь и бизнес. Эти пространства имеют семиотическую сущность, поэтому становится актуальным выяснение способов управления в новой социальной реальности. Цель этого управления выражают знаменитые слова Б. Гейтса: «Мы готовы сказать людям все, что угодно, лишь бы они поверили, что наш путь – это их путь». Прагматика высказанной направленности требует социальной реакции в форме гуманитарной экспертизы целей инновационных технологий, способных необратимо изменять выбор жизненного пути людей. Вскрытые нами семиотические механизмы менеджмента способны стать основой для разработки методов подобной экспертизы.

³³ Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М., 2010.

³⁴ Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск, 2010.

Следует заметить, что однозначность цели современного бизнеса, высказанной Б. Гейтсом, существенно оттеняют ему же принадлежащие десять правил для молодежи, суть которых сводится к тому, как не поддаваться на тиражируемые в массовой коммуникации жизненные ориентиры. Эти правила для тех, кто хочет учиться, кто хочет самостоятельно выбирать цель и самостоятельно определять конкретность ее содержания. Новые социальные технологии сделали манипуляцию своим основным инструментом, но хорошо известно, что всякая манипуляция утрачивает действие, если тому, на кого она направлена, ясен характер данного воздействия. Эту ясность позволяет обрести только хорошее образование. Таким образом, границу между теми, кто следует предлагаемому образцу, и теми, кто критически относится к этим образцам и самостоятельно выбирает цель, проводит образование. Отмеченная граница, как и во времена западного средневековья, отделяет профанов от высоколбовых. Высказанное замечание есть еще один пример возврата в семиотических процессах, иллюзия необратимости которых искусственно создается современным менеджментом в управлении памятью и мечтой.

Модель (рис. 3.1) позволяет проводить семиотическую диагностику действия Hi-Hume. Необходимость этой диагностики вызвана следующими обстоятельствами.

Целью менеджмента может быть переустройство производства для создания Hi-Tech-продуктов, что требует разработки и новых менеджерских технологий, и технологий управления знаниями, и технологий оперативной переподготовки кадров, а весь этот комплекс технологий требует еще и создания новых коммуникативных технологий. Помимо перечисленного, Hi-Tech-продукты должны быть востребованы потребителем, а сложность этих продуктов требует нестандартных технологий продвижения к потребителю. В роли потребителя не обязательно выступает обычный человек. Покупателем чаще всего выступают производители высокотехнологичной продукции, органы безопасности, научные центры и учреждения здравоохранения.

Но целью может стать и продвижение продуктов, имитированных под Hi-Tech-продукцию. Имитация сводится к тому, что потребителю предлагают продукт, не воплощающий в себе инновационные решения, но производящий впечатление «продвинутого», инновационного и сложного устройства. Создание впечат-

ления актуализирует манипуляционный потенциал технологий Hi-Hume. Причем эти технологии включают *раньше* начала производства продукта, имитирующего Hi-Tech-продукцию. Подобно тому, как успех коммерчески ориентированных фильмов оценивается количеством купленных билетов в кино в первый уикенд его проката, так успех производства Hi-Tech-продуктов оценивается объемом продаж в первый месяц его выброса на рынок.

Второй вид цели дополняется еще имитацией биомедицинских Hi-Tech-продуктов. Это влечет шлейф этических и биоэтических проблем. Человеку внушается, что все проблемы с его здоровьем могут быть легко решены с помощью новой таблетки, новой притирки и новой наливки. Однако в практике здравоохранения есть процедура информированного согласия, то есть человеку, по крайней мере, объясняют назначение и побочные действия снадобья. В образовательную практику входят технологии Hi-Hume, но процедура информированного согласия не предусматривается, что переносит всю ответственность за их использование на того, кто образовывает себя с помощью продвинутых методик, которые, как правило, обещают обучение без усилий для его получения. Иными словами, все субъективные неудовольствия могут быть компенсированы с помощью высоких технологий.

Итак, первый вид целей, достижению которых служит Hi-Hume, соответствует прогностической функции (табл. 3.1), а второй вид – компенсаторной функции (табл. 3.1), результатом действия которой становятся мифы о высоких технологиях. И здесь возникает следующая проблема. Компас в руках Капитана Воробья указывал на его желания, но сам он не скрывал, что является пиратом, и над его кораблем вился «Веселый Роджер». Комплекс Hi-Hume не выступает под столь явными знаками своих намерений. Таким образом, возникает проблема диагностики этих технологий. Данная диагностика затруднена амбивалентностью Hi-Hume, то есть указанные группы целей достижимы одними и теми же средствами. Следовательно, эти средства отвечают свойству полипотентности (табл. 3.1).

Через призму модели информационного процесса (рис. 3.1) механизмы Hi-Hume выглядят следующим образом. Феномен Hi-Hume вторичен по отношению к высоким технологиям, поскольку по определению он предназначен для поддержки реализации идей Hi-Tech. Эта поддержка сводится к кодированию требований Hi-

Tech для организации управленческих решений. Следовательно, свое «начало» Hi-Nume берет в процессах блока 3 на рис. 3.1. Отмеченная полипотентность Hi-Nume указывает на его принадлежность к блоку 7, то есть к стадии создания операторов. Выявленная специфичность действия высоких технологий, делающая и сферу производства, и социокультурную сферу символическими. В частности, это подтверждается возникновением стиля hi-tech. Таким образом, весь бизнес-процесс Hi-Nume начинается в блоке 3, а заканчивается в блоке 7, вызывая своеобразный «переворот в символизме». Полагаем, что в этих блоках выявить действительную предназначенность Hi-Nume средствами обсуждаемой модели будет сложно. А вот наполнение процессов трансляции диагностики поддается. Подчеркнем, поддается в принципе.

С одной стороны, компенсаторная функция Hi-Nume указывает (табл. 3.1), что имитация высокотехнологичных продуктов задействует диахронический режим трансляции, прогностическая функция достижения первой группы целей – синхронический режим.

С другой стороны, первая группа целей требует, по крайней мере, обращения к опыту поддержки аналогичных Hi-Tech-продуктов, то есть требует обращения к блоку памяти (блок V, рис. 3.1). Требуется время для создания не столько знаков Hi-Tech-продуктов, сколько самих продуктов, то есть создания того, что в семиотике называется «означающее». Вторая группа целей, живущая на постоянном изменении знаковых форм имитируемых Hi-Tech-продуктов, коренится в синхроническом режиме трансляции.

Это переплетение режимов трансляции и есть причина того, что разделить по внешним признакам технологии Hi-Nume на манипулирующие и на поддерживающие Hi-Tech до сих пор не удается. Полагаю, что применение предложенного нами *критерия самоорганизации семиотических систем*³⁵ позволит решить эту задачу. Основанием для этого предположения является то, что при имитации Hi-Tech-продуктов необходим высокий темп новых предложений. Необходимо создание ситуации, в которой человек захвачен потоком имитируемых инноваций. В этой ситуации *игры означающих* человек становится удобным потребителем, поскольку его пристрастия, вкусы и поступки предсказуемы, а следова-

тельно, управляемы. Помимо этого *игра означающих* становится завесой, за которой скрывается очевидность продуктов каждого из каналов трансляции. Так, семантический канал порождает новые Hi-Tech-идеи, синтаксический – Hi-Tech-Art, а прагматический – собственно Hi-Nume. Все это делает чрезвычайно актуальным все направления семиотических исследований социокультурных систем, синтез которых становится возможным на основе моделей информационного процесса.

³⁵ В § 3.1. было обосновано, что в качестве такого критерия выступает темп трансляции образования форм знака при когерентном действии каналов синхронических трансляций информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В разделах книги представлены основания для предложения возможной исследовательской программы в области социальной философии. Абрис междисциплинарных исследований задают три обоснованных позиции. Первая позиция связана с процессуальной трактовкой социальной онтологии. Аргументами для нее являются результаты исследований социальной динамики на основе постнеклассических интерпретаций философии процесса А.Н. Уайтхеда и концепции семиозиса Ч.С. Пирса. Сильная сторона этой позиции – в четко обозначенных пределах применимости традиции анти-реализма, что дает возможность не «бороться» с его версиями, а привлечь их достижения для встраивания множественности воплощений субъекта в таких границах, которые не перехлестывают тотальность феноменологических, конструктивистских, постмодернистских, психологических интерпретации и редукции.

Вторая позиция опирается на потенциалы информационного подхода в его корректирующем синтезе с методами фундаментальных исследований нелинейной динамики. Релевантность информационного подхода, представленная «в новом ключе», задачам социальной эпистемологии обеспечена тем, что открывает познавательные потенциалы для понимания кооперативных эффектов в человеческом сообществе, возникающих под семиотическими воздействиями корреспонденций социокультурных функций и форм.

Третья позиция касается процедур моделирования нелинейной динамики социальных систем, которые выступают в роли методологических средств семиотической диагностики причин и целей трансформаций действительности. Методологические операции моделирования, предложенные в книге, дают возможность оценки эффективности управленческих инноваций в их виртуальной реализации, что позволяет понимать их последствия до воплощений в реальные сценарии следования к новым «порядкам» и «хаосам». Эти же процедуры становятся прологом к решению проблемы измерений в гуманитарных исследованиях, а без решения проблемы измерений все рассуждения об аттракторах, самоорганизации, сложности или об ее утрате лишены прагматической устремленности.

Отсутствие точных критериев диагностики направлений динамики делают умозрительной гуманитарную экспертизу новых технологий, управляющих нашей жизнью и впечатлениями о ней. Иллюзии и отсутствие средств декодирования властной символики уже приводят к тому, что в биомедицинских технологиях происходит утрата индивидуальности, в образовательных технологиях – личности, а в философской рефлексии социокультурных трансформаций – субъекта. Мы будем бесконечно строить и разрушать подобия Вавилонской башни, совершенствуя технологии их возведения и уничтожения. Мы будем принимать растущую множественность деталей за сложность и разнообразие, образы коллективной мечты за символы асимптотических целей, деформации социальной памяти за прогресс интеллектуальных традиций, а уравнивающие нас технологии, специфика которых в упрощенном способе воспроизводства результата, за способы обретения родства и могущества.

СПИСОК РИСУНКОВ И ТАБЛИЦ

Рисунки

1.1. Сопоставление этапов термодинамики и экономической теории	8
2.1. Модель процесса генерации информации	80
2.2. Модель информационного процесса в социокультурных системах, детерминированного содержанием события-в-действительности	85
2.3. Корреспонденция социокультурных форм и функций, установленная на основе модели информационного процесса	86
2.4. Модель процессов трансляции информации	97
3.1. Обобщенная модель информационного процесса	108

Таблицы

1.1. Виды переустройств в зависимости от типа динамики	40
1.2. Взаимосвязь видов информационных процессов и семиотических форм, создаваемых в социокультурной динамике в условиях инноваций	49
2.1. Взаимосвязь форматов целей людей, целей этапов телеологического процесса свершения актуального события и каналов трансляции	83
2.2. Сопоставление этапов синхронической трансляции информации и элементов коммуникативных моделей	96
3.1. Сопоставление стадий информационного процесса (ИП) и функций элементарных процессов со свойствами информации и результатами, получаемыми на каждой стадии ИП	109
3.2. Сопоставление подклассов знаков, выделенных Ч.С. Пирсом, и результатов стадий трансляций информации в синхронии	128

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова Н.Т.* Границы фундаменталистского идеала и новый образ науки // *Философские науки*. – 1989. – № 11. – С. 39–50.
- Алексеева И.Ю.* Что такое общество знания? – М.: Когито-Центр, 2009.
- Алексеева И.Ю.* Возникновение идеологии информационного общества. <http://www.iis.ru/events/19981130/alexeeva.ru.html>
- Аршинов В.И.* Синергетика встречается со сложностью // *Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности*. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 47–65.
- Апресян Р.Г.* Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995.
- Барт Р.* Мифология / Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
- Беннис У.Дж., Томас Р.Дж.* Как становятся лидерами: менеджмент нового поколения. / Пер. с англ. – М.: Издат. дом «Вильямс», 2006.
- Бормор П.* Игры демиургов. – М.: Гаятри, 2011.
- Борхес Х.Л.* Проза разных лет / Пер. с исп. – М.: Радуга, 1989. – С. 86-93
- Вишневский Я.Л., Домагалик М.* 188 дней и ночей. – СПб.: Издат. группа «Азбука-классика», 2010.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988.
- Гиренок Ф.И.* Антропологическая катастрофа: электронный ресурс. <http://religion.russ.ru/society/20020125-girenok.html>
- Гленсдорф П., Пригожин И.Р.* Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций / Пер. с англ. – М.: Мир, 1973.
- Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.
- Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // *Социс*. – № 5. – С. 142–147.
- Дафт Р.* Менеджмент / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2011.
- Дебор Г-Э.* Общество спектакля / Пер с фр. – М.: Логос-Радек, 2000.
- Друкер П.* Классические работы по менеджменту. Classic Druker. / Пер. с англ. – М.: «Альпина Бизнес Букс», 2008.
- Евин И.А.* Синергетика искусства. – М., 1993.
- Жукова Е. А., Мелик-Гайказян И.В.* Философские проблемы технологий и феномен Hi-Tech // *Философия математики и технических на-*

ук / Под ред. С. А. Лебедева: учеб. пос. для вузов. – М.: Академический проект, 2006. – С. 557–587.

Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы. Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. – 376 с. – (Серия «Системы и модели: границы интерпретаций»).

Жукова Я., Ширков Ю. Модели массовой коммуникации: Научный отчет. – М.: Гостелерадио СССР, 1989.

Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории / Пер. с англ. – М.: Мир, 1999.

Зинченко В.П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 110–113.

Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. / Пер. с англ. – Томск: Изд-во ТУСУР, 2010.

Йенсон Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес. / Пер. с англ. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

Кальоти Дж. От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушениях симметрии в науке и искусстве / Пер. с нем. – М.: Мир, 1998.

Камю А. Миф о Сизифе // Посторонний. Чума. Падение. Миф о Сизифе. Пьесы. Из «Записных книжек» / Пер. с фр. – М.: НФ «Пушкинская библиотека»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 405–508.

Кант И. К вечному миру. / Пер. с нем. – М.: Моск. рабочий, 1989.

Касавин И.Т. Предмет и методы социальной эпистемологии // Язык, знание, социум. – М.: ИФРАН, 2007. – С. 3–13.

Кастлер Г. Возникновение биологической организации / Пер. с англ. Под ред. Л.А. Блюменфельда. – М.: Мир, 1967.

Клок К., Голдсмит Дж. Конец менеджмента / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2004. – 368 с.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизация сложных систем. – М.: Наука, 1994.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002.

Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. – Новосибирск: Наука, 2005.

Корогодина В.И. Информация и феномен жизни. – Пущино: АН СССР, 1991.

Лайкер Дж. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

Лакан Ж. Телевидение / Пер. с фр. – М.: ИТДК «Гнозис», Изд-во «Логос», 2000.

Лекторский В. А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии // Познание, понимание, конструирование. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 5–29.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Лотман М. Ю., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Ю. М. Лотман. Избр. статьи: в 3 т. – Т. 3. – Таллин: Александра, 1993. – С. 326–344.

Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В. Структура коммуникативного пространства культуры // Системные исследования культуры. 2008. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 306–327.

Луман Н. Введение в системную теорию (Под ред. Дирка Беккера) / Пер. с нем. – М.: Изд-во «Логос», 2007.

Луман Н. Самоописание / Пер. с нем. – М.: Изд-во «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009.

Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. – М.: Бизнес Атлас, 2010.

Матвеева О.Ю., Мелик-Гайказян И.В. Мечта в России: ответ для старой загадки // Россия как цивилизация. Сб. научн. тр. Под ред. О.А. Донских. – Новосибирск: ИД «Сова», 2008. – С. 77–87.

Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация. (Методологический анализ) – Томск: Изд-во ТПУ, 1995.

Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М.: Наука. Физматлит, 1998.

Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. – М.: Физматлит, 2001.

Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. – 2006. – № 11.

Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования взаимосвязей необратимости, сложности и информационных процессов // Бюллетень сибирской медицины. – 2006. – Том 5. – № 5. – С. 101–114.

Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В. Границы коммуникативного пространства // Коммуникация и конструирование социальных реальностей. – СПб.: Роза мира, 2006. – Ч. 2. – С. 59–69.

Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В. Высокие технологии конструирования социальной реальности // Коммуникация и конструирование социальных реальностей. – СПб.: Роза мира, 2006. – Ч. 2. – С. 353–359.

Мелик-Гайказян И. В. Методологические основания создания обобщенной модели коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 7. – С. 37–43.

Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В., Роготнева Е. Н. Информационные условия достижения мечты // Высшее образование в России. – 2006. – № 5.

Мелик-Гайказян И. В. Воздействие меняющегося мира как информационный процесс // Человек. – 2007. – № 3. – С. 32–43.

Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В. Аттрактивный менеджмент: методологические проблемы теории управления и философское обоснование понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007 – Вып. 11. – С. 36–40.

Мелик-Гайказян И. В. Бумеранг конструирования: траектория полета в коммуникативном пространстве // Конструирование человека: Сб. научн. ст. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. (Серия «Системы и модели: границы интерпретаций»). – С. 114–158.

Мелик-Гайказян И. В. Идея процесса и проблема измерений // Эпистемология & философия науки. 2009. – № 2. – С. 127–142.

Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В. Понятие «коммуникативное пространство» и возможность управления целями // Труды Института теории образования. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 101–107.

Мелик-Гайказян И. В. Релевантность модели информационного процесса исследованию механизмов Hi-Hume // Труды Института теории образования. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 50–101.

Мелик-Гайказян И. В. Законы информации как добыча синергетического бумеранга // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 464–479.

Мелик-Гайказян М. В. Экономическая эффективность высоких технологий. – Томск: Изд-во ТПУ, 2004.

Мелик-Гайказян М. В. Границы аттракций в образовательном пространстве. // Высшее образование в России. – 2009. – № 9. – С. 96–99.

Мелик-Гайказян М. В. Иерархия целей в концепции аттрактивного менеджмента // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 5. – С. 59–65.

Мид М. Культура и мир детства / Сост. и предисл. И. С. Кона.– М.: Наука, 1988.

Миронов В. В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 27–43.

Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И. В. Мелик-Гайказян. – М.: Научный мир, 2005.

Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. – М.: Прогресс-Традиция, 2007.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков; Знаки и действия // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97; 129–143.

Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981.

Налимов В. В. Теория эксперимента. – М.: Наука, 1971.

Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. – 2001. – Вып. 3/4. – С. 5–32.

Нив Генри Р. Пространство доктора Деминга: принципы построения устойчивого бизнеса / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

Никифоров А. Л. Природа философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. – № 3. – С. 5–17.

Николис Г., Пригожин И. Р. Познание сложного. Введение / Пер. с англ. – М.: Мир, 1990. – 344 с.

Нордстрем К., Риддестралем Й. Бизнес в стиле фанк. / Пер. с англ. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2001.

Оно Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства. / Пер. с англ. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006.

Палат М. К. История и память // Идеи и идеалы. 2011. – № 4. – Т. 1. – С. 56–69.

Петерс Э. Порядок и хаос на рынках капитала / Пер. с англ. – М., 2000.

Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. – № 3. – С. 88–95.

Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения / Пер. с англ. – М.: Физматлит, 1980.

Пригожин И.Р. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / Пер. с англ. – М.: Наука, 1985.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986.

Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1994.

Рабинович В.Л. Метафоры человеческого существования // Человек. – 2001. – № 2. – С. 104–105.

Розин В.М. Приобщение к философии. Новый педагогический опыт. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Розин В.М. Введение в схемологию: Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

Рюэль Д., Такенс Ф. Странные аттракторы / Пер. с англ. – М.: Мир, 1981.

Савчук В. Что значит метафора поворота философии? <http://o-karina.livejournal.com/15458.html>

Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации / Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003.

Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга, маркетинг культуры / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Ад Маргинем», 2005.

Сорос Дж. Алхимия финансов / Пер. с англ. – М.: «ИНФРА-М», 1998.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977, С. 35–270.

Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992.

Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. – СПб.: Издат. дом «Мирь», 2011.

Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / Состав. И.Т. Касавин / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – С. 272–303.

Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. / Пер. с англ. С.Г. Сычевой. – Томск: Водолей, 1999.

Уайлдер Т. День восьмой / Пер. с англ. – М.: Радуга, 1982. – С. 297–703.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. – М.: Издат. дом «Классика-XXI», 2007.

Хакен Г. Информация и самоорганизация / Пер. с нем. – М.: Мир, 1993.

Хамел Г. Прахалад К. Конкурируя за будущее: Создание рынков завтрашнего дня / Пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2002.

Человеческий потенциал как критический ресурс России. – М.: ИФРАН, 2007.

Чернавский Д.С. Синергетика и информация. – М.: Знание, 1990.

Шмит Б., Роджерс Д., Вроцос К. Бизнес в стиле шоу. Маркетинг в культуре впечатлений. – М.: Издат. дом «Вильямс», 2005.

Эйген М., Винклер Р. Игра жизни / Пер. с нем. – М.: Наука, 1979.

Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике / Пер. с итал. – СПб.: Академический проект, 2004.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. – СПб.: «Симпозиум», 2005.

Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. – 2006. – Т. 5. – № 5. – С. 7–19.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991.

Chernavski D. S., Chernavskay N. V. Some Theoretical Aspects of the Problem of Life // Origin. Theor. Biol. – 1975. – Т. 8. – N 53. – P. 13–20.

Cottle T. Time Concept (Circle Test) // Trompenaars F. Hampden-Turner Ch. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. – 2nd ed. London, 1997, p. 125–126.

Kluckhohn F. Strodtbeck F.L. Variation in Value Orientations. New York: Row Peterson, and comp., 1961.

Iantsch E. The self-organizing Universe: Scientific and human implications of emerging paradigm of evolution. – Oxford ets.: Pergamon press, 1980.

Sherburne D.W. A Key to Whithead's Process and reality. – Chicago&London: The University of Chicago Press and London, 2001.

Trompenaars F. Hampden-Turner Ch. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. – 2nd ed. London, 1997.

Whithead A.N. Process and Reality: an essay in cosmology. (Sixth Printing). – N-Y.: The Macmillan Company. 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Эффект «двуликого Януса» и парадокс мечты	5
§ 1.1. Идея концепции аттрактивного менеджмента	6
§ 1.2. Коллективная мечта в иерархии целей	15
§ 1.3. Диагностика целей и культурные детерминации переустройств: модификация, модернизация, трансформация, деформация	25
Резюме	62
Глава 2. Эффект «бумеранга» и парадокс профана	63
§ 2.1. Модель процесса генерации информации, или модель совершения событий-в-действительности	67
§ 2.2. Модель детерминистического этапа информационного процесса, или переход от события-в-действительности к событию-в-реальности	84
§ 2.3. Модель процессов трансляции информации	93
Резюме	99
Выводы	103
Глава 3. Эффект «Вавилонской башни» и парадокс памяти . . .	105
§ 3.1. Феномен Hi-Nume и обобщенная модель информационного процесса	106
§ 3.2. Формы знаков как результаты стадий информационного процесса	120
§ 3.3. Манипуляция памятью в семиотических механизмах менеджмента	132
Заключение	148
Список рисунков и таблиц	150
Список литературы	151

В серии «Системы и модели: границы интерпретаций» изданы книги:

Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. – 376 с.

Лукьянова Н.А. Роль события в управлении в управлении коммуникациями / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. – 196 с.

Конструирование человека: сб. научн. ст. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – 160 с.

Мелик-Гайказян И.В., Роготнева Е.Н. Аксиология моделирования образовательных систем. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – 188 с.

Утопия и образование: сб. науч. ст. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. – 234 с.

а также труды:

Всероссийских научных конференций с международным участием «Системы и модели: границы интерпретаций», 2007, 2008, 2009, 2010;

Всероссийских научных конференций с международным участием «Конструирование человека», 2007, 2008, 2009, 2011.

Научное издание

Ирина Вигеновна Мелик-Гайказян,
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории
и философии науки
Томского государственного педагогического университета

Мария Вигеновна Мелик-Гайказян,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента
Национального исследовательского
Томского политехнического университета

АТТРАКТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ:
методологические принципы управления
символизмом целей

Монография

Серия: «Системы и модели: границы интерпретаций»

Технический редактор: С. Н. Чуков.

Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Печать: трафаретная
Бумага: офсетная
Усл. печ. л.: 10.00
Уч. изд. л.: 8.46

Сдано в печать: 20.12.2012
Формат: 60×84/16
Заказ: 705/н
Тираж: 500 экз.

Издательство Томского государственного
педагогического университета
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
Отпечатано в типографии Издательства ТГПУ,
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52–12–93
e-mail: tipograf@tspu.edu.ru

